

Евгения Борисова

Красивейшая для вампиров

Часть III

Вампирские сказки о любви

Пришелец из тьмы веков — живое свидетельство того, что наша цивилизация далеко не первая на Земле — тоскует по своему миру и создаёт новую расу людей, но они не спешат объявлять о себе остальному человечеству. Ведь они похожи на своего создателя, который, в свою очередь, слишком уж смахивает на мифических вампиров.

Никотан талантлив и умён, а ещё он бессердечен и крайне жесток. Ведь породившая его цивилизация сродни цивилизации ацтеков, чьи кровавые правители ни во что не ставили жизнь своих подданных.

Голубая жемчужина

Итак, на сцене истории Чужеземной страны три страшно важных действующих лица, а именно король, королева и принц, который в статусе местного Аполлона. Правда, сегодня он проснулся с прыщом на носу и оттого сильно не в духе. Но принц — хороший сын. Если родители сказали, что надо, то значит надо, и он поплёлся в Наиглавнейший тронный зал. Ведь там будет решаться вопрос государственной важности, а именно, на ком ему жениться, перед тем как его отпустят на рыбалку.

Прежде чем примостить свой геморрой на троне, король разложил на столе пасьянс из портретов пограничных принцесс и велел сыну выбирать ту, что ему по нраву. Но не тут-то было.

— Нет, хоть убейте, но я хочу только русалочку! — капризно воскликнул прекрасный принц Чужеземной страны и для убедительности топнул ногой.

— Ну, хорошо- хорошо, мой мальчик! Будет тебе русалочка. Ах, как я тебя понимаю! — мечтательно закатив глаза, произнёс король Чужеземной страны и опасно покосился на королеву. — Одно нехорошо, что внуки будут с рыбьими хвостами, — добавил он и, кряхтя, стал что-то разыскивать в потайных карманах горностаевой мантши.

— Эврика, нашёл! — радостно воскликнул король Чужеземной страны и протянул принцу пакетик с презервативами.

— Совсем старьёй из ума выжил! — тяжело вздохнув, сказала королева Чужеземной страны. — Сынок, возьми на кухне котелок для ухи, и рыбочистку не забудь, а то намучаешься с чешуей.

Антология вампирских сказочных притчей

ГЛАВА 21. Сложности построения любовной геометрии. Банзай, моё сердце!

Раздался певучий сигнал домофона и, чертыхнувшись, Иван оторвался от ноутбука. На мониторе видеокамеры нарисовалась интересная компания, которая состояла из девушек и Ника Реази. При виде последнего он скрипнул зубами, но делать было нечего и вскоре бесшумно работающий лифт остановился на его этаже.

— Заходите, гости дорогие! Вот уж не ждал некоторых, а то приготовил бы торжественную встречу с хлебом, солью, — с шутовским полупоклоном поприветствовал их Иван, недовольно глядя на соперника.

— Не ёрничай, Ладожский, тебе не идёт, — строго сказала Мари и, обращаясь к сопровождающему их парню, сухо добавила: — Не стой, заходи! Ручаюсь, Ладожский не кусается.

— Может быть, и кусаюсь, но бешенством уж точно не страдаю.

После недружелюбной реплики в тёмных глазах гостя загорелись зловещие зелёные огоньки, но Мари, заметив это, тут же вмешалась.

— Ну, нет! Больше автобусного позорища не повторится. Всем молчать! — с угрозой в голосе приказала она. — Давайте все войдем в квартиру и спокойно обсудим сложившуюся ситуацию. А если ни до чего не договоримся, и вам будет совсем невмоготу, то тогда вы подерётесь. Но где-нибудь в другом месте и, если хватит ума, то без свидетелей.

— Была нужда, болело брюхо, — дёрнув плечом, буркнул Иван.

После некоторого колебания он провёл гостей в большую комнату, оформленную в

современном стиле, но с уклоном в юго-восточную экзотику. Деревянные панели и зелёные бамбуковые обои спокойных оттенков, матово блестящие деревянные полы и минимум мебели в комнате — всё это давало ощущение простора и спокойствия. Добавляя уюта и безмятежности обстановке в окна струился вечерний свет солнца и колыхались раздуваемые ветром лёгкие светлые шторы.

Правда, ворвавшись в обитель покоя, молодые люди принесли с собой эмоциональную напряжённость и беспокойство, которые вдребезги разбили царившую здесь безмятежность. Иван это почувствовал и недовольно поморщился — про себя он пожалел, что привёл гостей в свою любимую комнату. Необходимая для медитаций атмосфера была безнадёжно испорчена, во всяком случае, ему так показалось.

Мари и Соня с ногами забрались на диван, и с кошачьим изяществом улеглась в его разных концах. Думая каждая о своём, они в одинаковой позе и одинаково рассеянным взглядом смотрели вдаль. Ник и Иван уселись в кресла напротив девушек и положили ноги на ногу. Заметив, что сидят в одинаковых позах, оба поморщились и, откинувшись на спинку кресла, положили руки на подлокотники. Вновь оказавшись в одинаковых позах, они выразительно глянули друг на друга, но ни один не захотел её сменить[1].

Время шло, и напряжение молодых людей пошло на убыль. Парни, упрямо не глядящие друг на друга, воззрились на молчащую Мари. Ник смотрел на неё с неодобрением, ему не нравился внешний вид девушки, которая со своими встрёпанными волосами, заспанным лицом и мятой одеждой выглядела так, будто только что выбралась из кровати. Иван взирал на приятельницу с некоторым недоумением, не понимая, чего она молчит, если уж взяла на себя инициативу в переговорах.

Соня тоже посмотрела на Мари, которая с выражением сфинкса продолжала смотреть вдаль. Мыслями она явно была не здесь и по тому, как слегка шевелились её губы, она догадалась, что подруга бьётся над решением очередной математической задачи. Она слегка пихнула её ногой и когда та (Мари, а не задача) никак не отреагировала, осуждающе поджала губы и перевела взгляд на парней: её задело то обстоятельство, что они не обращают на неё внимания.

— Я слышала, что вы подрались в автобусе, — приступила Соня к выяснению отношений в их четвёрке. — Ладожский ты в своём уме? — добавила она, уничижительно глядя на своего игрового рыцаря.

— Ну, надо же! Я же ещё и виноватым оказался! — с возмущением воскликнул Иван.

Он бросил выразительный взгляд на невозмутимо молчащего Ника, но не стал оправдываться и переводить стрелки на непосредственного виновника скандала.

— Естественно, ты! Кто же ещё? — заявила девушка и улыбнулась Нику. — Ну как вам у нас? По дому не скучаете?

Переключившись на его соперника, Соня завела светский разговор, и Иван с сердитым видом воззрился на неё, испытывая при этом совершенно не рыцарское желание дать ей оплеуху. Во время разговора с Реази, она, будто дразня его, а может, так оно и было, напропалую кокетничала с ним. Особенно его злил томный вид, хлопанье ресницами и то как она перебрасывала со спины на грудь и обратно роскошную гриву волос цвета спелой пшеницы, демонстрируя при этом изящество стройной шеи и безупречных рук. Когда девушка протянула вперёд ноги, будто предлагая полюбоваться ещё и ими, Иван не выдержал и так зверски глянул на неё, что она покраснела и, пряча ноги, поспешно натянула платье на колени.

— Э... Знаете, Ник, прошла уже неделя с небольшим, а никакой реакции на нарушение вами дисциплины не последовало. Не знаю, как вас, а нас с Мари такая неопределенность очень даже беспокоит, — несколько сбивчиво проговорила Соня и снова пнула подругу, но с тем же результатом, та по-прежнему была занята вычислениями. — Так вот, мы тут с Мари посоветовались и решили, что нам четверым нужно собраться вместе и урегулировать наши проблемы до вмешательства психологов. Если будем придерживаться одной версии, то от нас быстро отстанут. Мари! — не выдержала она. — Может, ты перестанешь витать в математических дебрях и спустишься уже на грешную землю? Не знаю, как ты, а лично я не хочу все каникулы просидеть на допросах, выворачивая себя наизнанку.

— Ой, больно! Беккер, сколько можно пинаться? Я же не деревянная и всё чувствую! — воскликнула Мари, очнувшись от забытья.

Она с обидой посмотрела на подругу и с демонстративным видом потёрла ногу, но сочувствия не дождалась.

— Да? А по-моему, кто-то натуральный Буратино.

— Неправда!

— Не ту ногу трёшь, — заметила Соня и невинно хлопнула ресницами в ответ на негодующий взгляд Мари.

— Сонь, тебе-то чего волноваться? Ты неходишь в число непосредственных участников, а я буду железно держаться линии яблока раздора, поэтому ты должна остаться в стороне...

— Ой, не смейся! — воскликнула Соня. — Кто поверит, что треугольник замкнут только на тебе? Ты не забыла, что на нас заведены очень подробные досье? Учти, что не все психологи такие лопухи, как твой Давид Левантовский.

— Ну, тогда нужно самостоятельно урегулировать проблемку и максимум, что последует это проверка на ментальном детекторе.

— К тому и веду свою речь! Ты вообще слушала, что я говорила?

— Что тут регулировать, Беккер? — вмешался Иван и, глядя на девушку, ядовито добавил: — Если уж на то пошло, то Мари здесь вообще ни при чём. Это всё ты.

— Я? — возмутилась Соня. — Не носи чушь! Да меня даже не было в вашем автобусе. Народ сказал, что вы с Ником подрались из-за Мари.

— Тогда ты, как и сказала Мари, здесь ни при чём. Если кому предстоит разбираться, так это нам троим, — резюмировал Иван.

— Хорошо, Ладожский! — Соня вскочила с дивана. — Нужно было сразу сказать, что ты не хочешь меня видеть.

— Да врёт он всё! Очень даже хочет! — Мари, бросившись следом, схватила подругу за руку и потащила её обратно. — Сядь, Сонь, и прекрати дёргаться! Просто Ладожский умирает от ревности, вот и несёт всякую ерунду, а ты его слушаешь. Ладожский! — она построила приятелю страшные глаза. — Ещё что-нибудь подобное вякнешь, и я тебя урою!

Иван поднял очи горе.

— Научил на свою голову! Машка, следи за базаром, тьфу! языком! А то люди подумают, что ты уголовница.

— По вашей милости я точно попаду на зону, — рассердилась девушка. — Имейте в виду, что я, как никогда, близка к убийству, причём серийному. Так что лучше не провоцируйте меня.

— Не тащи меня, я здесь никому не нужна, — обижено проговорила Соня, буксируемая

подругой.

— Естественно, нужна, — возразила Мари, — ведь ты у нас эпицентр конфликта.

«Эпицентру конфликта» понравилась отведённая роль, и Соня вновь села на диван.

— Ну, раз она у нас эпицентр конфликта, то ей и карты в руки, — не замедлил Иван с репликой и с усмешкой добавил: — Пусть Беккер, как ей приспичило, встречается с Реази и сваре конец. Конечно, если он не против, — он повернулся к молчаливому гостю. — Ты как, Реази? В самом деле, переключайся на Соню и порядок. Она будет только «за», а психологам скажем, что в нашем квартете теперь полнейшая идиллия.

— Ладожский! — хором воскликнули возмущённые девушки.

Мари исподтишка погрозила приятелю кулаком, а щёки Сони вспыхнули нервным румянцем.

— Не знала, что я твоя собственность, — сказала она звенящим от напряжения голосом и с высокомерным видом добавила: — Не забывайся, Ладожский, наши отношения это всего лишь игра.

Поставив своего бессменного рыцаря на место, она перевела взгляд на Ника, и благосклонно ему улыбнулась. Мари, видя это, с тихим стоном закатила глаза, а с лица Ивана сразу же пропало виноватое выражение и его глаза засветились синим огнём, свидетельствующим о сильнейшем раздражении.

— Ладожский, фу! — воскликнула Мари, желая предотвратить очередную перепалку между друзьями, но было уже поздно.

— Машка, заткнись! — рявкнул Иван и так глянул на даму сердца, что ей стало не по себе. — Беккер, разве я претендую на что-то большее? Можешь и дальше флиртовать со всеми подряд. Только смотри, не превратись в общественное достояние.

— Ты это на что намекаешь? — задохнулась девушка от негодования.

— Извини! — спохватился Иван, поняв, что хватил через край. Он досадливо поморщился, уловив краем глаза выразительный жест Мари, которая со значением покрутила пальцем у виска. — Беккер, не заводись! Честное слово, я не хотел тебя обидеть. Просто неудачный оборот. Я же понимаю, таковы правила нашей игры.

Выпрямившись на диване так, будто проглотила палку, Соня окинула его задумчивым взглядом.

— Спасибо за откровенность, Ладожский. Я-то, дура думала, что нас связывает нечто большее чем игра, а ты, оказывается, ни на что большее не претендуешь. Что ж, это многое объясняет.

— Что именно? — разозлился Иван.

— Например, ту лёгкость, с которой ты предлагаешь меня другим. И вообще, кто бы говорил о загулах... молчи! Слушать тебя не хочу! Всё, баста!

— Что баста? Ты можешь объяснить по-человечески?

— Могу! — охотно откликнулась Соня. — Всё, больше никаких встреч, понял?

— Это ещё почему? — скрипнул зубами Иван.

— Потому что мне надоело пробиваться к тебе через непроходимые стада девиц и выслушивать их глупости. «Ах, Иван, скажите, как решается это уравнение», «Милый, помоги мне вечером со статистикой, иначе я засыплюсь. Приходи, не пожалеешь», — пропищала она противным голоском.

— Я же не виноват, что эти дуры не давали мне проходу, приставая с просьбами помочь. Пойми, я тут ни при чём...

— Я сказала, баста!

— Сонь, сама подумай! Не мог же я изничтожить сокурсниц ради твоего удовольствия, — попробовал Иван воззвать к разуму девушки, как только сообразил к чему идёт дело.

— Ну, прям-таки изничтожать! — насмешливо отозвалась Соня. — Для начала я не заметила, чтобы ты их очень активно отгонял. Одна Исабель чего только стоит... Впрочем, до твоих девиц мне тоже нет больше дела, встречайся с кем хочешь, я и слова не скажу. В конце концов, игра есть игра.

— Мы уже не в Академии! Игры, к твоему сведению, уже кончились! — запальчиво воскликнул Иван.

На личике девушки промелькнула грустная улыбка.

— Если ты так ставишь вопрос, тем более какие могут быть претензии. Игра окончена, следовательно, нас больше ничто не связывает и, возможно, это к лучшему.

— Нет! Сонь, я не это хотел сказать!..

— Ладожский, хватит! Подойди, я верну тебе твою клятву, и ты будешь свободен. Мы оба будем свободны.

— К чёрту! Беккер, признайся уж, что это тебе нужна свобода!

— Да, нужна, — призналась она. — Я устала от поддельных чувств и лживых обещаний.

— Почему это лживых? — возмутился Иван. — И вообще, когда это я давал тебе ложные обещания? — спросил он, хотя уже понял, что настал момент истины и ответа ждут от него.

Явно настроенная на окончательное выяснение отношений, девушка с непримиримым видом сидела на диване и не спускала с него глаз.

Ловушка была готова хлопнуться и Иван, как все нормальные мужчины, в последнюю минуту засомневался, готов ли он оставить беззаботную холостяцкую жизнь и взять на себя тяготы семейной жизни. Злясь, что Соня при посторонних завела разговор, который касался только их двоих, он слишком долго молчал. Затем, чтобы сгладить неловкую паузу, которую она могла неправильно истолковать, он с досадой глянул на упёртую красавицу и, всё ещё находясь в расстроенных чувствах, напустился на Мари:

— Одна устраивает сцены ревности без всяких на то оснований, а затем как ни в чём не бывало, снова вертит хвостом для привлечения внимания. Вторая развлекается тем, что объясняется в липовых чувствах. Видите ли, ей это кажется забавным, а в результате мы дерёмся как два дурака. Не подлость ли это, девушки?

Поскольку нападение — это лучшая оборона, он своего добился. Соня вздохнула и, опустив голову, взялась рассматривать свой безупречный маникюр, а Мари в ответ на его гневную тираду состроила просящую мину.

— Ванечка, я же не со зла! Подумаешь, чуток пошутила. Кто же знал, что так получится? — жалобно пропела она и недовольно покосилась на упорно молчащего Ника. — Что ты снова завёлся? Я же извинилась! Мало тебе что ли?.. Ладно-ладно! Ну, прости поганку! А хочешь, я встану на колени? — лукаво спросила девушка и приподнялась, сделав вид, что собирается исполнить свою угрозу.

— Только попробуй! — рассердился Иван. — Вот ведь дуры набитые! — приласкал он обеих и, не выдержав морального давления, выскочил из комнаты. От греха подальше.

— Ну, вот! Драматическое действие было в самом разгаре, как вдруг главный герой позорно сбежал, — разочарованно протянула Мари. — Соня, не пили меня злобным

взглядом, давайте всё же обговорим то, ради чего собрались, — примирительно добавила она и обвела собеседников внимательным взглядом. В её глазах вспыхнули озорные огоньки.

— Уважаемое собрание, как я понимаю, выяснять, кто прав, а кто виноват в происшедшей драке бессмысленно. Тогда остаётся лишь решить любимый сакраментальный вопрос русских, а именно, что нам делать, — она весело прищурилась. — Есть какие-нибудь предложения? Нет? Хорошо, тогда буду выкручиваться сама. Итак, друзья, что мы имеем? — спросила она лекторским тоном и сама же ответила: — А имеем мы четырехугольник, фигуру совершенно неправильную и шаткую как в геометрии, так и в любви. Со всех точек зрения, правильными и крепкими являются следующие фигуры. Первая — это скучная прямая линия, то есть прямой путь от сердца к сердцу. Вторая — немного сложнее, но подающая большие надежды в плане интриги — это любовный треугольник. Думаю, мы сможем...

В комнату вошёл успокоившийся Иван и, опустившись в кресло, с изрядной долей скепсиса взглянул на разглагольствующую девушку.

— Слушай, Машка, я что-то не понял, о чём ты треплешься, — не выдержал он.

— Мой невнимательный друг, я предлагаю массам свой вариант разрешения любовного кризиса.

— А-а! Тогда я весь внимание. Давай излагай дальше, я тебя внимательно слушаю.

— Во-во, слушай и больше не перебивай! Итак, предлагаю разбить неустойчивый четырехугольник наших взаимоотношений на два устойчивых треугольника, например, Соня, Иван и...

Теперь уже подруга перебила девушку:

— Зай, прекрати паясничать! Неужели ты не понимаешь, что предлагаемое тобой, это крайне бестактно и неприлично?

— Да ладно тебе, Беккер! Что такого я сказала?

— Делай, что хочешь, но меня уволь! Лично я не собираюсь быть стороной ни в каком треугольнике! — с негодованием сказала Соня и бросила сердитый взгляд на Ивана. — И вообще, у меня такое ощущение, что я у вас сегодня выступаю в роли расхожей монеты.

— Вот именно! Мы тут решаем серьёзный вопрос, а ты превращаешь его в балаган. Несёшь всякую ерунду вместо того, чтобы предложить реальный выход из ситуации, — поддержал Иван даму сердца и, глядя на неё, загадочно добавил: — Но если ты меня спросишь, какую геометрическую фигуру я предпочитаю в любовной геометрии...

— Ну, чего ты замолчал? — воскликнула Мари.

— Впрочем, я и так знаю, что ты предпочитаешь скучную прямую линию. Или всё же треугольник? — не утерпела она, не замечая при этом, что подруга одарила её убийственным взглядом.

Уходя от прямого ответа, Иван пожал плечами и улыбнулся — мол, понимайте, как хотите.

— На мой взгляд, самая лучшая фигура в любовной геометрии — это многоугольник, но, за неимением лучшего, я согласен на треугольник, — вдруг подал голос Ник Реази и, пройдясь взглядом по Мари, слегка поморщился. — Хотя одну из его сторон не мешало бы помыть, причесать и одеть во что-нибудь приличное.

— А что так? — усмехнулась девушка. — Клошары не в твоём вкусе?

— Верно, не в моём, — довольно миролюбиво отозвался Ник.

Придержав заготовленную колкость, Мари сладко потянулась.

— Не переживай! В любовной геометрии нет такой фигуры, где мы вместе, — утешила она предполагаемого поклонника и, смерив его изучающим взглядом, подавила вздох.

Ник Реази, судя по одежде и ухоженному виду, был аккуратистом и чистюлей. «И наверняка редкостный зануда», — злорадно подумала девушка. Ну а то, что его отличает редкая красота и харизматичность, она предпочла не заметить — как и того, что оживление, пришедшее на смену мрачной надменности, превратило его в нормального и очень привлекательного парня.

И в самом деле, было видно по всему, что происходящее доставляет гостю явное удовольствие.

Действительно, Ник расслабился и, стараясь не показать любопытства, осмотрелся по сторонам, после чего с неохотой признался, что увиденное ему понравилось. Хотя обстановка сильно отличалась от того, к чему он привык, в ней было то, что он ценил, а именно покой и безмятежность, призванные дать отдых душе. В светловолосой девушке тоже присутствовало всё то, что он ценил в женщинах, и потому ему было страшно жаль, что не она его цель, а её подруга, которая одним своим видом вызывала у него тошнотворный рефлекс. Правда, на настоящий момент это было не так остро, как в самом начале. Тем не менее, ему приходилось постоянно контролировать себя, а всё потому, что его подопечная оказалась неплохим эмпатом, и он не хотел, чтобы она раньше времени догадалась о его намерениях.

Не подозревая о ведущейся на неё охоте, Мари перетекла из полулежачего состояния в сидячее и, зевнув ещё раз, с весёлым выражением на лице оглядела собравшуюся троицу.

— Вижу, что не всем пришлась по душе любовная геометрия. В таком случае можем использовать другой метод.

— Это какой? — поинтересовался Иван.

— А вот такой!

Мари вскочила на ноги и, поправив несуществующую кипу юбок и платок на голове, сделала вид, что тасует карты.

— Ай, мои хорошие, скажу все что было, все что будет, чем дело кончится, чем сердце успокоится! — гнусаво заголосила она. — Позолоти ручку, красивый! Всю правду скажу, бриллиантовый мой, ничего не утаю!

Она подбоченилась на цыганский манер, и ткнула ладонь под нос приятелю. Когда он отказался платить, она протянула руку к Нику.

— Что, тоже нет? — возмутилась она, когда он выразительно посмотрел на неё. — Какой нынче народец жадный пошел! Чума на ваши дома и головы! Что же будет кушать бедная цыганка?

Не теряя надежды на поживу, новоявленная цыганка направилась к Соне.

— Дай рублик, красавица! Такого парня нагадаю, что ни в сказке сказать ни пером описать! — Мари подмигнула Ивану. — Да за такого парнишку полтинника не жаль. Смотри, красавица, будешь медлить, себе заберу... Эй, красивый, стой! Куда же ты пошёл? — выкрикнула она вслед Нику, который отправился на поиски ванной комнаты. — А вдруг я знаю, где и когда ты встретишь свою судьбу? Эй, придурок! Смотри, пройдешь мимо своего счастья, потом пожалеешь, да поздно будет!.. Ой! Молчу, молчу! Страшный-то какой, аж жуть, — ухмыльнулась девушка, поймав знакомый мрачный взгляд.

— Машка, заткнись, а то хуже будет! — с шутливой угрозой произнёс Иван.

— Зая, сядь! Хватит нести всякую ерунду, — поддержала его Соня.

Мари капризно надула губы, но села рядом с подругой.

— И ничего я не несу! А знаете почему? Потому что я лично не заинтересованная сторона и ничто ни туманит мой взгляд на вещи. Кстати, у нас есть ещё один метод...

— Например, по Менделю, — усмехнувшись, перебила её Соня.

— Ну да, и этот годится. Поскольку вы с Иваном — блондины, а мы с Ником — брюнеты, то у нас есть несколько вариантов цветового распределения по стручкам... ой, по парам...

— Я тебя предупреждал!

Смеющийся Иван вытащил подушку из-под спины и с индейским кличем кинул её в девушку. Она не замедлила с ответом и Соня, получившая в результате их перестрелки пуховым снарядом по голове, тут же вступила в битву. Когда на пороге комнаты появился Ник, в него полетели сразу три подушки. На его лице промелькнуло странное выражение — будто ему не верилось, что это происходит с ним, но он не растерялся и с ходу подключился к общей забаве.

Дело кончилось тем, что подушки не выдержали ударов и, взорвавшись в воздухе, усеяли всех и вся белоснежным пухом. Девушки с хохотом повалились на диван, намереваясь передохнуть, а Ник вознамерился сесть в кресло, но не тут-то было. Иван повёл их к чуланчику, откуда извлёк швабру, веник и пылесос и, вручив всё это гостям, заставил их заняться уборкой.

После дотошной проверки хозяин комнаты удовлетворился результатом и лишь после этого соизволил пригласить гостей к столу. Чтобы не заморачиваться с сервировкой, он привёл их в кухню. Правда, в остальном семья Ладожских не ударила в грязь лицом. Вера Дмитриевна, всегда готовая к внезапным нашествиям детей и их гостей, бдительно следила за содержимым холодильника и дореволюционного массивного буфета. После очередного опустошения она снова до предела забивала их съестными припасами, как правило, разнообразными видами готового мяса, колбасами, сырами и фруктами — в общем, всем тем, что не требовало готовки и могло быть съедено в качестве закусок.

И поскольку вампиры без малейшего ущерба для себя могли поглотить немалое количество пищи, то четвёрка отдала должное бутербродам, приправленных свежей зеленью, и кофе с чаем. Правда, чай пила только Соня, остальные предпочли кофе.

— Всё-таки что мы будем делать? — спросил Ник, когда с едой было покончено. Он посмотрел на Ивана. — Ведь ты аналитик. Может, у тебя есть какие-нибудь дельные предложения? — добавил он миролюбивым тоном.

— Если бы некоторые не размахивали кулаками, то и проблем бы не было, — последовал не менее миролюбивый ответ.

— Извини, это вышло спонтанно, — Ник бросил на Мари очередной сумрачный взгляд. — Понимаю, как драка выглядит в ваших глазах, но хочу предупредить, что вы ошибаетесь в её причине. Впрочем, не берите в голову. Это моя вина, сам и буду выкручиваться.

— Думаешь, получится? — засомневался Иван.

Ник с недоумением посмотрел на него, а затем дёрнул плечом.

— Ну да, повинюсь, как зачинщик. Думаю, этого будет достаточно и обойдётся без вашего участия. Ладно, я пошёл. Спасибо за гостеприимство...

— Если не секрет, то куда вас распределили? — внезапно спросила Мари.

Услышав её вопрос, Ник снова опустился на место.

— Я иду в Службу генетики клана, причём в головной институт, — похвасталась Соня.

— Значит, будешь обретаться под крылышком у отца Машки, — резюмировал Иван и, привстав, поклонился. — Прошу любить и жаловать, перед вами один из винтиков Аналитического центра Службы экономики клана.

— Ой, скромняшка, ты наш! — дружно воскликнули девушки и понимающе переглянулись.

— Колись, Ладожский! Уверена, тебя назначили начальником отдела, — сказала Мари.

— Ну, не без этого, догадливые мои! Человек двадцать под моим началом уже есть. Немного, конечно, но лиха беда начало, — с важностью ответил Иван и посмотрел на Ника.

— Спецназ Службы безопасности клана Волка, — слегка помедлив, ответил тот на его невысказанный вопрос.

— Но ты же из клана Ягуара! Почему тебя определили в наш клан? — воскликнула Мари, с подозрением глядя на него.

— Не придумывай лишнего, — проворчал тот. — Практика межклановых обменов существует уже не первый год, и зря ты думаешь, что от меня что-либо зависело при распределении. Но я рад, что попал в клан Волка на стажировку. Надеюсь, не заскучаю вдали от дома.

— О, со временем ты убедишься, что у нас очень весело, — сказала Соня и кокетливо улыбнулась. — Учти, в нашем клане самые красивые девушки.

— Без сомнений! Ведь я воочию вижу одну из них, — ответил Ник учтивым комплементом.

Девушка зарделась от удовольствия, не обращая внимания на гримасу неудовольствия, промелькнувшую на лице Ивана.

— Почему ты спрашиваешь, Машка? — обратился он к приятельнице. — Ведь у тебя одна дорога, а именно, на кафедру математики при региональном отделении Академии. Ну, что ты молчишь? Куда тебя распределили?

— В спецназ СБ Объединенных кланов.

— Очень странно!.. — пробормотал Иван, но его тут же перебила страшно удивлённая Соня.

— Что! Не может быть! — воскликнула она. — Мари, ты же математик. Я не удивилась бы твоему распределению в Академию или в Аналитический центр Службы экономики, как у Ивана, но спецназ Службы безопасности, да ещё Объединенных кланов? У всех же выпускников стажировка начинается в региональных кланах, будь ты хоть семи пядей во лбу.

— Сама удивляюсь. Понимаю, если бы запихали в аналитический отдел СБ, так нет, определили в оперативку спецназа, — сказала девушка и, ухмыльнувшись, добавила: — Мне ещё и жёсткую проверку при приёме устроили, прямо в офисе штаба.

— Ничего себе! — присвистнул Иван. — Ну и дела! Что только творится в нашем вампирском королевстве?.. Ладно, Машка, не расстраивайся, может оно и неплохо. Будете на пару с Реази ходить на задания.

— Не думаю, что такое возможно, — холодно произнёс Ник и, испытующе глянул на девушку. — Ведь у тебя только общевоинская подготовка? — спросил он, и когда та утвердительно кивнула головой, спокойно добавил: — Что ж, очень жаль. Даже если ты одна из лучших, в навыках ты никогда не сравнишься со спецназовцами и будешь на задании обузой.

— А вот и неправда! Кое-кого из ваших хвалёных спецназовцев я хорошо уделала, — со

смешком похвасталась Мари. — Эй, нечего смотреть на меня, как на смертницу! Если уж у нас не получилось с решением любовного четырехугольника, то предлагаю хотя бы развлечься и всласть поохотиться, благо уже стемнело. Пойдешь с нами, Ник? Заодно освоишься в новых пенатах.

— Соко-ва коко-кара тойдэс ка? (Это далеко отсюда?)

— Соре-ва химиц де-су! (Это секрет!)

— Икан сэмбан дэс! Ватаси-ва дэкимасэн. (Очень жаль, но я не могу.)

— Сиката-га аримасэн. (Ничего не поделаешь.)

— Саенара, иноримас таносий ясуми-о! (Прощайте, и желаю вам хорошего отдыха!)

— До свидания! Я спешу. Есть кое-какие дела в штабе клана, — произнёс Ник по-русски и, откланявшись, двинулся к выходу.

— Оясуми насай, (Спокойной ночи!) — хором пожелали ему остальные, и пошли провожать до дверей.

— Ну, Машка, уже всех достала своим японским языком!

«Интересно, откуда Ник знает о моём новом увлечении? — задалась вопросом девушка. — Наверное, Беккер выболтала. Какого чёрта он вообще интересуется мной? Уверена, он меня по-прежнему не жалуёт. Голову даю на отсечение, что его показное увлечение мною — это сплошной блеф... Ничего не понимаю. Да, пропади он пропадом этот задавака! Как будто мне что-то нужно от этого гада...»

— Мари, я жду.

— А-а, — невразумительно протянула девушка. — Ты это о чём, Реази? — спросила она и поспешно попыталась выдернуть руку, неизвестно как оказавшуюся в его ладонях, но не тут-то было.

— Я спрашивал, когда мы снова увидимся, — терпеливо повторил он.

— Даст бог, то никогда! — совершенно искренне выпалила Мари. — Ой, прости, я не хотела так грубо...

— Подумай, как следует, моя дорогая.

— Я не твоя дорогая и что тут думать? Ты сам по себе, а я сама по себе. Меня такая ситуация вполне устраивает.

— В таком случае, извини за назойливость.

Прощаясь, Ник поднес её ладонь к губам, чем несколько удивил Мари, не избалованную его любезностями. Но он оказался в своём репертуаре, и она вскрикнула от неожиданности, когда он её укусил, причём довольно сильно.

— С ума сошёл? Ты что делаешь?

Ник удивлённо приподнял бровь.

— В чем дело, дорогая?

— Ты укусил меня!

— Не может быть! Ты не бредишь? Где? — с недоумением спросил Ник. Под прицелом двух пар заинтересованных глаз он тщательно исследовал её ладонь. На ней не оказалась никаких видимых отметин.

— Дорогая, я бы извинился, мне нетрудно, но, к моему великому сожалению, я не вижу на твоей руке ни малейших повреждений, — насмешливо добавил он.

— Иди к чёрту! — сердито буркнула Мари, выдернув ладонь из его пальцев.

— Н-да, Машка! Кажется, у тебя обширный глюк с заездом в мозги, — прокомментировал происшествие Иван и заговорщицки подмигнул гостю. — На твоём

месте, Реази, я бы с ней позже договорился о свидании, когда она придёт в норму, — он быстро глянул на Мари. — Правда, не факт, что она и тогда согласится.

Не обращая внимания на косые взгляды девушек, парни понимающе переглянулись и на прощание обменялись дружеским рукопожатием.

«Ты это видела?» — безмолвно спросила Соня, и Мари кивнула — мол, да, видела. «Что ж, этого следовало ожидать: мужским коалициям драки не помеха, а всего лишь выяснение, кто из них главный», — подумала она, попутно удивляясь тому, что приятель, даже зная о её чувствах к Тьену, предложил Нику встретиться с ней.

«Видимо, Ладожский не оставил прежнюю затею и хочет, чтобы я отвлекла Реази от Сони. Или наоборот, её от него», — пришла Мари к выводу. Она поразмышляла на эту тему и решила, что от неё не убудет, если она возьмёт Ника на себя и этим устранил угрозу отношениям её друзей. К тому же она любила театральное действие, как таковое, а Ник, к тому же, задел её своими насмешками и презрительным отношением. «Ну погоди, зазнайка! Решил поиграть со мной в любовь? Что ж, давай поиграем! Посмотрим, кто в результате останется в дураках», — и она усмехнулась, поймав испытующий взгляд тёмных глаз.

— *Au revoir, mesdemoiselles*, — вежливо попрощался Ник.

Прежде чем уйти, он сказал Соне, что она прекрасна, как мечта, и поцеловал ей руку, а Мари снова проигнорировал, что её несколько задело. «Вот гад! Ведёт себя так, будто это не он только что просил меня о свидании», — сердито подумала она.

---

[1] Группа выглядела настолько живописной и выразительной в атмосфере, насыщенной напряжением, что любой стоящий художник отдал бы полжизни, чтобы запечатлеть её на полотне. К великому сожалению для потомков, в комнате не нашлось искусной руки с кистью, умеющей как надо наложить краски на холст, и оттого шедевр на века так и не увидел свет.

Трудности отечественного съёма проституток

Ник Реази ушёл через центральный вход дома, а остальная троица спустилась в подземный гараж. Иван открыл дверь чёрной «ауди» и усадил девушек на задние сиденья, а сам сел за руль автомобиля. Повернувшись к ним, он весело спросил:

— Ну, красавицы, куда рванём? Есть предложения?

— Лично мне всё равно куда, — отозвалась Соня и вопросительно посмотрела на Мари.

— Ночные клубы надоели. Терпеть не могу привкус наркотиков и прочей дряни в крови, но нужно соблюдать традиции, — размышляя вслух, задумчиво проговорила Мари. — Может, рванём на окраину? Вдруг нам повезёт нарваться на преступный элемент...

— Не имеющий дурных привычек в виде курения, потребления алкоголя и наркотиков? Такой мифический преступный элемент просто стадами ходит по окраинам Санкт-Петербурга, — скептически фыркнув, перебила её Соня.

— О Боже, прошу тебя о сущей мелочи! Дай нам вволю порезвиться и пусть на ужин у нас будет экологически чистая продукция. Умоляю, не нужно добавок, особенно синтетических, — молитвенно сложив руки, пропела Мари.

— Надеюсь, Боже в настроении и внял твоей просьбе, — откликнулась Соня и тоже воздела руки к небу.

— Аминь! — завершил Иван импровизированную молитву девушек и повернул ключ зажигания.

«Ауди» мягко тронулась с места и покатила к выходу из гаража. Ладожский слегка притормозил, в ожидании пока перед ними распахнутся бронированные створки ворот, и Соня успела подмигнуть, а Мари помахать строгой охране, высокому молодому человеку в тёмной форме, беспристрастно взирающему на отъезжающих. Несмотря на официальную строгость, в глазах парня промелькнул весёлый огонек. Иван неодобрительно покосился на него и так рванул с места, что девчонки завизжали и, смеясь, попадали друг на друга на крутом развороте.

Въехав в Приморский район города, они оставили машину на тротуаре у нового высотного дома и неспешно пошли по ночному городу. Несмотря на позднее время, на улицах оказалось довольно много народа — и просто празднующих гуляк, и усталого рабочего люда, спешащего к домашнему очагу. Заметив ночной клуб средней руки, молодые вампиры свернули в его направлении. Вокруг злачного места шумела и бесцельно кружилась пьяная толпа подростков. Совсем юные размалеванные девицы, выглядящие старше лет на десять под слоем грубой косметики, строили глазки таким же парням, а те в пьяном угаре пытались казаться взрослыми мужиками и периодически выясняли отношения друг с другом на их любимом уровне «ты меня уважаешь?» Иногда вспыхивали драки, причем нередко с участием обоих полов.

— Ну как? Ещё остались иллюзии насчёт экологически чистого элемента? — покосившись на Мари, съехидничала Соня.

— Тише, не мешай поиску! — шикнула та на подругу и азартно сверкнула глазами. — Видите вон ту группку в аллее? По-моему, подходящая дичь. Ну, точно наши клиенты.

— Это там, где один из парней хлещет девицу по лицу? — уточнил Иван.

Получив утвердительный кивок, он повёл девушек в направлении выбранной дичи.

Подойдя ближе, они смогли лицезреть картину съёма дешёвой путаны, во всей её неприглядной красе. Двое парней с неиспорченным интеллектом лицами стояли рядом с тощей чернявой девицей, одетой в традиции своей профессии — в туфли на высоченных каблуках, короткую юбку и нечто напоминающее лифчик. Будучи основательно навеселе, проститутка осмелилась перечить сутенеру:

— Ну, Ибраги-и-имчик, отпусти меня. Пожалуйста. И-к. Ну, миленький, чего тебе стоит? Я ж только с аборта! Ей богу, я отработаю! Вот только перестанет живот болеть, — плаксиво причитала она, цепляясь за него и заискивающе заглядывая в глаза. Получив очередную несильную оплеуху, тому не хотелось портить товар, она начинала тоненько скулить, имитируя рыдания. — Не надо меня бить, Ибраги-и-и-мчик! Ну, не надо! Я отработаю. Честное слово, через три дня я буду пахать как проклятая. Ну, Ибраги-и-и-мчик!..

— Отцепись, шалава! Тут тебе не госпредприятие, у меня б... на больничном не сидят. Иди с клиентом, сука, кому я сказал? Упустишь его, зарежу...

Клиент, высокий крепкий парень лет тридцати, с ухмылкой наблюдал за этой сценой. Наконец, сутенёру надоело ныть. Прорывав нечто матерное, он так хлестнул проститутку по лицу что та, не устояв на высоких каблуках, как подкошенная рухнула на землю.

Иван, наблюдавший за происходящим с брезгливой миной на лице, повернулся к спутникам.

— Видите? Слева, в кустах сирени! — сказал он вполголоса.

Девушки внимательно всмотрелись в густые тёмно-зелёные заросли. На нижней толстой ветке сирени, скорчившись, сидел мальчишка лет пяти. Он беззвучно плакал, размазывая слёзы по грязным щекам. Когда проститутка упала от удара сутенёра, ребёнок не выдержал. Отчаяние исказило худое личико, и с воплем «мама!» он бросился к ней и принялся тормошить бесчувственное тело. Наконец, та неловко зашевелилась и сделала попытку подняться. Что оказалось нелёгким занятием при её обуви.

Нетвердо стоя на ногах от дозы алкоголя и полученной оплеухи, тем не менее проститутка дотошно осмотрела свой наряд и принялась сосредоточенно отряхивать его от грязи. В какой-то момент она заметила мальчика. В её мутных глазах загорелась ярость пополам с радостью: наконец-то есть на ком безнаказанно сорвать злобу за унижения, выпавшие на её долю.

— А-а! Всё шпионишь, мелкий засранец? Снова бабка подослала!

Грязно выругавшись, проститутка схватила ребёнка за руку, и с размаха ударила. Наученный горьким опытом, тот попытался прикрыть голову руками, но это ещё больше разъярило любвеобильную мамашу.

— Ну, давай! Иди, скажи старой суке, что я опять на улицу вышла! Чтобы эта потаскуха опять деньги таскала! Мои! Кровные! Когда же эта ...лядина нажрётся да сдохнет?.. Кровопийцы! Всё вам мало! Сколько раз говорила, не таскайся за мной!

Под градом ударов мальчик упал и попытался отползти, но проститутке показалось мало. Подскочив, она принялась ожесточенно пинать скрюченное тельце.

— Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать, как шпионить! Ни копейки не дам! Хоть подохните со старой курвой! — в визгливом голосе слышалось торжество мелкой пакостной твари.

Мужики захохотали.

— Вот, б... дает! Ишь, как круто своего сучонка воспитывает! — воскликнул клиент с одобрением, и проститутка принялась пинать мальчика с удвоенной силой.

— Пожалуй, на сегодня достаточно зрелищ жизни на дне, — со сдерживаемым гневом

сказал Иван. — Мы не нарушим охотничий кодекс, взяв их в оборот. Насколько я припоминаю человеческое право, когда одни взрослые издеваются над беззащитным ребенком, а другие на это безразлично смотрят, то такое действие подлежит наказанию. К сожалению, их неповоротливая машина правосудия действует долго и зачастую в упор не видит таких мелочей, но мы не настолько близоруки. Правда, девочки?

— Ладожский, мне не нравится дичь. Давай не будем спешить и ещё немного погуляем... — беззаботно проговорила Соня и, взяв его под руку, потянула за собой.

Делая вид, что не слышит, Иван мягко освободился из её хватки и продолжил:

— Предлагаю на правах их знаменитого суда-тройки вынести скорый приговор. Кто за то, чтобы приговорить подонков к смертной казни? Единогласно, — произнес он, непримиримо глядя на вдруг заколебавшуюся девушку. — Помолчи! На ком-нибудь другом, более достойном демонстрируй своё человеколюбие. Учти, я обязательно прослежу, чтобы на этот раз ты не отлынивала от охоты.

— Прекрати, командовать! — взвилась Соня, но под его взглядом понурилась и чуть слышно буркнула: — Хорошо, я постараюсь.

Мари удивлённо покосилась на подругу.

— О чём речь?

— Не бери в голову. С некоторых пор на почве человеколюбия у Беккер развивается паранойя. Пора её вытравить, пока та не приняла необратимый характер, и она не выпала из вампирского сообщества, — сдержанно пояснил Иван, заметив её недоумение. — Хватит болтовни, пора за дело! — скомандовал он, бесшумно срываясь с места.

Возбуждённо сверкая глазами, Мари отправилась следом за приятелем и Соня, поколебавшись, догнала её и зашагала рядом.

Троица, увлекшаяся издевательствами над мальчишкой, не замечала молодых вампиров до того момента, пока они не остановились рядом с ними.

— Чё надо, придурок? Чё, ..., уставился? Тут тебе не театр! — злобно оскалился товарищ с гор.

— Почему? Такое поучительное зрелище не часто увидишь. А сколько экспрессии и динамики в постановке, — усмехнувшись, сказал Иван.

Засунув руки в карманы, он принял обманчиво расслабленную позу.

Почти скрытые его высокой фигурой девушки держались позади и пока не вмешивались в действие. Посерьёзнев, сутенёр исподлобья разглядывал потенциального противника. Уверенная поза, твёрдый взгляд и обманчивая ленца заставили его насторожиться. Почувствовав угрозу, он сунул руки в карманы, проверяя на месте ли складной нож, и разразился серией матюгов.

— Вали отсюда, пока цел! — добавил он в завершение.

— Фу, как грубо! Думаю, для театра слишком много вульгаризмов, с непере译имой игрой слов. Всегда так бывает, когда на сцене играют поганые актёры, — пропела Мари, выступая из-за спины юноши, и капризно добавила: — Ладожский, что за дела? Хватит размусливать, ближе к делу.

— Машка, не мешай общаться с народными массами.

— Нафиг они тебе сдались?

— Не торопись. Согласно охотничьему кодексу, мы обязаны соблюсти формальности...

— Ибрагим, ты только глянь, какие цыпочки к нам пожаловали, — «созрел» клиент, очевидно хороший знакомый приснопамятного товарища с гор. — Ну..., высший сорт! — и

его рожа расплылась в довольной ухмылке.

— Ну, надо же! Беккер, кажется, мы идём высшим сортом. Ты польщена? — усмехнулась Мари и глянула на молчащую подругу.

Соня брезгливо поморщилась.

— О чём ты говоришь? Будь моя воля, в жизни не подошла бы к таким подонкам...

— Вай, такая красивая девочка! Зачем ругаться? Обе идите ко мне работать. Не обижу, да! — слащаво заулыбался Ибрагим при виде девушек. Его глаза загорелись.

Проститутка, испугавшись, что у неё появились конкурентки, злобно окрысилась.

— Пошли вон, шалавы! Здесь я работаю!

С визгливыми ругательствами она бросилась к Мари, но отброшенная молниеносным движением Ивана, отлетела в сторону.

— Ибрагимчик, прогони этих сучек, ты же здесь хозяин, — заискивающе залепетала проститутка.

— Заткнись, б..., из-за тебя всё, — отмахнулся «Ибрагимчик».

Оценивающе оглядывая девушек, он старался не выпускать из поля зрения их спутника. Внутреннее чувство кричало об опасности, и сутенёр не решался напасть первым.

— Что ты дрейфишь, брат? Всего-то дел, отрезать козлу яйца и девочки наши. На них же озолотиться можно, паханы в очередь встанут, — процедил «клиент», довольно усмехаясь. Мощный качок с рельефно выпирающими мышцами свято верил в собственную силу, не слушая предостережений интуиции. Он ни во что не ставил юношу хоть и гибкого, но довольно худощавого телосложения.

Испуганная проститутка почти протрезвела.

— Эй! Пойдём, парниша, обслужу по первому классу. В накладе не останешься, — сказала она, хватая клиента за руку.

— Да, пошла ты, ...! Кому ты нужна, коза затрёпанная!

Не спуская с девушек жадного взгляда, «качок» с силой пихнул проститутку и она, ругаясь, снова растянулась на земле.

— Не знаю, как вы, а лично меня уже достали грязные речи. Уши вянут от матюгов, — деловито сказала Мари. — Значит, первым делом перекроем их поганый поток.

Прищурив отливающие фиолетовым глаза, она бросилась вперёд и неуловимым человеческому глазу движением ткнула всех троих в районе горла.

— Порядок!

— Какая многозначительная пауза на сцене бытия. Как много в ней трагичности и смысла. — усмехнулся Иван пока работники сферы обслуживания и их несостоявшаяся клиентура с натугой хватали ртом воздух не в силах издать хоть какой-то звук.

— Дичь под контролем, пора вести их на оперативный простор, — подытожил он и вопросительно посмотрел на приятельницу. — Машка, что у нас с лицензиями?

— Есть две, с разрешением на убийство.

— Женщине повезло, — сказал юноша с сожалением в голосе и через ментал отключил ненужную дичь.

Проститутка упала рядом с сыном, который, потеряв сознание, по-прежнему лежал на земле.

— Мы куда? — возбуждённо спросила Мари.

— Нет смысла тащить их далеко. Неподалёку есть большой запущенный парк. Думаю, там нам никто не помешает. Чур, ментал не использовать!

— Ага, и боевые навыки по минимуму, а то неинтересно.

— Вперёд! — скомандовал Иван и дал дичи понуждающий ментальный импульс.

Лица подонков исказились в безуспешной попытке вырваться из невидимых пут, но тщетно. Подгоняемые через ментал они послушно зарысили к парку.

ГЛАВА 22. Безопасность не дремлет

Диспетчерская Центра слежения СБ своей обстановкой походила на сцену из фантастического боевика или на ЦУП НАСА... каким он, возможно, станет в будущем. Глаза дежурных операторов были прикованы к обширной карте, которая отображала регион, подконтрольный клану Волка. В основном, в него входили Европа и территории государств бывшего СССР.

На карте мерцали многоцветные зоны напряжённости ментальных полей и бежали информационные строки с данными, отображаемыми в режиме реального времени. Сведения одновременно поступали в аналитические отделы СБ РК и СБ ОК. Обе службы обрабатывали материал независимо друг от друга, а затем эксперты проводили сравнительный анализ.

На одном из мониторов СБ замигал зелёный огонек, сопровождаемый певучим звуковым сигналом. Он показывал всплеск точечной напряженности в ментальном поле Петербурга.

— Ну-с, что здесь происходит? — дежурный офицер с заинтересованным видом склонился к монитору.

— Молодняк дичь гоняет, сэр! — доложил оператор.

— Выведите на экран идентификационную информацию.

— Есть, сэр! Согласно сигнальным чипам, это трое стажёров, которые только что окончили Академию. Место охоты: Петербург, Приморский район. В работе четыре объекта, — отрапортовал он и с завистью добавил: — Везёт же молодняку, всюю развлекаются на каникулах.

— Лицензии на ликвидацию есть?

— Да, сэр. Две штуки. Они отправили запрос на использование, и я уже перенаправил его в отдел зачистки.

— Хорошо. Всё же поставьте ребят на контроль и проследите, чтобы они не прокололись. Город крупный, огласка нам ни к чему.

— Слушаюсь, сэр.

— Не трудитесь, господа, — подключился к разговору Палевский. — Я сам присмотрю за ними.

— Так точно, сэр! — вытянулся в струнку дежурный офицер и, когда глава СС прервал связь, тихо уточнил у оператора: — Сколько объектов задействовано в охоте? Четыре?

— Да, сэр.

— Снимите ребяташек с контроля. Укажите в рапорте четыре лицензии на ликвидацию и вышлите на место ближайшую группу зачистки.

Дежурный офицер совсем недавно получил повышение, но он был опытным оператором и потому о привычках главы СС знал не понаслышке.

Охота есть, удовольствия нет. Бандерлоги, хорошо ли вы меня слышите?

В запущенном парке было тихо и темно. От настоящего леса его отличало лишь множество неухоженных тропинок, которые прихотливо петляли между высокими деревьями. Их замысловатая паутина временами сводила одиноких путников, а затем с неуклонностью судьбы вновь разводила в разные стороны.

На пороге времён стояла ранняя осень. Дородная цветущая красавица ещё медлила со своим появлением. Кокетничая, она ждала той поры, когда сможет явиться миру во всей своей золотой красе. Тем не менее воздух в парке был уже по-осеннему чист и прозрачен, а лёгкий ветерок нёс с собой пряные запахи земли, а именно прелой листвы и грибов, что наводило на мысль о бренности существования и вызывало тоску по уходящему лету.

В центре лесного массива, на низинном лугу, мелодично пели цикады. Их мирная трескотня придавала сонное очарование ночному пейзажу, озаряемому таинственным сиянием полной луны. Порождая тёмные фантазии, верная спутница Земли безуспешно пыталась заменить ей солнце. В ночном полумраке на звёздном небосклоне стремительно проносились крошечные тени. Это охотились летучие мыши, не менее верные спутники мифических вампиров.

Топот и мат попеременно с хриплым дыханием вмиг разрушили мирное очарование парка. На фоне прозрачной тьмы промелькнули две нескладные фигуры. В поисках спасения беглецы отчаянно ломались сквозь кусты и невысокий подлесок.

Испуганные цикады примолкли, но страх не вечен и спустя мгновение вновь зазвучало их мелодичное стаккато.

Двуногая дичь боялась не зря. Спустя несколько минут в кронах высоких сосен бесшумно промелькнули мужской и женский силуэты. Преследователи, в которых чувствовалась грация и упорство настоящих хищников, с лёгкостью прыгали с дерева на дерево.

Внезапно Иван замер, а затем в мгновение ока спустился вниз. Мари тоже остановилась и с недоумением посмотрела на него.

— Ладожский, так нечестно! Ведь мы договаривались идти по деревьям, а ты спустился на землю. И куда подевалась Соня? Что-то она совсем отстала.

Выпустив когти, девушка с лёгкостью кошки спрыгнула с дерева и встала рядом с приятелем, который, судя по позе, к чему-то напряжённо прислушивался.

— Эй!.. Что-то случилось? — спросила Мари.

— Надеюсь, что нет, — рассеяно отозвался Иван и, пряча беспокойство, бегло улыбнулся. — Спокойно, Машунь! Думаю, с Беккер всё в порядке. На всякой случай я её поищу, а ты подожди меня здесь, хорошо? Чтобы я не бегал, разыскивая ещё и тебя.

— Ладно, — согласилась девушка. — Только смотри, если опоздаешь, и мы их упустим, сам будешь виноват. Вдруг при такой форе они сбегут? Ведь парк не слишком велик, а мы договаривались, что охота только в его границах.

— Что ж, значит, мадам Фортуна на их стороне, — ответил Иван, по-философски спокойно относясь к возможной потере дичи, и бесшумно растворился в ночной тьме.

Сердито ворча, недовольная Мари присела на корягу, торчавшую из-под земли. Время шло и возбуждение охоты, владевшее ею, внезапно пропало.

Девушке отчего-то стало одиноко в безмолвии парка, чью тишину нарушал только ветер, заунывно шумящий в высоких кронах деревьев. Вдруг на неё накатила такая тёмная волна, что захотелось взвыть от тоски. «Какого чёрта?» — встревоженная, она вскочила на ноги и огляделась по сторонам. Внезапно ей послышался слабый женский вскрик.

«Проклятье! Неужели Беккер попала в беду?» — всполошилась Мари и сориентировавшись через ментал, бросилась на выручку друзьям. Удивляясь тому, что Иван и Соня вместе, а её тревога не проходит, она взлетела на пригорок и, не желая, чтобы её заметили, резко вильнула в сторону и встала за стволом дерева.

Картина, представшая её глазам, носила почти апокалипсический характер. На перекрестье, где сходились две заасфальтированные дороги, стояли четверо, а именно, двое бандитов и Соня с Иваном. Неизвестно, что случилось, но вышло так, что дичь и охотники поменялись местами. Горец сумел схватить Соню и теперь, держа нож у её горла, не спускал глаз с Ивана, который застыл в напряжённой позе. Юноша никак не мог решиться ни напасть на бандитов, ни обездвижить их, применив ментал. Он безумно боялся, что не успеет вовремя, и подонок успеет перерезать горло Соне.

Обнаглевшие бандиты осознали своё преимущество и приступили к действиям.

— Ты, недоумок! Свяжи его чем-нибудь, пока вторая сучка не явилась, — приказал «Ибрагимчик» недалёкому клиенту. — А ты, мудака, не дергайся, если не хочешь получить в подарок голову своей цыпочки.

В стрессовой ситуации в речи сутенёра исчез акцент, и в ней даже зазвучали интонации грамотного человека.

«Правильно говорят, что фортуна — дама переменчивая, и в любой момент может повернуться к тебе зад... спиной», — вздохнула Мари, и прикинула с какой позиции ей лучше напасть. Задачу осложняло то, что здесь, у выхода из парка, светили фонари и в любой момент могли появиться нежелательные свидетели.

Пока второй бандит отвлёкся на то, чтобы связать Ивана собственным ремнём, она зашла за спину сутенёра и, перехватив его руку с ножом, с ожесточением её вывернула. Хрустнула сломанная кость и тот, взыв от боли, упал на колени.

В то же мгновение Иван отшвырнул от себя бандита. Высвободившись из неумело завязанного ремня, он схватил любимую девушку в охапку и с невнятным возгласом прижал её к себе, а затем гневно глянул в сторону убежавших бандитов.

Видя, что он напрягся, готовый пуститься в погоню, Соня обняла его. Удерживая юношу на месте, она всем телом прильнула к нему.

— Ладожский, прошу тебя, не надо! — воскликнула она с мольбой в голосе.

— Сонь, что с тобой? Ты ранена? — встревожено воскликнул он. — Убью гадов! Живьём закопаю!

— Не беспокойся, со мной всё в порядке.

— Беккер, ты не врешь? Слава богу!.. Пусти, родная! Как смели они напасть на тебя? Скотам это даром не пройдёт, — прошипел Иван, и на его лице появилось непреклонное выражение.

Взглянув на расстроенную Соню, он сбавил тон и ласково добавил:

— Не кисни, малыш! Я быстро. Хочешь, идём вместе? Лично поучаствуешь в экзекуции.

Он пристально посмотрел на девушку и, помрачнев, снова сделал попытку высвободиться из её рук, но она вцепилась в него ещё крепче.

— Нет, не пушу! — заметив краем глаза движение, Соня повернула голову. — Стой,

Мари! Ты тоже никуда не пойдёшь. Всё, хватит! Не хочу, чтобы мои лучшие друзья становились профессиональными убийцами.

— Сонь, да что с тобой творится? — воскликнула Мари, с недоумением глядя на подругу.

— Дайте слово, что сначала выслушаете меня, — потребовала Соня.

Серьёзная как никогда девушка твёрдо глянула в огорчённое лицо того, кого любила, и, расцепив руки, отступила на шаг.

— Честно говоря, даже не знаю, с чего начать, — сказала она и грустно усмехнулась. — Мне это кажется настолько очевидным... Господи! Неужели вы не понимаете, что нельзя убивать забавы ради? И не важно, что эти подонки заслужили своё наказание. В аллее, глядя на то, как трое взрослых издеваются над малышом, мне пришло в голову, что мы ничем не лучше этих тварей. Поймите, ведь люди, по отношению к нам, всё равно что дети, — страшно волнуясь, выпалила она.

— Хороши детки, с ножичком в одной руке и с кастетом в другой, — сердито пробурчала Мари, но Соня, увлечённая миротворческой проповедью, её не слушала.

«Ну, я и дура! — уныло подумала Мари, вполуха слушая излияния подруги. — Зря не перерезала горло бандитам, когда была такая возможность. Теперь начнётся нудное разбирательство с дотошным выяснением, почему заявленные лицензии на убийство оказались неиспользованными». Отвлекшаяся было девушка, покосилась на застывшее лицо друга, и внимательней прислушалась к тому, что говорит их новоявленная мать Тереза.

— Я считаю, что неправильно всё, что мы делаем! Кто дал нам право безнаказанно убивать людей? Уж точно не они! Считаю, что такие действия по отношению к ним незаконны и аморальны! И ведь мало нам людей в качестве дичи для забавы, так мы ещё без их согласия вырываем молодежь из семей, для которых такая потеря страшное горе. Даже у нас многие не знают, что похищаемых людей зачастую используют в качестве подопытных кроликов в экспериментах по генетике. Думаю, наш институт не исключение, где так безжалостно эксплуатируют человеческий материал. Поймите, так нельзя! Это не по-человечески! При таком отношении мы теряем моральное право называться людьми...

— Спорный тезис. Я имею в виду право называться людьми. Соня, ты забываешь, что мы уже не *Homo sapiens*.

— Ладожский, ты не понимаешь! Речь идёт о том, чтобы научиться жить с людьми, как с равноправными партнерами. В любом случае, мы — составная часть человечества и должны придерживаться изначальных духовных ценностей...

— Ох, Сонька, ну и путаница у тебя в голове, — перебил её Иван. — Боюсь, это ты ничегошеньки не понимаешь. Знаешь, что сделает твоё распрекрасное человечество, стоит только ему обнаружить нас?

— Да, я понимаю, что конфликт возможен, но человечество уже ушло от поры резерваций и концлагерей. Толерантность для него уже не пустой звук. Посмотри, как изменилось отношение людей к тем же сексуальным и цветным меньшинствам.

— Их меньшинства и мы? — скривился Иван. — Беккер, ты в своём уме? Если человечество обнаружит в своих рядах нас, *Übermenschen*[1], то никакие резервации и концлагеря нам не светят, даже при самом благоприятном раскладе.

— Но почему? — в отчаянии вскричала девушка. — Ведь они мечтают о братьях по разуму. Посмотри, сколько фильмов и литературы на эту тему. Думаю, они уже готовы.

— Ха, готовы они! Мечтать это одно, а заполучить воочию братьев по разуму, совсем

другое. Человечество поверит в наши миролюбивые устремления лишь тогда, когда мы будем лежать рядком, причём каждый с пулей в затылке.

— Ты специально нагнетаешь обстановку, чтобы только не признавать, что я права.

— Мы можем спорить до бесконечности, кто из нас прав. Поэтому просто прими к сведению, что лично я совсем не жажду оказаться в рядах твоего распрекрасного человечества, и жить в резервации на правах генетического уродца.

Иван хотел поставить точку в неприятном для него разговоре, но в полемическом задоре не сумел удержаться от соблазна переубедить любимую девушку. К тому же он опасался, что провозглашённая ею доктрина, может ей же выйти боком.

— Малыш, ты совершаешь ошибку, идеализируя людей, или выдаёшь желаемое за действительное, — сказал он, стараясь не впадать в лекторский тон. — Беккер, ведь ты же учила их историю. Разве человечество гордится и помнит даты достижений ума? Нет, в основном их дети учат даты кровавых вакханалий, а не великих открытий.

— Победы в битвах тоже требуют некоторого ума, — заметила Мари и замахала руками. — Молчу-молчу! Ты прав, человечество — это кровавый Молох, пожирающий собственных детей.

— Вот именно, — кивнул Иван. — Сонь, как врач, ты не можешь не знать, что человеческий социум имеет иерархическое построение. Конечно, по мере развития социум меняется и это тянет за собой изменение иерархии, но это не отменяет главного. Даже если на Земле останутся только два человека, то один из них будет главенствовать, а другой ему подчиняться. Отсюда вывод: твоё разлюбозное человечество всего лишь болтает о равноправии и толерантности. На деле его нет, никогда не было и, смею тебя уверить, никогда не будет. Да, их политики, борясь за влияние на Олимпе власти, покупают себе избирателей тем, что идут на некоторые уступки тем, кто слаб и не может добиться признания своих прав самостоятельно, будь то женщины, чёрные или секс-меньшинства.

— Это неправда. Все они долго и упорно боролись за свои права.

— И что толку? Скажи, что будет, если условия на Земле резко изменятся, причём в худшую сторону? Например, возникнет длительная нехватка продовольствия и остро встанет вопрос лишних ртов. Ты уверена, что в таких условиях женщины и различные меньшинства сумеют отстоять своё равноправие или хотя бы не превратятся в объект для унижений и травли? Ну, что вы молчите?

— Господи! — вздохнула Мари. — Что здесь говорить? Достаточно глянуть, что творилось в Новом Орлеане после урагана «Катрина».

— Да, это показательный пример, но не совсем по теме. Такая катастрофа всё же временное явление, а я говорю о том, что будет, если человечеству, чтобы выжить, придётся вернуться к старой иерархии. Устоят тогда достижения их демократии? Беккер, что ты думаешь?

— Я думаю, что ты нарочно выставляешь меня душой! — сверкнула глазами девушка.

— Ты ошибаешься, — последовал терпеливый ответ. — Сонь, просто я хочу, чтобы ты поняла, что люди не потерпят рядом с собой конкурирующий вид. Если смогут, они нас уничтожат. Конечно, не всех, самую малую часть оставят для изучения. Вот только держать нас будут не в резервациях, а в клетках под током. И тогда уже не ты будешь переживать по поводу негуманных экспериментов, а политики и прочие честолюбивые болтуны из человечества будут делать себе имя на горячей тематике. При этом они не ударят палец о палец, чтобы избыть существующую несправедливость. Ведь лживый гуманизм в среде

человечества — это самое распространённое явление. Да, мы далеко не ангелы и у нас тоже полно скелетов в шкафу. Что поделатъ, наш мир не совершенен, но мы не лицемерим. Если это возможно, мы преодолеваем свои недостатки, если нет, то принимаем их как должное. И случись что, я буду до последнего защищать своё пусть несовершенное, но родное и понятное мне вампирское государство. В общем, что бы ты ни говорила, но у нас свои понятия, что такое хорошо и что такое плохо.

— Но есть же всеобщие ценности!

— Нет, Беккер, мораль и нравственность — это абстрактные вещи, они производные от социума, потому каждый вид понимает их по-своему.

— Господи! Неужели это так трудно понять? — вскричала девушка. — Нельзя жить по принципу: человек человеку волк! Ну, или вампир человеку волк!.. Ой, что-то я совсем с тобой запуталась! — беспомощно закончила она, не зная, как ей доказать то, что она чувствовала сердцем.

— А ты наплюй на человечество и живи как вампир вампиру, — посоветовал Иван. — Может, наше общество не гарантирует личной безопасности, зато оно позволяет сохранить независимость и чувство собственного достоинства и мне такая шкала ценностей очень даже импонирует.

— Ладожский, прекрати! — в отчаянии Соня топнула ногой. — Спорщица из меня никакая, но неужели ты на самом деле не понимаешь, что я хочу сказать? — воскликнула она и, не найдя взаимопонимания у юноши, попыталась заручиться поддержкой подруги.

— Ну и ладно! — упавшим голосом сказала Соня, видя, что Мари упорно отводит взгляд. — В общем, что бы вы себе ни думали, лично я считаю, мы должны жить в мире с людьми и уважать их права. Нельзя вмешиваться в их судьбы, тем более вот так запросто решать жить им или умереть, как будто речь идёт не о разумных существах, а о безмозглых животных.

Напряжённую паузу в их полемике прервали аплодисменты.

— Bravo, bravo! Давно я не слышал столь прочувствованных пацифистских речей.

Выступивший из темноты, Палевский оглядел молодых вампиров, смущённых его появлением.

— Надо же, в наших хищных рядах завёлся кролик-миротворец, — сказал он с мягкой насмешкой в голосе. — Мадмуазель Беккер, а куда же подевался ваш гуманизм по отношению к хищникам? Не находите, что это довольно жестоко заставлять тигра питаться морковкой всего лишь по причине того, что он вынужден жить среди кроликов?

— Здравствуйте, Михаил Янович! — сказала Соня и с беспомощным видом оглянулась на друзей, которые, спохватившись, пробормотали вслед за ней: «Здравствуйте, сэр!» и «Привет, пап! Что ты здесь делаешь?»

— Да вот, решил посмотреть, как нынче молодые охотятся, — невозмутимо ответил Палевский на вопрос дочери и достал сигареты. — А тут, оказывается, и смотреть-то не на что, — добавил он, закурив.

— *Rara*, понимаешь, так уж вышло...

— Помолчи, Мари! Я хочу услышать объяснения мадемуазель Беккер. Конечно, если она соблаговолит их дать.

Появление главы вампирского мира настолько встревожило Ивана, что он, готовый всеми силами защищать Соню, неосознанно занял оборонительную позицию. Естественно, его перемещение не прошло незамеченным.

Одобрительно глянув на юношу, Палевский усмехнулся.

— Месье Ладожский, буду вам чрезвычайно признателен, если вы по-прежнему будете руководствоваться доводами разума и не станете совершать необдуманных поступков, — произнёс он доброжелательным тоном и добавил: — Кстати, как там поживает ваша многоуважаемая матушка? У вас всё в порядке?

Несколько напуганный интересом главы СС к его семье, Иван вытянулся по стойке смирно.

— Да, сэр!.. Спасибо, сэр! У неё... у нас всё хорошо, сэр!

— Да полно вам, месье Ладожский! Вы своим поведением пугаете мадемуазель Беккер куда больше, чем я. Даю слово, что не злоумышляю ничего недоброго в отношении вас.

— И меня тоже? — спросила Мари и сверкнула улыбкой, в надежде разрядить обстановку.

Палевский смерил дочь взглядом.

— С тобой мы дома побеседуем. Например о том, почему твоя подружка сбилась с пути истинного и блуждает в потёмках, а тебе и дела нет до её бедственного положения.

— Это неправда! — запротестовала Мари.

— Неужели? Тогда скажи, как долго мадемуазель Беккер уклоняется от обязательного участия в охоте? — требовательно спросил Палевский, и она пожала плечами. — Вот видишь, ты даже не знаешь об этом, — сказал он с укоризненным выражением на лице.

— Подумаешь, не охотится! У неё на работе хватает расчленёнки, — сказала Мари, и ободряюще подмигнула Соне.

— Как показывает практика, это не одно и то же, — парировал Палевский и девушка, опасаясь ухудшить ситуацию, больше не посмела заступаться за подругу.

---

[1]Die Übermensch (нем. яз.) — сверхлюди

Выдержав воспитательную паузу, которая заставила троицу основательно понервничать, Палевский затушил сигарету и, швырнув окурки в ближайшую урну, обратил свой взор к виновнице неудачной охоты.

— Жалость к людям... любопытно, — проговорил он всё тем же мягким тоном, но Соня вздрогнула от его голоса, как от холодного душа. — Скажите, мадемуазель Беккер, разве они жалеют своих коров, свиней, кур? Конечно, животные не столь разумны, как люди, но, согласитесь, это ещё не повод их убивать. И заметьте, подавляющее большинство людей не задаются вопросами гуманизма и с аппетитом поедают бифштексы. Может, для начала вы попробуете отучить их от этой дурной привычки?.. Нет, не берётесь? Жаль. Это помогло бы мне понять, что я не прав в воспитании своего народа. Что ж, мадемуазель Беккер, тогда давайте проследим дальнейшую пищевую цепочку. Коровы, свиньи, куры. Может быть, вы их перевоспитаєте, и они откажутся от поедания травы и овощей? Ведь последним, как показали опыты, это тоже не нравится, хотя они не слишком активны в выражении своего недовольства. Неужели и это вам не по силам?

Желая видеть её лицо, Палевский приподнял опущенную голову девушки.

— Вот видите, мадемуазель, как просто дойти до абсурда в своей жалости?

Решившие, что это конец разноса, Мари и Иван облегчённо переглянулись, но тут юная диссидентка отвела руку короля вампиров и на её личике проступило упрямое выражение.

— Михаил Янович, и всё же вы должны признать, что использовать людей в опытах, тем более убивать, это неправильно! — заявила она дрожащим голосом.

— Да? — удивился Палевский. — Почему?

— Потому что они такие же, как мы!

— Прости, милая, но я так не считаю. Люди — это люди, а вампиры — это вампиры.

— Но они наши предтечи!

— Что с того? Мадемуазель Беккер, мы же недавно выяснили, что всё живое на планете — это наши братья или сёстры.

— Вы утрируете, Михаил Янович! — сказала осмелевшая Соня и перешла к наступлению. — Просто вы не хотите менять существующий порядок.

— Верно, не хочу. И вам, мадемуазель, не советую, — сказал Палевский и на его лице легла печать отчуждения. — Конечно, мы разумный вид и можем переступить через инстинкты. Вопрос в том, как долго это продлится. Как показывает опыт, нельзя безнаказанно коверкать природу, к тому же мы, в отличие от всеядного человечества, почти чистокровные хищники. Если уж на то пошло, то люди должны быть нам благодарны. Как любые хищники, мы, убивая больных и калечных, оздоравливаем их стадо. В конце концов, мы не настолько безжалостны, как вам кажется. Выборка всегда идёт в разумных пределах. В ДТП и прочих стихийных бедствиях человечество теряет несоизмеримо больше.

— Но...

— Никаких «но»! — рыкнул Палевский, начавший терять терпение. — Мадемуазель Беккер, не поясните мне, почему я должен руководствоваться нормами человеческого общежития, если ни я ни мой народ не являемся его представителями?

— А я думаю, что являемся, — возразила Соня.

— В этом и кроется корень вашего заблуждения. Несмотря на внешнюю схожесть, мы

людьми уже не являемся. У нас иная физиология, иные повадки, иные цели в жизни. И как следствие, у нас иная мораль и нравственность. Ведь они, как вас уже проинформировал месье Ладожский, являются производными социума, — сказал Палевский, борясь с подступающим раздражением. — Итак, мадемуазель Беккер, зачем нам чужие моральные ценности, которые не пойдут на пользу нашему вампирскому сообществу?

— Я н-не знаю! — прошептала обескураженная девушка, видя, что глаза её могущественного оппонента зажглись недобрым блеском.

Несмотря на это, она не сдавалась и по-прежнему ощущала себя правой.

Палевский, для которого её мысли не были секретом, лишь покачал головой. «Как там говорится у Максима Горького? Безумству храбрых поём мы славу? Хотя возможно дело в том, что я теряю хватку, если не сумел переубедить зелёную девчушку. Впрочем, по сути она права и охота всё же варварство, но такова политическая ситуация», — подумал он с досадой.

— Хорошо, мадемуазель. Поскольку вы упорствуете в своём заблуждении, тогда придётся перейти к иным, менее приятным методам убеждения.

— *Papa!* — встревоженная Мари посмотрела на отца, проверяя, насколько он серьёзен. — Честное слово, Беккер это не со зла. Просто она очень упёртая.

— Вот-вот! Упёртая как ослица! — поддержал Иван приятельницу. — Михаил Янович, пожалуйста, не наказывайте эту дурёху. Обещаю вам, она всё поймёт и перестанет дурить.

— Ну знаете ли, — раздосадованный Палевский вновь потянулся за сигаретами. — Глядя на вас можно подумать, что я какой-нибудь кровожадный диктатор.

— А это не так? — поинтересовалась Мари, и с невинным выражением похлопала ресницами, мол, а что такого я сказала?

— Ну, если обо мне сложилось такое предвзятое мнение... — задумчиво протянул Палевский, делая вид, что не замечает молящих глаз юноши. — Тогда я должен как следует наказать мадемуазель Беккер.

— Вот это совсем не обязательно! — поспешно воскликнула Мари и, встав рядом, обняла подругу за плечи. — *Papa*, хватит уже её запугивать.

— Почему бы нет? — усмехнулся Палевский. — Как всякий порядочный злодей, я должен выказать максимум беспощадности, — заявил он, любуясь караваном плывущих колечек сигаретного дыма.

— *Papa!* — взмолилась Мари, видя, что он не торопится оглашать приговор.

— Ладно, если вам так уж не терпится. Мадемуазель Беккер, когда приступите к работе, передайте старшему, что у вас месяц штрафных работ в изоляторе.

«Слава богу!» — выдохнули Иван с Мари. «Чёрт!» — скривилась Соня, явно не обрадованная предстоящим наказанием.

— Судя по вашей реакции, мадемуазель, вы уже слышаны о нашем изоляторе, но погодите расстраиваться — это ещё не всё.

На мгновение Палевский исчез из поля зрения молодых вампиров. Вскоре он вернулся, держа на отлёте нечто похожее на сломанную помоечную куклу. Это был мальчик, жертва недавних издевательств на аллее и Соня едва успела поймать брошенное ей тощее тельце.

— Михаил Янович, мальчик слишком мал для феникса. Мы берём их в вампирские семьи, только непосредственно перед инициацией, — слабым голосом пролепетала девушка.

— Неужели? — Палевский достал носовой платок и с брезгливым выражением на лице тщательно вытер руки. — Мадемуазель, есть ещё что-то, чего я не знаю о фениксах?

— Простите, я не это хотела сказать! Родители не хотели больше брать фениксов...

— Причём здесь ваши родители? Сей подарок лично для вас, мадемуазель.

— Что?.. Господи, куда же я его дену?

— Не имею понятия. Хотя я вижу, как минимум, три варианта. Первый и самый разумный, это свернуть мальчишке голову и оставить труп группе зачистки. Второй, отправить его в детдом, где жизнь с матерью-проституткой покажется ему раем. И третий, самый нежелательный, это усыновить его в собственной семье.

— Но я не замужем!

— У вас в запасе два первых варианта.

— Но это же бесчеловечно!

Палевский испытующе глянул на девушку.

— Вижу, мадемуазель Беккер, вы не ищете лёгких путей. Что ж, тогда вам придётся поднапрячься и в ближайшее время решить ряд проблем. Найдите себе спутника жизни и уговорите его взять маленького феникса в вашу семью. Для поиска партнера, ввиду срочности дела, я разрешаю вам воспользоваться генетическим банком. Подавайте заявку немедленно. На поиски партнёра и усыновление вам даётся неделя. Если не уложите к следующей субботе, пеняйте на себя, — произнёс он непререкаемым тоном, и у девушки задрожали губы от обиды и еле сдерживаемых слёз.

«Детский сад!» — хмыкнул Палевский, подивившись тому обстоятельству, что диссидентский сорняк расцвёл прямо под носом Макса Беккера, их штатного идеолога. В ожидании доклада Службы зачистки он сел на скамью, обнаруженную за кустом кизила, и затянулся очередной сигаретой. Продумывая дальнейшие шаги, он посмотрел на притихшую троицу, которая активно общалась при помощи пантомимы. «Хорошие ребята, несмотря на все их выверты», — лениво подумал Палевский и, оглядев затрапезный наряд дочери, состоящий из драных джинсов и линялой футболки неопределённого цвета, взял себе на заметку, что нужно увеличить ей сумму карманных денег.

Служба зачистки, несколько задержавшаяся с докладом, наконец дала о себе знать. Он глянул на высветившийся экран персонального жетона.

— Да, вы не ошиблись, трупов только три: два в парке и один на аллее. Так что вы ничего не потеряли.

Поймав полный ужаса взгляд Сони Беккер, Палевский лишь покачал головой.

— Михаил Янович, можно с вами поговорить? — негромко спросил юноша, подойдя к нему.

— Да, если это срочно. Так о чём вы хотите поговорить со мной?

— Сэр, понимаю, что лезу не в своё дело, но, может, вы дадите Соне Беккер больше времени? Всё же поиск спутника жизни — это непростая задача.

— Не вижу особых сложностей. В распоряжении мадемуазель Беккер будет весь свободный мужской генетический банк. Стоит только отправить заявку, и она получит список подходящих партнёров. Единственно, что ей нужно будет сделать, это выбрать.

— В общем, да... — юноша замялся. — Но как-то это не по-человечески.

— В чём дело, месье Ладожский? Судя по болтовне Мари, девушка вам небезразлична. Так почему вы сами не хотите протянуть ей руку помощи?

— Я бы рад, но не уверен в её чувствах ко мне.

— Тогда ничем не могу помочь. Выбор спутника является прерогативой мадемуазель Беккер, но если она выберет вас, то я не буду возражать.

— Спасибо, сэр! — просиял Иван и, облегчённо выдохнув, бросился к ждущим его девушкам.

В отличие от Сони, он понимал, насколько это рискованно оспаривать распоряжения главы Совета старейшин. Отец Мари, такой спокойный и обаятельный в домашней обстановке, на самом деле был пугающе страшной величиной. Ни один диктатор на планете не обладал таким могуществом и такой неограниченной властью, как король вампиров. К тому же он, как и Старейший, не ведал жалости к тем, кто выпадал из заданных стандартов, как физических, так и умственных. Вольнолюбие в своих подданных он тоже терпел лишь до определённых пределов. Иван подозревал, что Соня так легко отделалась лишь благодаря влиянию своего отца Макса Беккера, который занимал при Палевском тот же пост, что и Альфред Розенберг при Гитлере.

— Разрешил? Слава богу! — воскликнула Мари, догадавшаяся зачем приятель ходил к её отцу. — Так, а теперь давайте рассказывайте, что происходит, да побыстрей, а то Мика скоро докурит и потащит нас домой.

— Да что тут рассказывать, — сказал Иван, покосившись на Соню. — Я уже давно заметил, что Беккер под всяческими предлогами отлынивает от участия в охотах, но не придавал этому значения. Думал, что ей просто лень или она боится запачкаться.

— Вот именно! Я не хочу пачкать руки в крови невинных! — воскликнула Соня и, прижав к себе спящего мальчика, попятилась при виде гневной гримасы, исказившей лицо юноши.

В таком настроении она ещё его не видела, причём ей показалась, что он с трудом удержался от того, чтобы дать ей пощёчину.

— Заткнись, Беккер! Сделай одолжение нам и себе, — вполголоса сказал Иван, быстро глянув на Палевского. — Ещё слово о человеколюбии, и я всыплю тебе так, что мало не покажется.

— Только попробуй! — буркнула Соня, до которой стало доходить, что друзья не зря опасаются за неё.

— Ты что, совсем дура? Неужели до тебя ещё не дошло, что ты была на волосок от смерти? — Иван повернулся к Мари. — Господи! Хоть ты ей скажи!

— Ну... до крайностей, думаю, дело не дошло бы, но что правда, то правда. Под настроение у Мики можно схлопотать по полной программе, — обтекаемо ответила Мари.

— Глупости! — пробормотала Соня. — С чего бы Михаилу Яновичу приговаривать меня к смертной казни?

— С того, мадемуазель, что, подставив горло подонкам, вы тем самым поставили себя вне закона. Жаль, что вы до сих пор этого не поняли, — сказал незаметно подошедший Палевский.

— Но я!..

— Хотите сказать, что не сделали ничего плохого? Нет, сделали! По вашей милости могли пострадать моя дочь и месье Ладожский. Это ваше счастье, что с ними ничего не случилось. В противном случае вы уже сидели бы в камере и ждали приговора.

— Я не хотела...

— Не лгите, мадемуазель! — хлестанул девушку безжалостный голос Палевского. — В том и дело, что хотели. Вы специально разыграли спектакль, чтобы предстать перед друзьями в образе страдальцы за идею. Знаете, что случилось бы, не подоспей я вовремя? Смотрите!

И Соня с содроганием вновь ощутила лезвие ножа у своего горла и руку бандита, что сжимала её так сильно, что не давала дышать. Перед глазами у неё мутилось от боли и невозможности сделать вдох. Предусмотрительный бандит со всей силы врезал ей кулаком в висок. Помощь опаздывала, и девушка уже проклинала свою затею, потому страшно обрадовалась, услышав голос Ивана.

Поначалу всё шло так, как оно было в реальности. Юноша торговался, бандиты матерились и угрожали, а затем «качок» выхватил пистолет и выстрелил. Пуля вошла Ивану в глаз, и он рухнул на землю. Затем раздалось чьё-то рычание и Мари, опоздав лишь на мгновение, скорчилась у ног горца, который решил, что пора избавиться от заложницы и полоснул её ножом по горлу. Угасающим сознанием Соня увидела, как «качок» расстреливает лежащую Мари, а она скребёт пальцами по земле, стремясь подняться. Затем пришли тьма и чей-то не умолкающий страшный крик.

Придя в себя, Соня что есть сил вцепилась в юношу, который прижимал её к себе и что-то ласково бормотал, стремясь успокоить. «Слава Господу, вы живы!», — выдохнула она и гневно глянула на Палевского.

— Это жестоко, Михаил Янович! Ведь всё было не так! — просипела она.

Иван, который с самого начала заподозрил истинную подоплёку дела, умоляюще посмотрел на Палевского, но тот не внял его безмолвной просьбе и, связавшись со Службой зачистки, приказал перечислить оружие, найденное при бандитах.

Услышав, что «качок» — бывший спецназовец и при нём было найдено огнестрельное оружие, девушка пошатнулась, но сумела устоять на ногах.

— Вы правы, я убила их. Вызывайте патруль, я должна принять наказание, — сказала она и лишь тогда потеряла сознание.

— *Papa!* — Мари возмущённо посмотрела на отца. — Ты показал ей, как мы погибли?

— Тсс, милая! Всё будет хорошо, — сказал Палевский. — Это тоже часть наказания, но я обещаю, что всё будет хорошо. Когда очнётся, твоя подружка всё забудет.

— Тогда зачем было её мучить?

— Потому что забыть она забудет, но след пережитого потрясения останется и, надеюсь, впредь удержит её от безрассудных суждений и поступков.

— Понятно, — вздохнула Мари. — Ну что, домой?

— Да, пора. Думаю, Рени нас уже заждалась, да и ваша подружка уже пришла в себя.

Как и обещал Палевский, Соня не помнила последние события, но была тиха и молчалива. Она взяла у Мари мальчика и вопросительно посмотрела на друзей.

— Вы едете со мной, ваша машина уже дома, в гараже, — предупредил Палевский.

Неожиданно на лице Сони отразилось прежнее упрямство. Она открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Иван бросил на неё такой взгляд, что она промолчала и погрузилась в прежнюю апатию.

***

Раздался шум отъезжающей машины, и в потревоженном парке вновь воцарилась сонная тишина. О маленькой трагедии большого города напоминали лишь два трупа в низине, лежащие в нелепо-изломанных позах. Но вскоре и они исчезли. Правда, сначала появилась две почти невидимые бесшумные тени, плывущие на высоте птичьего полёта. Они спустились вниз и склонились над трупами. Тихо зажужжал прибор с раструбом, и неяркая вспышка на миг осветила большеглазые маски, а затем всё исчезло. Лишь на траве остались лежать две светлых кучки пепла, как напоминание о бренности всего земного, но и они

просуществовали недолго.

Гигантский каменный волчок совершил очередной оборот и солнце, вырвавшись из-за горизонта, со всей своей беспощадной мощью обрушилось на подлунный мир, изгоняя из него пугающие призраки ночи. Тьма снова отступила и пронзительную голубизну ясного осеннего неба раскрасили нежные краски утренней зари. Проснувшиеся птицы спели Гелиосу радостную осанну, а поднявшийся ветерок, будто любопытный щенок, пошевелил кучки пепла, а затем резким порывом разметал их по траве.[1]Qui seminat mala, metet mala[2].

---

[1] Записки на полях

Мать-природа равнодушна к смерти, — ведь это неотъемлемая часть жизни. Но она позаботилась о своих игрушках и страхе, заложенный ею в инстинкты всего живого, не дает нам бездумно шагнуть за невидимую грань, что отделяет нас от мира небытия.

[2]Qui seminat mala, metet mala (лат.) — что посеешь, то пожнёшь.

Ох уж эти сказки, ох уж эти сказочники!

Вести свой мерседес Палевский доверил Ивану. Естественно, машина была эксклюзивной и за исключением обводов и эмблемы не имела отношения к человеческому автопрому. Поэтому юноша полностью сосредоточился на управлении и дороге. К тому же неприступный вид сидящего с ним рядом Палевского не располагал к беседе. Девушки, которые сидели сзади, тоже не разговаривали. Мари впала в уже привычную для неё задумчивость — в последнее время с ней это часто случалось, а Соня заново переживала приключившуюся с ней несправедливость, и потихоньку роняла слёзы. Они падали на мальчика, свернувшегося клубком на её коленях, но он, находясь в глубоком целительном сне, не чувствовал капающих на него слёз.

В гараже Иван взял мальчика на руки. У лифтов он вежливо распрощался с Палевскими и поднялся на свой этаж, в сопровождении понурой девушки.

— Давай оставим малыша у нас, — предложил он. — Мои все в разъездах, даже мама с отцом. Думаю, не стоит с ходу огорошивать твоих родичей. Представляю, как обрадуется твой отец, когда узнает при каких обстоятельствах ты заполучила этот подарок.

— Может, никому ничего не говорить?

Соня с надеждой посмотрела на Ивана, и тот иронично фыркнул.

— У тебя сегодня мозги совсем набекрень? Думаешь, можно что-то скрыть от Макса Беккера? Не смейся! погоди, скоро господин главный инквизитор примчится ко мне и примется пытаться, что приключилось с его избалованной доченькой.

Бросив на юношу косой взгляд, Соня высокомерно вздёрнула подбородок.

— Ладожский, я не избалованная, а свободомыслящая личность. Спорим, что отец будет на моей стороне?

— Ну-ну! Свежо предание, да верится с трудом. Смотри, как бы он не всыпал этой свободолюбивой личности, узнав подробности дела, — серьёзно сказал он и девушка приуныла.

На ум ей сразу же пришло, что Макс Беккер и дома часто повторял, что приказы главы СС не обсуждаются, а только принимаются к сведению и незамедлительно исполняются.

— Думаешь, отец сильно расстроится, когда узнает?

— Да, уж точно не обрадуется, — сдержанно ответил Иван и ободряюще улыбнулся. — Не бойсь, Сонька, отобьёмся. Что ты сразу нос повесила?

***

Тем временем Мари, оставшись в лифте наедине с отцом, решила спросить то, что с недавних пор волновало её больше всего.

— *Рара*, что творится с Рени? Скажи честно, она больна?

Словно не слыша её вопроса, Палевский прислонился к стене и закрыл глаза. «Плохо дело!» — подумала Мари с тревогой глядя в его усталое хмурое лицо. Лифт встал, но она нажала кнопку, и он поехал вниз.

— Скажи мне правду! Не бойся она не заметит, что я знаю. Ведь я та ещё притворщица.

— Да, она больна, — последовало признание, причём после очень долгой паузы, когда Мари уже не надеялась получить ответ.

— Это очень серьёзно?

— Да.

— Она умрёт? — упавшим голосом спросила девушка.

— Да.

— Как скоро?

— Не знаю, не спрашивай! — Палевский нажал кнопку их этажа. — Генетический сбой ведёт себя непредсказуемо. Неизвестно с какой скоростью будет протекать процесс разрушения. Многое зависит от организма. В общем, ничего определенного сказать не могу, но я делаю всё, что в моих силах.

— Не сомневаюсь в этом. Прости! Я не хотела тебя расстраивать, — сказала Мари и, не удержавшись, всхлипнула.

— Чего уж там! Больше чем есть ты уже меня не расстроишь, — с горечью проговорил Палевский и покачал головой. — Вот поэтому мы не хотели тебе говорить. Мари, если ты будешь расстраивать Рени, я отправлю тебя в другой клан.

— Спорим, что не отправишь? — отозвалась Мари сквозь слёзы. — Ты же у нас весь из себя правильный.

— Конечно, не отправлю. И не потому, что не хочу просить о твоём переводе, а потому что хочу, чтобы наша семья была вместе до последнего.

— Спасибо! — Мари обняла отца и разревелась в голос.

— Матка боска! Ну, давай ещё немного покатаемся, — вздохнул Палевский и, поцеловав девушку в лоб, снова нажал кнопку нижнего этажа. — Детка, прекрати разводить сырость... Вот уже Рени звонит, а у тебя всё на лице написано.

— Я сейчас!

Мари вытерла слёзы подолом футболки и Палевский вспомнил, что хотел увеличить выдаваемую ей сумму. Он не особо это показывал, но любил и переживал за неё, как за родную дочь. В общем, так оно и было. Мари так близко стояла к нему по крови, что он до сих пор не понимал, как такое возможно при отсутствии у него родных детей и, вообще, родственников среди людей.

— Пап, ты не беспокойся, я и виду не подам, что в курсе, — сдавленным голосом пробормотала девушка и на её лице появилось вопросительное выражение. — Если Рени больна, что тогда будет с Аннабель? Уверена, ты не дашь ей провести инициацию.

Палевский с равнодушным видом пожал плечами и потянулся к кнопке звонка.

Не успели створки лифта разъехаться в стороны, как навстречу им шагнула Рени.

— Ну, наконец-то, явились-не запылились! — поприветствовала она домочадцев и, чмокнув дочь в щёку, а мужа в губы, с удивлением посмотрела на них. — Ну, и по какому поводу мировая скорбь на лицах? — насмешливо поинтересовалась она.

Получив дружные заверения, что всё в порядке, Рени приподняла брови и, зайдя сзади, легонько подтолкнула их в спины.

— Тогда вперёд! Нечего торчать в прихожей. Мойте руки и за стол! — приказала она и со вздохом добавила: — Ну и семейка! С ума сойдёшь, пока соберёшь вас вместе.

— Не ворчи, милая, подумай, какой пример ты подаёшь Мари. Ладно, я привычный, но вы же на пару запилите будущего зятя, — обняв жену, шутливо произнёс Палевский.

Рени ласково потёрлась носом о его плечо.

— Страдальцы! Ничего с зятем разберётся Мари, а в твоём случае я подумаю о моральной компенсации.

— Договорились! Только, чур, на мой выбор.

— Замётано.

— Эй! Вы в своём уме?! Что такое вы несёте? Какой такой будущий зять? — воскликнула Мари, смерив вампирских родителей негодующим взглядом.

— А я почём знаю? Тебе видней. Слушай, Мика, а чего у девочки ушки загорелись? Неужели она с кем-то встречается? Почему я не знаю?

— Не в курсе. Но если не закручусь с делами, то обязательно выясню у Штейна. Думаю, он знает. Между прочим, Томас тоже не женат. Как думаешь, нам такой зять подойдёт?

— Двумя руками «за». Эй, Мари! Как тебе Томас?

— Четырьмя конечностями «против!» Выдадите насильно, удавлюсь на ближайшем суку! — пообещала девушка и изобразила пантомимой, как это будет выглядеть и как будут сожалеть родители, когда обнаружат её хладный труп.

Под общий смех навстречу им бросилась Аннабель, но, увидев главу семьи, испуганно посмотрела на него и, поздоровавшись, убежала в свою комнату. Пришлось Мари тащиться на второй этаж. Девочка до колик боялась Палевского и по своей воле ни за что не спустилась бы в столовую.

Когда ужин подходил к концу, Рени пригубила бокал с вином и смерила мужа пытливый взглядом.

— Дорогой, опять что-то приключилось с твоими подопытными кроликами? — шутливо осведомилась она, хотя видела, что его расстройство как-то связано с Мари.

— Смеёшься, моя любовь, какие кролики? У меня было дельце поинтересней, — Палевский откинулся на спинку стула и ласково усмехнулся, видя неуёмное любопытство, светящееся в глазах жены. Рени ни на йоту не изменила себе, узнав о болезни, и, как настоящая кошка, вела себя так, будто у неё в запасе ещё несколько жизней.

— Да? Не томи, мой ангел, рассказывай по порядку, — потребовала она.

— Как прикажешь: по порядку, значит, по порядку. Сегодня я освободился пораньше и решил по дороге домой захватить Мари, чтобы ты не ворчала, что нас вечно не дожидаться к ужину. Прости, что снова не удалось успеть вовремя, но мы исправимся, — Палевский виновато улыбнулся и, протянув руку, сжал ладонь жены.

— Да что там! Я уже привыкла, — отмахнулась Рени. — Ну, так что произошло?

— Видишь ли, этим вечерком Мари и её друзья решили поразвлечься охотой. И наши умники не придумали ничего лучшего кроме как отключить боевые навыки и отказаться от ментала. Всё бы ничего, но небезызвестная тебе мадмуазель Беккер неожиданно вспылала пламенной любовью к человечеству и, чтобы доказать это — правда, непонятно кому: себе или окружающим — пошла на жертвы и героически подставила горло под нож бандита. Представляешь картинку, наши умники стоят столбом и в растерянности хлопают глазами, а двое бандитов тем временем собираются прирезать подружку Мари, а за ней и мальчишку, который ради неё решил им сдаться. Короче, история о том, как глупость одного ставит под угрозу жизнь остальных.

— *Papa*, не преувеличивай! Рени, это неправда! — обиделась девушка. — Я же освободила Соню. Там и дел-то было всего ничего.

— Детка, вы слишком беспечны и недооцениваете людей. Да, у вас неплохая подготовка, вы быстрее и сильнее среднего человека. Проблема в том, что среди людей тоже есть выдающиеся бойцы, которые мало чем уступают вам, молодым. Как правило, это пропущенные нами менталисты, а таким непросто что-либо внушить, особенно с вашим ещё неустойчивым даром, который, к тому же, может отказать в любую минуту. Потому хорошо

подготовленный вооружённый человек для вас более чем серьёзный противник, а вы столкнулись именно с такими. Ваше счастье, что вы все разом не угодили в западню. Парень, что держал твою подружку, сильный менталист, к сожалению, пропущенный нашими поисковиками. Вдобавок он профессиональный убийца и с малолетства участвовал в боевых действиях. Спецназовец тоже наша потеря. Как менталист он слабей первого, но рефлексy вкyпе с чyтьём у него на должном уровне. В стрессовой ситуации ему хватило бы сил справиться с вами, если не со всеми вместе, то поодиночке совершенно точно. Самое же плохое заключается в том, что он любил отрезать головы. Догадываешься, к чему я веду?

— Да уж, голову на место уже не приставишь, — вздохнула Мари. — Это не колотые раны, которые легко поддаются регенерации.

Она с благодарностью посмотрела на отца.

— Выходит, ты показал Соне реальную ситуацию?

— В общем, да. Хотя нельзя исключить, что события могли бы развиваться по иному пути.

Когда Палевский поведал жене о пацифистском мировоззрении Сони Беккер, она озадаченно хмыкнула.

— Да, несколько неожиданно. В моём сознании образ этого милейшего ребенка как-то не вяжется с ролью вампирской матери Терезы. По духу девочка истинная аристократка и в жизни с трудом переносит плебейские замашки окружающих, — Рени покосилась на Мари, поглощённую десертом, и озабоченно посмотрела на мужа. — Может, обычная девичья блажь, на фоне неразделённой любви?

— Не похоже, — Палевский усмехнулся попытке жены защитить близкую подругу дочери.

— Считаешь, это единичный случай или начало системы? — заинтересовалась Рени.

— Трудно сказать. Пока мало данных, чтобы судить о подобных всплесках, как о тенденции, но, в любом случае, нужны превентивные меры. Я не потерплю распространения подобной заразы в рядах вампирского молодняка. Опасны не сами идеи, а их последствия. Как и сепаратисты, они могут преждевременно нас демаскировать. Рано ещё браться с человечеством, нужно дорастить соответствующий военный потенциал, перед тем как протянуть ему руку дружбы. Скажи, какая ирония судьбы! У нашего яркого идеолога не дочка, а сплошное отклонение от генеральной линии папочки. Как всегда, сапожник без сапог.

Они немного поболтали о всякой всячине, но хорошо зная мужа, Рени не выдержала.

— И всё же, что ты решил в отношении девочки? — с беспокойством спросила она и Мари, перестав делать вид, что её не интересует разговор родителей, уставилась на отца.

— Съём за завтраком! — фыркнул Палевский. — Милая, перестань волноваться из-за глупостей... Ладно, ладно! При случае поговорю с Максом Беккером. Пусть он приструнит девчонку, во избежание последующих неприятностей, — сдался он, не выдержав давления любимых женщин, с надеждой глядящих на него.

— Дай честное слово, что не тронешь Соньку, если она снова ударится в пацифизм! — потребовала Мари.

— И не подумаю.

— Мика! — хором воскликнула женская половина семейства и даже Аннабель осмелилась поднять глаза на Палевского.

— Хватит! — рассердился он. — Не смейте давить на меня в вопросах, которые выходят за рамки домашних дел. Девочки, ужин окончен! Отправляйтесь к себе наверх.

— Фигушки! С места не двинусь, пока не пообещаешь! — заупрямилась Мари, чувствуя, что отец ещё колеблется и не принял окончательного решения. — Если вздумаешь устроить ей публичное аутодафе, то я взойду на костёр вместе с ней, — предупредила она.

Палевский приподнял бровь.

— Даже так? — он сделал вид, что раздумывает. — Ладно, будь по-твоему. На костёр пойдёте на пару.

— Мика! — рассердилась Рени.

— Всё-всё, сдаюсь! Милая, прекрати пилить меня взглядом. Матка боска! Уже и пошутить нельзя. Ничего страшного с девчонкой не случится, но... — Палевский сделал паузу, выразительно глядя на Мари, — при условии, что твоя подружка внемлет голосу благоразумия.

— Папа! Прекращай разводить свою макиавеллевицу! — возмутилась девушка.

На лице Палевского проступило холодное выражение.

— Мари, довольствуйся малым и не требуй большего.

— Я сказала, что не дам Соньку в обиду, значит, не дам! Чего бы мне это ни стоило!

— Не нарывайся, милая, — отчеканил Палевский. — Ведь я могу передумать насчёт её наказания за сегодняшний проступок.

— Это нечестно! — вскинулась девушка и вздохнула, опустив глаза. — Прости, *rara*, я была не права. Пожалуйста, не меняй наказание Беккер лишь из-за того, что я веду себя как идиотка.

— Хорошо, — смягчился Палевский. — А теперь живо наверх!

— Yes! — Мари схватила Аннабель за руку и потащила её за собой. — Идём, мышонок! Раз нас здесь не любят, уйдём с тобой в пустыню и создадим там новую религию.

— Учительница рассказывала, что там очень жарко и нет ни воды, ни растений, — засомневалась девочка.

— Не бойся, нам не грозит бескормица. Мы с тобой устроимся в той пустыне, что рядом с Лас-Вегасом. Двухногий дичи там до фига и больше. Только успевай причащать божьих овечек.

Когда они поднялись наверх, Мари прижала палец к губам, призывая девочку к молчанию, и прислушалась к тому, что говорят родители. Но не тут-то было. Наученные опытом, они вlepили ей сдвоенную ментальную оплеуху, и она с громкими причитаниями побежала в свою комнату. Не заходя внутрь, Мари хлопнула дверью и, попутно соорудив страшное лицо хихикающей Аннабель, крадучись вернулась обратно.

Рени, пряча улыбку, прикрыла обеих дочерей ментальным щитом.

— Мой ангел, ты действительно ничего не задумал в отношении подружки нашей девочки? — спросила она невинным тоном.

— Милая, и ты туда же? — возмутился Палевский. — Я вам что, изверг? Не бойся, ничего страшного с мадмуазель Беккер не произойдёт. Своё наказание она уже получила. Приговор вынесен и изменению не подлежит. Не смотри на меня так, не особенно она пострадала. Если вообще можно назвать наказанием выход замуж за симпатичного и умного парня, который любит её без памяти. Ну, почистит с месяц отхожие места...

— Это в изоляторе твоего института? Жуть! Там же у тебя обитают самые настоящие чудовища.

— Это пойдёт на пользу самолюбивой дурочке. Пусть посмотрит до какого скотства может дойти человек, — сказал Палевский и укоризненно посмотрел на жену. — Вот зачем

ты портишь воспитательный процесс? Мари уже приплясывает от радости вместо того, чтобы приструнить свою подружку. Кстати, тебе не кажется, что кто-то чересчур уж часто повадился подслушивать?

— Ой-ой! Я больше не буду! — завопила девушка и, не дожидаясь очередной ментальной оплеухи, пробежала по коридору и скрылась в своей комнате.

— То-то же! — удовлетворённо произнёс Палевский и добавил: — Уверен, что Макс Беккер быстро выбьет дурь из дочери и дополнительного вмешательства не потребуется, — вампирский король тяжело вздохнул. — Какая-то беда с этими кровниками! Родители балуют их невероятно и здесь даже наш главный идеолог не исключение.

«Уж кто бы говорил!» — ухмыльнулась Рени. Для неё не было секретом, что муж и дочь тоже кровные родичи. Он прекрасно помнила тот день, когда Михаил пришёл домой и, в смятении бродя по дому, то и дело поглядывал на Мари. Привыкшая к тому, что он игнорирует её существование, и если смотрит, то как на пустое место, девушка отвечала ему насторожёнными взглядами. «Детка, хочешь мороженое?» — вдруг спросил он и, когда Мари опасно кивнула, преподнёс ей громадный торт, сделанный в Berthillon, хотя это был конец июля.

Рыцарские игры до добра не доводят, они доводят до целибата

Тем же вечером наступил поворотный момент в судьбах Ивана и Сони. По приезде из парка они попрощались с Палевскими и вышли на этаже, принадлежавшем семейству Ладожских. Как и предсказывал Иван, обычно шумный дом встретил их непривычной тишиной. Все его обитатели разлетелись по своим делам и это только порадовало Соню, которая опасалась, что домоседка Вера Дмитриевна могла вернуться, а ей совсем не хотелось объяснять откуда у неё взялся феникс.

Молодые вампиры уложили спящего мальчика в одной из многочисленных комнат квартиры Ладожских, похожей на опустевший лабиринт, и перебрались в кухню.

— Хочешь чаю? — спросил Иван.

Получив согласный кивок, он заварил зелёный чай ручной скрутки и поставил на стол большое блюдо с горячими бутербродами, разогретыми в микроволновке. Несмотря на неприятности, последовавшие за неудачной охотой в парке, молодые вампиры с аппетитом набросились на еду.

— Может, мальчика стоит отвезти в наш медицинский центр? — забеспокоилась Соня после второго бутерброда. — Все-таки фениксы, по сравнению с нами, очень хрупкие создания.

— Не, не надо, — невнятно проговорил Иван и, прожевав, добавил: — Михаил Янович сказал, что с ним всё в порядке. У парня только старые переломы, а остальное пройдёт под действием вампирской крови и долгого сна.

После очередного похода к буфету, на этот раз за фруктами и сладостями, он снова сел напротив девушки и положил подбородок на сплетённые пальцы рук.

Поглощённая своими переживаниями Соня не сразу обратила внимание, что он не сводит с неё глаз. А когда заметила, что на его губах блуждает странная полуулыбка, она смутилась и заёрзала на стуле. События, происшедшие в парке, кардинально изменили их отношения. Король вампиров выполнил своё обещание, она не помнила убийство друзей, которое он ей показал, но у неё действительно осталось чувство вины. Правда, она отнесла его на счёт того, что подвергла Ивана и Мари опасности. К тому же предстоящее объяснение с любимым человеком настолько угнетало девушку, что ей хотелось сбежать домой, хотя она больше не питала иллюзий относительно того, как отнесётся Макс Беккер к тому, что произошло в парке.

— Ладожский, что ты пилишь меня взглядом? Говори, если есть что сказать, — не утерпела Соня.

— У меня-то есть. А вот если ли тебе, чем мне ответить? — сказал Иван с загадочной миной на физиономии.

— Ты это о чём? — поинтересовалась девушка, гадая к чему он ведёт.

— Да так, о разном, — последовал неопределённый ответ.

«Понятно. Всё, как всегда. Будет ходить вокруг да около, но сделает ничего такого, что выходит за правила игры», — со вздохом подумала Соня. После придирчивого осмотра конфет в коробке она выбрала ту, что с ликёрной начинкой. В общем-то, она предпочла бы сам ликёр и желательнее побольше, но не хотела, чтобы Иван подумал, что она струсилась и боится предстоящей дома выволочки или, того хуже, скорого замужества.

— Ну что, так и будем молчать? — спросил Иван.

Расстроенная его очередными играми Соня бросила на юношу безучастный взгляд.

— В отличие от тебя, мне нечего сказать, — холодно сказала она.

— Так уж и нечего? — Иван перестал улыбаться, задетый её тоном. — Сонька, не молчи! — воззвал он к ней и сердито добавил: — Я хочу знать, что ты собираешься делать со своим замужеством.

Соня взяла ещё одну конфету и пожала плечами.

— Воспользуюсь генетическим банком, как велел Михаил Янович. А что ещё мне остаётся?

— Ну даже не знаю, — протянул Иван и с задумчивым видом откинулся на спинку стула.

Со стороны это выглядело так, будто он дистанцировался от её проблем, и девушка окончательно упала духом. «Вот дура! Сажу и жду неизвестно чего, а он, похоже, даже не собирается делать мне предложение... Что ж, тем хуже для меня! Значит, он не настолько любит и любит ли вообще — это ещё вопрос, а раз так, то нечего больше унижаться», — пришла она к выводу и надменно вздёрнула подбородок.

— Спасибо за чай, — Соня поднялась из-за стола. — Пожалуй, я пойду, а то уже поздно.

— Сядь, Беккер! Разговор ещё не закончен.

— Не сегодня, Ладожский, я устала.

— Я сказал, сядь!

— Прекрати командовать!.. Господи! — Соня поморщилась, заметив, что по руке у неё ползёт вша. — Нужно срочно обработать мальчику. У тебя нет какого-нибудь средства от педикулёза?

— Кажется, остались антиблошиные капли для Алёнкиного зверинца. Подожди, я сейчас принесу... — видя, как она пальцами раздавила насекомое, Иван покачал головой. — С твоими замашками великосветской фифы порой я забываю, что ты врач, а у них в силу профессии отсутствует чувство брезгливости.

— Верно, — усмехнулась Соня.

— А ещё, говорят, что у врачей отсутствует инстинкт самосохранения.

«И нет ума, если судить по мне», — вздохнула девушка.

— Здесь ты тоже будешь работать с фениксами? — хмурясь, спросил Иван.

Соня удивлённо посмотрела на него.

— Естественно, это же моя специализация.

— Беккер, пожалуйста, будь осторожней на работе, хорошо? А то я помню, как Машка захлёбывалась от восторга, рассказывая, как ты храбро лезешь к фениксам в стадии кровавого бешенства.

— Давай ты не будешь учить меня осторожности, а просто принесёшь, что обещал, — нетерпеливо сказала Соня.

— Хорошо, я принесу, — Иван смерил её недоверчивым взглядом. — Только не вздумай смяться, Беккер, пока я хожу. Дай слово, что дождёшься меня! — потребовал он и девушка, у которой действительно мелькнула мысль уйти в его отсутствие, с неохотой кивнула.

Не слишком доверяя обещанию гостыи, Иван обернулся очень быстро. Когда она потянулась к принесённому им пузырьку, он отставил его подальше.

— Мальчишка подождёт, давай продолжим наш разговор.

Соня подняла глаза и грустно улыбнулась.

— О чём?.. Ладожский, не тяни кота за хвост! Я устала и хочу домой.

— Ответь, ты на полном серьёзе собралась в генетический банк?

— Серьёзной не бывает. Я ещё не настолько сошла с ума, чтобы игнорировать распоряжения Михаила Яновича.

На лице Ивана вновь появилось раздумье.

— Ладно. Похоже, шутки действительно кончились, — произнёс он со вздохом и добавил: — Сонька, предлагаю тебе руку и сердце. Бери, пока я добрый.

— Спасибо, как-нибудь обойдусь.

— Чем я тебя не устраиваю?

Видя, что он оскорбился ни на шутку, Соня было заколебалась, но быстро взяла себя в руки и, прихватив с собой пузырёк с антиблошиными каплями, отправилась за мальчиком. Уйти ей не удалось. Иван поймал её за руку и рывком развернул к себе. Вместо ожидаемого возмущения он заглянул ей в лицо и на его губах вновь заиграла странная полуулыбка.

— Э, нет! Пстой! Ты не можешь вот так просто смяться и ничего мне не сказать.

— Почему же не могу? Очень даже могу, — ответила девушка, стараясь выглядеть невозмутимой.

— Беккер, я же не шучу! Это настоящее предложение руки и сердца.

— Я так и поняла, — фыркнула Соня и язвительно добавила: — Вот только не помню, какое уже по счёту. Не подскажешь, оно ещё в пределах первой сотни или уже перевалило на вторую?

— Чёрт! Так и знал, что ты мне не поверишь, но всё же надеялся, — Иван с сокрушённым видом почесал в затылке. — И что же мне теперь делать? — спросил он.

— Ложись спать! — посоветовала Соня и его глаза по-кошачьи засветились фосфорическим синим огнём.

— Беккер, ты умница! — одобрительно воскликнул он и по-медвежьки стиснул её в объятиях.

— Давай поженимся, а? — шепнул он на ухо девушке и, не дожидаясь ответа, поцеловал её далеко не рыцарским поцелуем, который, по предписанию игры, был церемонным и целомудренным до тошноты.

— Пусти! Мне нечем отплатить за твою великодушную жертву, — запротестовала Соня.

— Разве? А мне вот кажется, что очень даже есть чем... Ну что, снова нет? — улыбнулся Иван после очередного поцелуя.

— Нет!.. Ладожский, добром прошу! У меня нет больше времени на игры с тобой! — воскликнула Соня, пытаясь вырваться из его объятий.

— Зато у меня есть, — последовал ответ, а за ним ещё один поцелуй, от которого у неё перехватило дыхание.

— Что, опять нет? — возмутился Иван.

— Н-нет! — пробормотала Соня, находящаяся в полуобморочном состоянии.

— Уверена?.. Ну, ладно. Тогда продолжим, пока ты не передумаешь. Ночи сейчас длинные, так что времени у нас полно. Кстати, в моей спальне будет гораздо удобней выбивать из тебя добровольное согласие на брак, — спокойно сказал Иван и подхватил девушку на руки.

— Ладожский, с ума сошёл? Отпусти немедленно!

— Подожди ещё немного, скоро дойдём до спальни. Ты же вроде не любительница экстрима, хотя... — он замер на месте и вкрадчиво добавил: — Сегодня ты полна

сюрпризов. Хочешь прямо на полу или стол тоже подойдёт?

— Пусти немедленно!.. Ладожский, прекрати издеваться! Это уже не смешно!

— Сонька, прекрати брыкаться! — начал сердиться Иван. — Без шуток, я люблю тебя!

— Ха! Так я тебе и поверила! — засверкала глазами девушка. — Уверена, это Михаил Янович приказал тебе жениться на мне. Так что давай заканчивай свою интермедию. Я обращусь в генетический банк и все дела.

— Хватит пороть чушь! Причём здесь мы и Палевский? Хочешь, я поклянусь всем святым, что люблю тебя?

Поставив Соню на ноги, Иван опустил на одно колено.

— Ты знаешь, как я дорожу своей семьей. Так вот клянусь их жизнями, что я люблю тебя. А теперь только попробуй сказать, что я солгал тебе, тогда между нами действительно всё кончено! — воскликнул он под конец с тихой яростью в голосе.

— Прекрати беситься! Хорошо, я тебе верю, но...

— Опять «но»! — простонал Иван и с подступающей тревогой пылливо глянул на вновь поникшую, но крайне серьёзную девушку.

Видя его недоумение, Соня пояснила:

— Ладожский, пусть всё сказанное тобой правда, но стоит ли нам жениться? Я вот не знаю. Ведь до сегодняшнего дня тебя всё устраивало. Зная о моей любви, ты всегда держал меня на расстоянии, предпочитая романы на стороне. Ой, давай без лицемерия! В нашем маленьком мирке что-либо скрыть совершенно невозможно. Поэтому сплетницам всегда было досконально известно, а вместе с ними и всему Академгородку, когда, сколько раз и как часто.

— Сонь, нашла кого слушать! А то ты не знаешь, как сплетники всё преувеличивают, — запротестовал Иван.

— Нет, не знаю! Может, просветишь? — с вызовом сказала девушка.

Под её взглядом его скулы порозовели, но Иван не опустил глаз, чувствуя себя в праве вести себя так, как ему заблагорассудится, поскольку он не был связан обязательствами ни перед одной женщиной.

— А хочешь знать, со сколькими ты спала, по мнению тех же сплетников? — перешёл он в нападение.

— Неправда! Я ни с кем не спала! Это был один лишь безобидный флирт и больше ничего, — не слишком убедительно проговорила Соня и, отвернувшись, сделала вид, что разыскивает пузырёк с антиблошиным средством, запропастившимся во время их бурных поцелуев.

— Да, ну?.. Что-то слабо верится, — хмуро сказал Иван, наблюдая за её манёврами.

— Ладожский, прекрати строить из себя Отелло! — рассердилась девушка.

— А знаешь, сколько раз я был готов придушить тебя за этот «безобидный» флирт? — признался Иван, не зная верить ей или нет. — Так ты спала с Рушевским на третьем курсе?.. Ладно, проехали! Это дело прошлое. Отвечай, ты изменяла мне с Реази или нет? — рявкнул он в полный голос.

— Нет! — выкрикнула Соня и замахала руками, испугавшись, что они наговорят друг другу такого, что потом не смогут помириться. — Не веришь мне, спроси у Мари. Всё! Больше ни слова, тема закрыта! Ладожский, я люблю тебя и принимаю твоё предложение. Доволен?

— Давно бы так, — буркнул рассерженный Иван. С трудом взяв себя в руки, он сам

удивился бешеному приступу ревности. — Ну, что? Продолжим наш путь в спальню? — уже более миролюбиво спросил он.

— Да, — не колеблясь, ответила девушка.

Когда рассветные лучи прогнали тьму из окон, Соня осторожно выбралась из объятий юноши и с любовью глянула на его ангельски-прекрасное лицо. Перед уходом она наклонилась и легонько коснулась губами его губ, но этого хватило, чтобы он проснулся.

— Куда это ты собралась в такую рань? — сонно пробормотал он и, не открывая глаз, ворчливо добавил: — Сонька, имей совесть! Дай хоть немного поспать!

— Пора домой. Как бы Макс не поднял бучу, объявив меня в розыск. С вчерашней суетой, я совсем забыла позвонить родичам.

— Не-а, не поднимут. Я им звонил, когда ты заснула после первой серии. Так что нечего отлынивать от сексуальной повинности. За шесть лет прогулов ты мне задолжала целую прорву ночей.

Подброшенная вверх Соня взвизгнула от неожиданности, но, пойманная ещё в воздухе, благополучно приземлилась на кровати.

— Чёрт! — Иван чуть было не свалился на пол, роясь в разбросанной там одежде. — Слава богу, нашёл!

Он поцеловал девушку, а затем, взяв за руку, надел ей на палец кольцо.

— В принципе, я хотел отдать тебе его сразу, но затем решил погодить. Я знал, что ты обязательно заподозришь меня в донкихотстве, и мы с тобой разругаемся.

Подняв руку, Соня полюбовалась игрой бриллианта в луче света и усмехнулась.

— Поэтому ты не придумал ничего лучше, чем вручить его после того, как мы переспим.

— Кстати, не самое плохое решение, — сказал Иван и сладко зевнул. — Это был верный способ доказать тебе, что игры кончились.

— Ну да, — согласно кивнула Соня. — Ты нарушил главное правило игры, которое гласит, что любовь к даме сердца должна носить чисто платонической характер, — улегшись сверху, она упёрлась локтями в грудь юноши и, пытливо глядя ему в лицо, потребовала: — Ладожский! Ну-ка, признавайся как на духу ты спал с Исабель или нет?

— Мамой клянусь, чего не было, того не было, — совершенно искренне ответил Иван и успокоенная девушка вознаградила его страстным поцелуем.

Академия. Печально, но везение в любви, как и в картах, приходит далеко не к каждому

Всю дорогу рядом с Алисой бежала суетливая тень. В свете уличных фонарей она то укорачивалась, то удлинялась, но не отставала ни на шаг. Она попыталась наступить на верную спутницу, но та вновь успела ускользнуть, не давая припечатать себя к каменным плитам.

Игра с тенью одновременно раздражала и забавляла молодую женщину, а ещё она отвлекала её от мыслей о работе. И всё же усталость после напряжённой смены в госпитале не давала забыть о ней полностью. В самом начале дежурства Алисы на хирургическое отделение поступил мальчик-первокурсник со сложным случаем. На спор он спрыгнул с крыши коттеджа и, зацепившись за украшение декоративного водостока, потерял равновесие. Поскольку это был не его день, то невезучий мальчишка ударился виском о камень. В результате у него оказался проломлен череп, причём костные осколки легли в опасной близости от крупных кровеносных сосудов, угрожая их прорвать. В общем, юный пациент держал Алису в напряжении всю операцию. К счастью, капризная фортуна сменила гнев на милость, и всё закончилось благополучно.

После мальчишки-первокурсника косяком пошёл прочий молодняк. Травмы были неопасные, но ребятни было больше обычного, и она единственно что успела, это перекусить в краткий перерыв. А к концу её дежурства на хирургию доставили девочку из спецназа. Вроде бы это был обычный набор вывихов и ранений после драки, но и с ней не обошлось без сюрпризов. Одно из рёбер оказалось сломанным и, сместившись, задело легкое. Правда, здесь операция прошла значительно легче. Поскольку такие травмы на вампирах заживают куда быстрее, чем на пресловутых собаках, то девчонка из спецназа, получив необходимую помощь, категорически отказалась от госпитализации. Мурлыча себе под нос весёлую песенку, она натянула одежду и бодрым шагом направилась к выходу из палаты. Медперсоналу оставалось лишь качать головой, видя такое легкомыслие.

Алиса подошла к своему коттеджу под номером восемь на Сиреновой улице и замерла у крылечка, вглядываясь в темнеющий силуэт на открытой террасе.

— Молодой человек, что вы здесь делаете?

— Извините, мадам. Я уже уйду, — печально произнёс парень и, поднявшись с качелей, легко перемахнул через перила. Обернувшись, он ещё раз бросил на ходу: — Простите, я не хотел вас беспокоить.

Незнакомец быстрым шагом устремился к полутёмной улице.

— Постойте! Ведь это вы частенько приходите на мою террасу и сидите здесь по ночам?

Парень замер, а затем повернулся к Алисе. В свете уличного фонаря его глаза и волосы сверкнули чистым золотом.

— О, простите! — воскликнул он с раскаянием. — Я не думал, что настолько беспокою вас. Уверю вас, больше такое не повторится. Ещё раз прошу прощения.

— Не нужно столько извиняться, молодой человек. Это лишнее. Может, вы повечеряете со мной, если не очень спешите? Попью чайку, и вы поведаете мне, что именно приводит вас к моему дому.

Парень вернулся и Алиса, разглядев его, неслышно вздохнула. Он был очень красив и

очень молод. «Лет восемнадцать, не более», — пришла она к выводу и тепло улыбнулась.

— Впрочем, несложно догадаться. Прежде здесь жила ваша девушка?

— Вы угадали, мадам. Простите ещё раз.

— Пустяки! — отмахнулась Алиса. — Я сама одиночка, поэтому сразу вижу родственную душу.

Отворив двери, она сделала приглашающий жест.

— Заходите. Зовите меня Алисой и, пожалуйста, давайте перейдём на «ты», так мне привычней. Простите, что так сразу, но мы медики не слишком привычны к политесам. Ведь любимые коллеги или «благодарные» пациенты под горячую руку иной раз так обложат, что смешно им выкатать после этого. Конечно, на первых порах приходится нелегко, поначалу не знаешь, куда деваться от смущения, а потом ко всему привыкаешь, такая уж у нас работа.

— Рад знакомству, мадам Алиса, а я Тьен Моррисон из клана Тигра. Спасибо вам... тебе за приглашение, но, если тебя не затруднит, давай попьем чай здесь, на террасе.

Молодая женщина понимающе улыбнулась.

— Не хочешь терять свои иллюзии, тебе до сих пор кажется, что она там, внутри?

— Д-да... вы очень чуткий человек, мадам Алиса. Простите, я снова перешел на «вы», но я исправлюсь.

— О, я всё понимаю! Подожди немного, я скоро.

Когда Алиса вновь вышла на террасу, держа поднос, уставленный чайными принадлежностями, то там, к её великому разочарованию, никого не оказалось. «Всё-таки сбежал!» — огорчилась она.

Поставив тяжёлый поднос на столик, она взяла в руки небольшой сверток и оглянулась по сторонам.

— Эй!.. Не знаю, что ты себе вообразил, Тьен Моррисон! Я не собиралась приставать к тебе! Я всего лишь хотела передать тебе подарок от твоей девушки! — выкрикнула она в темноту.

Присев за стол, Алиса взяла вилку и ковырнула салат. «Вот дурачок! — с досадой подумала она. — Хотя сложно винить мальчишку. Видимо, его совсем достали женщины, если он удирает при малейшей возможности». Она покосилась на простенький белый свёрток, перетянутый пёстрыми резинками для волос. «Интересно, что там? Нет, нельзя! — она отдернула руку. — Может, оставить подарок в деканате?.. Нет, хочу видеть радость мальчика. Что ж, тогда придётся брать выходной день и тащиться в учебные корпуса, чтобы найти Тьена Моррисона. И всё же жаль, что он не остался. Я бы с удовольствием послушала историю его любви, глядишь, и вечер пролетел бы незаметно».

Размышляя о своём, Алиса не сводила глаз с соседнего коттеджа, где за зашторенными окнами металась две тени. Её губы дернулись в насмешливой улыбке. Вечер сплошного театра теней, подумалось ей. С рассеянным видом она потянулась к вазочке с печеньем, не замечая, что его крошки уже образовали приличную горку на столе.

Терзаемая любопытством молодая женщина поднялась и, подкравшись к соседскому дому, прижалась к его стене, чтобы случайные прохожие не увидели её на фоне освещённого окна.

— Хоть убей, всё равно с тобой не останусь! Гуляла и буду гулять, и ты мне не указ! Понял? — донесся яростный женский выкрик и тут же раздался звук звонкой пощечины.

— Ненасытная сучка! Убить тебя мало! Скажи, в Академии кто-нибудь ещё остался, кто тебя не трахал?

— Да! Это ты!.. Убери свои лапы!.. Отпусти, тупая скотина!.. Ой, больно! — истерически взвизгнул женский голос.

— О боже, опять всё сначала!.. Сара, хватит! Давай прекратим этот бессмысленный разговор, — с усталым раскаянием отозвался мужчина.

— Пошёл к чёрту! Кто ты такой, чтобы затыкать мне рот? Не забывай, что ты только числишься мужем! Сволочи! Сговорились за моей спиной и держите брачным контрактом! Судить вас нужно всех: и тебя, и твоих родичей, и ректора, а в первую голову твоего папочку! Я знаю, это он всех подкупил. Старый педераст! Продолжал бы и дальше развлекаться с мальчиками и не лез не в своё дело! — раздался мерзкий смешок. — Может, и над тобой он трясется не из-за того, что ты кровник, а потому что неровно дышит?..

Послышался глухой удар, оборвавший на полуслове лихорадочные словоизлияния женщины.

— Ах ты, брехливая сука! Совсем уже сбрендила? Не смей трепать поганым языком достойное имя отца! Ты мизинца его не стоишь! — взревел разъярённый мужчина.

В наступившей вечерней тишине прозвучал долгий, по-заячьи тоненький вскрик, полный нестерпимой муки, и Алиса зябко передёрнула плечами.

«Идиотка! Чего она так надрывается, как будто её убивают?.. Боже мой! А вдруг Давид в самом деле?.. Господи, что же делать? Может, позвонить в службу безопасности?» — заполошно подумала она, но тут, к её великому облегчению, раздался тихий надрывный плач и мужской голос испуганно забормотал:

— Сара-Сарочка! Любимая, прости дурака! Честное слово, я не хотел... Умоляю, не уходи! Я всё стерплю, только не бросай меня...

— Не прикасайся!.. Это невыносимо!.. Пойми, чтобы наши обоюдные мучения закончились, ты должен либо уйти от меня, либо убить. Иного не дано... Давид! Давид, послушай! Неужели до тебя ещё не дошло? Если ты будешь продолжать в том же духе, то у нашей истории есть только один конец? И это смерть!

В тоскливом голосе женщины было столько страдания и уверенности в своей правоте, что он пробудил в Алисе некоторое сочувствие. Не выдержав, она привстала на цыпочки и заглянула в окно. Шторы были не задёрнуты и сцена бытия, на которой разыгрывалась очередная семейная драма, была как на ладони. На удивление в комнате царили уют и безупречный порядок (Алиса знала, что Сара здесь ни при чём, это Саади обманывал себя иллюзией семейного гнезда) и лишь два предмета диссонировали с обстановкой комнаты — упавший стул и валяющаяся рядом с ним хозяйка дома.

Несмотря на вечернее платье и яркий макияж, Сара выглядела ужасно. Неестественная худоба и блеклая кожа заметно состарили бывшую королеву академических вечеринок. Лёжа на полу, она гримасничала и, хихикая, разговаривала сама с собой. Несмотря на душераздирающие крики, на ней не было видимых следов побоев. Шокированной Алисе показалось, что она элементарно пьяна и её взгляд метнулся к хозяину дома.

Саади с беспомощным видом стоял у стола, сервированного на двоих. На глазах Алисы он несколько раз пытался приблизиться к жене, но она каждый раз сворачивалась в позу зародыша и пронзительно визжала. Наконец, он отступился и сел.

— О Господи! Когда же это закончится? — воскликнул он с мукой в голосе.

От него шла такая мощная волна отчаяния, что преисполненная жалости, Алиса с трудом подавила желание ворваться к соседям и, схватив Сару за волосы, как следует её поколотить. Да что там! Она была готова голыми руками разорвать свою удачливую

соперницу...

Удар кулаком и грохот упавших приборов привёл её в чувство. По руке Саади обильно текла кровь, но он даже не подумал её остановить и, вцепившись в волосы, сгорбился за столом.

Алиса пришла в чувство и внутренне содрогнулась. «Видимо, любовное безумие заразно», — подумала она с опаской. Проснувшаяся совесть заставила её почувствовать себя виноватой. «Почему ей можно отбивать мужчин, а мне нельзя? — попыталась она оправдаться. — В конце концов, мы никогда не были настоящими подругами. Просто Сара пользовалась моей бесхребетностью».

***

В Академии все друг друга знали, если не по имени, то хотя бы зрительно. Конечно, кроме студентов-первокурсников, которые просто ещё не успели примелькаться в общественных местах купола Гефеста. Правда, эту первокурсницу с броской внешностью и уверенными манерами, которую всегда окружали мужчины, было сложно не запомнить.

Алисе девушка не понравилась. Из-за вызывающе громкого смеха и явного стремления привлечь к себе внимание окружающих, она показалась ей вульгарной и недалёкой. Но со временем выяснилось, что она не совсем права. Сара Рудич оказалась лучшей студенткой на медицинском факультете и даже больше — в ней видели восходящую звезду в генетике и прочили успешную карьеру под руководством самого Палевского.

В академическом госпитале, где Рудич проходила практику, к ней относились по-разному. Девушка была очень талантлива — этого никто не отрицал — но по натуре она была заносчивой и не скрывала, что считает себя лучшей в выбранной профессии. Конечно же, это не прибавило ей доброжелателей, особенно среди женщин. По госпиталю ходили упорные слухи, что практикантка может запросто разбить семью. Для неё не существовало табу на женатых мужчин.

Алисе не было никакого дела ни до практикантки, ни до слухов о её проделках, пока та сама к ней не подошла. Рудич попросила разрешения побыть в операционной во время её дежурства. Алиса согласилась, но без особого желания. Она не любила, когда ей заглядывали через плечо. Но вышло так, что девушка оказалась чрезвычайно полезна и очень помогла ей в сложном случае.

В знак благодарности Алиса после работы пригласила её поужинать в академическом ресторанчике. Рудич согласилась, и к концу вечера они болтали как старые добрые знакомые. После этой встречи Алиса решила, что ошиблась. Несмотря на сплетни, девушка была на редкость обаятельна и отнюдь не глупа. С ней было легко общаться.

В то время делить им было нечего, и они почти сразу подружились, несмотря на некоторые опасения Алисы. Дело было в том, что своим характером весёлая энергичная девушка слишком уж напоминала ей одного типа, в которого она была когда-то влюблена. Мерзавец бросил её ради студентки, а поскольку они были коллегами и непрестанно сталкивались на работе, то сердечная рана заживала слишком медленно. Именно поэтому она замкнулась в образе классической старой девы. В общем, Алиса боялась очередного предательства. Но Рудич была чрезвычайно напориста — совсем как приснопамятный мерзавец, и она снова не устояла. Да и кто бы устоял, когда ему уделяют так много внимания?

Засидевшись в скорбном коконе одиночества, Алиса быстро поняла, что страшно соскучилась по нормальной жизни — по походам в магазинчики, посиделкам в кофейнях,

лёгкой болтовне о всякой ерунде. Вскоре она уже не представляла, как жила без Сары и с нетерпением ожидала её прихода, заранее предвкушая остроумные беседы и совместные прогулки. Во время них новая знакомая любила давать встречным язвительные характеристики. Они били не в бровь, а в глаз и Алиса, несмотря на все свои старания, не могла удержаться от смеха. Заметив, что чопорная подруга старательно поджимает губы и пытается удержать на лице благопристойную мину, Сара удваивала усилия и вскоре они обе хохотали как ненормальные.

Для обеих это было замечательное время. Но всё изменилось, когда в поле зрения подруг появился новый преподаватель математики.

Алиса первой познакомилась с Давидом Саади. Во время дежурства в госпитале он привёл к ней очередного мальчишку-первокурсника, пострадавшего по своей же глупости. И хотя красавец-туарег — как прозвали его студентки — был значительно моложе, чем она, Алиса влюбилась так, как уже давно не влюблялась (уже целых три года — с тех пор, как её бросил приснопамятный мерзавец). Поражаясь самой себе, она расхрабрилась и назначила ему свидание. Саади долго глядел на смущённую женщину — будто не понимал, чего она хочет, а затем неожиданно согласился.

Но их роман, не успев толком начаться, сразу же подошёл к концу. Во время совместной прогулки им встретила Сара и тут же присоединилась к ним. Первым делом она подхватила Саади под руку и лукаво улыбнулась в ответ на его недоумённый взгляд. И так всегда яркая и сексапильная на этот раз Сара превзошла самоё себя. Она блистала остроумием и просто лучилась обаянием. Алиса ещё не видела её такой. И это не было обычным кокетством. Она узнала этот внутренний огонь и с грустью отступила. Рядом с влюблённой Сарой у неё не было никаких шансов, да и Саади уже сделал свой выбор. Судя по страстным взглядам, бросаемым на девушку, он загорелся ответным огнём.

Чтобы не выглядеть глупо в их компании Алиса под благовидным предлогом засобиралась домой. Правда, Саади был настолько галантен, что порывался проводить её до дома, но Сара была настороже. Охнув, она опустила на скамейку и мило гримасничая, заявила, что подвернула лодыжку. Все трое понимали, что это пустая отговорка, но Саади счёл нужным поверить притворщице и предложил ей свою помощь. Алисе не оставалось ничего иного, кроме как попроситься с несостоявшейся любовью и пожелать им счастья. Что она и сделала на свадьбе, которой завершился их бурный роман, и на которую её пригласили в качестве ближайшей подружки невесты.

Алиса до сих пор пребывала в неведении, знала ли Сара о её чувствах к Саади. Впрочем, это не имело никакого значения ни сейчас, ни в то время, когда они только встретились и их отношения только складывались. В отличие от неё Сара была хищницей и ни за что не выпустила бы свою добычу. Когда они ещё были близкими подругами, она как-то заметила, что Алисе повезло, что у неё нет сердечных привязанностей. Тогда она восприняла её слова как шутку, но время показало, что это не так. Правы оказались госпитальные кумушки, которые утверждали, что она бессовестная сука, которая не может пройти мимо чужого добра, особенно, если это добро принадлежит подруге.

Прошло четыре года, но Алиса никак не могла забыть Саади. Иногда она радовалась, что любовь принесла бывшей подруге одни лишь несчастья, но временами всё же жалела её. Попавшая в ловушку брака, Сара теряла самоё себя и опускалась всё ниже. Если раньше мужчины искали внимания сексапильной гордячки, то теперь положение кардинально изменилось. Спеша отомстить мужу, она с ходу предлагала себя случайному партнёру.

Мужчины не отказывались, но им претила такая доступность, и она всё чаще попадала в неприятные ситуации. Алиса даже попыталась поговорить с ней, но Сара не стала её слушать и наговорила кучу гадостей. Она умела жалить словами как никто другой. В результате оскорблённая Алиса зареклась вмешиваться в её личную жизнь. Что не мешало ей подглядывать.

***

Тем временем события в коттедже развивались своим чередом. Саре надоело валяться на полу и она, перестав изображать из себя ужаленную осой гусеницу, села и начала монотонно раскачиваться.

Алиса, видя это, фыркнула. «И это когда-то лучшая выпускница медицинского факультета? Могла бы натуральнее изображать безумие. Например, пустить слюну для убедительности», — подумала она с презрением, стараясь не замечать точащего её червячка сомнения. Она не была профессионалом в области психиатрии, но интуиция врача с многолетним стажем подсказывала ей, что Рудич больна на самом деле, хотя сама уверена в обратном и думает, что только имитирует безумие.

Саади поднял голову.

— Сара, прекрати свой балаган! Хватит строить из себя сумасшедшую, я знаю, что это не так.

— Да, ну? Неужели Бернштейн просветил? Надо же какая трогательная круговая поддержка. Одно слово — родственная мафия! — в остром взгляде Сары, устремлённом на мужа, промелькнула быстрая насмешка. — Что совесть выиграла, дорогой? Мало того, что ты бьёшь, так ещё и с ума сводишь. Ай-я-яй, Давидик, как не стыдно! — она снова принялась монотонно раскачиваться, не забывая при этом подвывать как неуспокоенный дух.

— Издеваешься? Давай-давай! — простонал мужчина, хватаясь за голову. — Нет! Это ты задалась целью свести меня с ума!

— Незачем стараться, ты и так ненормальный, — издевательски тоном ответила Сара. — Как ты думаешь, кто до потери пульсации будет избивать свою жену, кроме безумного ревнивца?

С усталым равнодушием она взгляделась в резкие черты ранее столь любимого человека. На лице полускрытом тёмной завесой волос застыла гримаса невыносимого страдания. Но муки мужа уже давно не находили отклика в её душе, опустошённой его ревностью и жестокостью.

— Временами я готов тебя отпустить...

В глазах обеих женщин, глядящих на Саади, вспыхнула надежда. Алисе оставалось только молчать и надеяться, а Сара подползла поближе и, цепляясь за мужа, забормотала:

— Давид!.. Умоляю! На коленях умоляю!.. Дорогой, дай мне развод, и я до конца своих дней буду тебя благословлять!

— Прости, но не могу, — не сразу выдавил из себя Саади. — Лгать ни к чему. Я безумно люблю тебя. Стоит только увидеть тебя с другим, и я перестаю себя контролировать. Это факт, от которого никуда не деться.

— Мерзавец!.. Ничтожество! Сколько можно издеваться!.. Заткнись и больше не смей мне ныть о своей любви!.. Убирайся, видеть тебя не хочу!

В отчаянии Сара залепила мужу серию звонких пощечин. Он не сопротивлялся, и Алиса зажмурилась, чтобы не видеть, как мотается его голова от сильных хлёстких ударов. Когда Сара выдохлась, Саади поймал её в объятия и с молящим выражением в глазах заглянул в её пылающее от гнева лицо.

— Сарочка, пожалуйста, не плачь! — он вострепнулся. — А давай попробуем начать всё

заново. Вдруг на этот раз у нас получится? Ведь я так люблю тебя.

— Как только у тебя язык поворачивается, — Сара горько улыбнулась. — А то мы не начинали! Было тысячу раз, и тысячу раз снова шло прахом, — она села на пол и прижалась щекой к ногам мужа. — Чего уж только я не перепробовала! Даже вела себя как верная мусульманская жена. Не высовывала носа из дома, да толку нет. Ведь ты в любом случае находишь повод для ревности и бьёшь меня смертным боем. Если бы я не была вампиркой, то уж давно бы покоилась в могиле. Давид, умоляю, опомнись! Дай мне развод. В конце концов, имей хоть каплю сострадания!

— Я согласен, но давай ещё немного повременим с официальным разрывом отношений.

— Господи! Это невыносимо!.. Вон! Ты мне противен! Слышишь? Противен! Противен! — завизжала Сара, уже по-настоящему заходясь в истерике. — Кому я сказала? Убирайся вон! Ненавижу!

Саади не выдержал и позорно сбежал с поля семейной битвы. Не готовая к такой развязке Алиса вскочила на ноги. Перепугавшись, что её вот-вот застукают за таким некрасивым занятием, как подсматривание, она, вместо того чтобы спрятаться, истуканом застыла на месте. Но выскочивший Саади даже не посмотрел в её сторону и Алиса, переведя дух, бросилась домой.

Лишь поздно ночью она спохватилась, что забыла на террасе подарок, который предыдущая жилица оставила для своего красивого златоглазого парня. Но его нигде не было. Тогда она обыскала кусты по соседству с домом, подумав, что нечаянно захватила его с собой и тот выпал по дороге. Увы! Подарка нигде не было. Огорчённая Алиса сердито глянула на окна соседей, но там уже было темно и тихо.

«Прости меня, Господи, за грешные мысли, но я очень надеюсь, что Давид, когда-нибудь её убьёт и освободится от тяжкой ноши, — ожесточившись, подумала она. — Мой ангел, сама бы убила истеричную стерву, подвернись подходящий случай. Дрянь! Да как она смеет издеваться над тобой и позорить перед остальными?»

Вынеся безжалостный приговор своей несчастной подруге, Алиса без малейших угрызений совести отправилась спать. В темноте она не заметила, что на карнизе входной двери лежит пачка сигарет с запиской, в которой гость в учтивых выражениях благодарит её за бесценный подарок.

На самом деле Тьен не сбежал, просто ему было неудобно явиться в гости с пустыми руками, и он решил сходить за подарком для хозяйки дома, пока та возится с чаем. Заметив, что его новая знакомая много курит и, зная какой дефицит сигареты у них под куполом, Тьен решил подарить ей завалывшуюся у него нераспечатанную пачку, оставленную кем-то из девочек во время вечеринки в их холостяцком коттедже. Для него это было невеликой потерей, поскольку он не курил. По возвращении он сразу же обнаружил подарок Мари, а затем и новую знакомую, которая с увлечением подслушивала под окнами у соседей. Чтобы не смущать Алису, Тьен оставил ей благодарственную записку и презент. Будучи высокого роста, он положил их на карниз двери, не подумав, что она значительно ниже его и не увидит их там.

***

Грандиозная новогодняя вечеринка находилась в самом разгаре, но как только позволили приличия, лорд Смит сбежал от коллег. Несмотря на настойчивые уговоры Лили Радзиевской остаться и потанцевать, он отрицательно покачал головой и, галантно поцеловав её руку, быстро исчез. Красавица досадливо топнула ножкой. Она столько надежд

возлагала на праздничный вечер, но им было не суждено сбыться. Дэн по-прежнему не желал понимать её более чем прозрачные намёки, хотя она уже не мечтала о большем и была согласна на те, ни к чему не обязывающие отношения, что связывали их в прошлом. Глядя вслед бывшему любовнику, Лили далеко не в первый раз помянула недобрым словом его секретаршу, которая даже в коме продолжала удерживать его около себя.

После шумного веселья в актовом зале в реанимационной палате академического госпиталя было особенно тихо. В общем-то, это было объяснимо. Ведь под Новый год здесь осталась всего одна пациентка.

Окутанная полупрозрачным реанимационным коконом, неподвижно лежащая девушка казалась почти бесплотной. Непривычно серьёзный профессор Бернштейн проверил показания медицинских приборов и посмотрел на ректора, привычно сгорбившегося у её постели. Наконец, он не выдержал:

— Дэн, ну зачем ты травмишь себе душу, и день за днём просиживаешь здесь? Я же сказал, что всё окончательно прояснится через пару недель. Пойми, ты ничем ей не поможешь. И бесполезно звать Пруденс через ментал. Ведь у вас не было устойчивой эмоциональной связи перед её попыткой самоубийства.

Лорд Смит поднял на друга глаза и вымученно улыбнулся.

— Иди, Адам, коллеги без тебя скучают. Ведь ты заводила и без тебя любой праздник не праздник. А я ещё немного посижу у девочки. Вдруг она очнётся и снова запаникует, — проговорил он с извиняющимися интонациями в голосе. — Иди-иди! — он устало прикрыл глаза, не желая больше разговаривать.

Бернштейн смерил его укоризненным взглядом, но больше не стал отговаривать. Оставшись один, Дэн мысленно позвал: «Эй! Хватит уже валяться, спящая красавица! Пруденс, я соскучился без тебя! Поверь, мне не хватает твоего беззаботного смеха, твоей лукавой мордашки и забавных выходок». Он печально улыбнулся и добавил вслух:

— Девочка, ты слишком поторопилась с выводами. Вернись и у нас найдётся, о чём побеседовать...

И тут, как положено под Новый год, случилось чудо. В тишине палаты раздался ломкий голосок:

— Уверены, милорд? И о чём же вы хотите поговорить со мной?

— В частности о том, что некоторые временные секретарши редкостные дуры, — сдавленно произнес лорд Смит, нажимая кнопку экстренного вызова врачей. — И вот что, дорогая, я тебе скажу, если на тебя снова нападёт блажь, и ты захочешь смотаться на тот свет, то только намекни, и я лично тебя придушу!

Слабое хихиканье было бальзамом для души ректора, вот уже полгода как измученного постоянной тревогой за жизнь Пруденс.

***

Возбуждённая праздничным переполохом, царившим на новогоднем балу, Сара Рудич с упоением танцевала. Наконец она сумела добиться волежеланного развода и, светясь от счастья, беззаботно порхала от одного партнёра к другому. Ей до сих пор не верилось, что она снова свободна как птица.

Искрящаяся радостью молодая женщина, очень хорошенькая в своём чёрном коротком платье, весь вечер ловила на себе восхищённые мужские взгляды. Впрочем, несмотря на её изощрённое кокетство, дальше танцев дело не шло. Лишь немногие из студентов теперь рисковали завязывать близкие отношения с доступной красоткой. Пользуясь введённым

разрешением на поединки, Саади беспощадно разделялся с юными ухажёрами жены. Может быть, он и убил бы кого-нибудь, но ректор вызвал его на поединок и настолько сильно отделал, что на какое-то время он притих, находясь не в форме. Правда, на безумца больше повлияла угроза поставить вопрос о его поведении в Совете. Любя и уважая отца, Саади сдерживался изо всех сил, боясь навлечь гнев старейшин на свою клановую семью.

К концу ночи опьянённая сказочной атмосферой праздника и чувством вседозволенности Сара находилась уже в состоянии, близком к эйфории. В полном восторге она была и от своего поклонника, уверенная, что мальчишка-первокурсник не знает о её сложных взаимоотношениях с бывшим мужем. Иначе, думалось ей, он не рискнул бы подойти. Правда, потом она была уже не столь в этом уверена. Юноша с холодными голубыми глазами во время первого же танца открытым текстом заявил, что не намерен терять время попусту, и предложил сразу же приступить к более близкому знакомству. Приятно удивлённая его наглой настойчивостью, Сара согласилась, и они немедленно направилась к её коттеджу.

С трудом держась на ногах, опьяневшая Сара не сразу поняла, что вместо поклонника, отлучившегося по нужде, её держит бывший муж, больно сжимая руку чуть повыше локтя. При виде страшного выражения на его лице, она вскрикнула и рванулась прочь, но потеряла сознание, получив сильный удар по голове. Мрачный Саади подхватил её на руки и, стремительно бросившись вперёд, исчез в дверях коттеджа.

***

Алиса, которой «повезло» с дежурством в новогоднюю ночь, уже на рассвете возвращалась из госпиталя. По дороге она заскочила в круглосуточный магазинчик, чтобы купить сигарет, но увы! Пользуясь праздничной вседозволенностью, студенты в одночасье смели всё курево с его полок, и тогда она решила заглянуть к Саре, надеясь стрелкнуть у неё пачку до следующего завоза.

Войдя в приоткрытую дверь, Алиса на всякий случай постучала и, не получив ответа, повернула было назад, но затем всё же вернулась, в надежде найти сигареты в кухне. Стараясь не шуметь, она включила свет над мойкой, и пошарила по полкам. Найдя искомое, она встала у кухонной двери и прислушалась. Чем-то ей не нравилась тишина в коттедже Сары. Для сна в новогоднюю ночь было ещё слишком рано, особенно для её разгульной подруги.

Крадучись, она подошла к слабо освещённой спальне и заглянула внутрь. Зрелище, представшее её глазам, было ужасным и в то же время завораживало драматичностью. Обнажённая Сара с отрубленной, но аккуратно приставленной на место головой лежала на широкой кровати, а Саади сидел у изголовья, на полу. Точёные черты мужественного лица, распущенные тёмные волосы и чёрная одежда делали его похожим на падшего ангела. Если бы не нож у руки, распоротый живот и пятна крови, то можно было бы подумать, что он спит. Правда, даже смерть не принесла ему успокоения и на его лице навечно застыло выражение гордости и страдания.

И хотя Алиса не сразу осознала, что Давид мёртв, увиденное её не удивило. Подспудно она ожидала такого развития событий.

Преисполненная печали, она подошла к Саади и, опустившись на колени, привычным жестом коснулась шеи. Гладкая кожа была ещё тёплой — жизнь совсем недавно покинула тело того, кого она любила. Неожиданно горе с такой силой её ударило, что она со стоном подалась вперёд и обняла Саади. «Любимый, что же ты нашёл в этой высокомерной шляхе? Ведь я так любила тебя! Так любила, что даже смерть от твоих рук приняла бы с радостью, но нет, всё только ей, одной!» Отстранившись, Алиса долго смотрела в прекрасное даже в смерти лицо Саади, а затем приникла к его губам прощальным поцелуем. Долго сдерживаемая страсть требовала выхода, и она нащупала пуговицы на блузке. «Прости! Хоть так, но я хочу, чтобы ты хоть раз прикоснулся ко мне...»

— Что, мисс, страдаешь некрофилией?

Резко обернувшись, Алиса с ужасом воззрилась на стоящего в дверях спальни незнакомца.

— Может, мисс не настолько упёртая и, хотя бы для разнообразия снисходит до живых? Например, в новогоднюю ночь, ведь это время чудес, — проговорил светловолосый коротко стриженный парень и не спеша направился к застывшей Алисе.

Перепуганная, она вскочила с пола и попыталась застегнуть блузку, но её пальцы дрожали так сильно, что она никак не могла попасть пуговицей в петельку и каждый раз натыкалась на ткань. Тогда она просто запахнула полы блузки и, обхватив себя руками, с растущей паникой воззрилась на приближающегося парня. В нём было нечто такое, что она была готова завизжать от страха, хотя была не трусливого десятка и многое повидала на

своём веку.

Подойдя к Алисе, парень наклонился и заглянул ей в лицо.

— Ты ничего, во всяком случае, при вечернем освещении. Ну что, мисс, как ты отнесёшься к тому, чтобы скрасить мне вечерок? Да ты не бойся! Я ничем не хуже твоего мертвяка, а в кое в чём даже лучше, чем он. Ведь его мотор уже заглох, а мой в рабочем состоянии, причём в ого-го каком! Хочешь убедиться? — предложил он без тени улыбки на лице.

— Убирайтесь! Что вам нужно? Зачем вы пришли? — выкрикнула Алиса пересохшими от волнения губами.

— Тупишь, лапуся? Кажется, я выразился предельно ясно, — парень глянул в сторону кровати. — Вообще-то, я пришёл к твоей шлюшке-подружке, но она, на мой взгляд, слишком холодна для постельных утех. В отличие от тебя, я не любитель мертвечины. Ну так что, мисс Алис, сама капитулируешь или понадобится шантаж?

Когда парень подошёл ближе, Алиса приободрилась. Он был очень молод и, судя по тому, что он ещё не успел примелькаться ей в их академической столовой, она сообщила, что он учится на первом курсе. Но стоило ему назвать её по имени, и она снова впала в панику.

Загнанная в угол, она подняла голову и с мольбой заглянула в прищуренные голубые глаза.

— Правильно, мисс Алис, — одобрил юный шантажист. — Репутация как стеклянный бокал, стоит уронить и всё, каюк. Обратного уже не соберёшь.

Он поднял руку и одну за другой начал выдёргивать шпильки из пышной причёски молодой женщины.

— Ух ты! — присвистнул он, когда масса светло-русых кудрявых волос обрушилась ей на грудь и спину и, отступив на шаг, оглядел Алису с головы до ног. — Дурак твой Саади. Если бы я выбирал между тобой и ныне окончательно безголовой Сарой, то уж точно предпочёл бы тебя.

— Вы неправильно меня поняли, — прошептала Алиса, находящаяся на грани обморока, и по её лицу покатались слёзы. — Я любила Давида.

— Если честно, то мне плевать на это, — парень швырнул её на кровать, рядом с мёртвой Сарой, и нетерпеливо рванул блузку на груди. — И всем этим пользуются только мертвяки? — шепнул он с ласковой усмешкой, когда она осталась в чём мать родила.

— Я не страдаю некрофилией! — сверкнула глазами Алиса.

— Тогда докажи! — выдохнул её нечаянный любовник и, приподнявшись, резким движением раздвинул ей ноги.

Когда всё закончилось и он, наконец, её отпустил, Алиса, оставшись только с мертвецами, вылезла из кровати и тщательно расправила сбившееся постельное бельё. После чего она уложила Сару в прежней позе и вернула на место её укатившуюся голову. Стараясь не смотреть в лицо мёртвого Саади, который свалился на бок во время забав юного охламона, она и ему постаралась придать прежний вид. Правда, у неё это плохо получилось. Костенеющий Саади никак не хотел принимать позу, преисполненную трагичности, в которой он сидел до прихода незваных гостей.

Окинув взглядом комнату, Алиса нашла, что та не слишком отличается от того, что было до её прихода. Затем она собрала свою одежду и, сложив её в пакет, направилась в ванную комнату. Отстирав кровь, она после этого стояла под ледяным душем до тех пор,

пока снаружи не закоченела точно также, как изнутри. Выйдя из ванной, она надела Сарины вещи и, собравшись с духом, вызвала дежурный патруль.

Допрос был коротким. Алиса подписала протокол и её отпустили. О первокурснике, который практически её изнасиловал, она не обмолвилась ни словом. Для этого ей пришлось бы выложить унижительные подробности о себе.

Вернувшись домой, она склонилась над унитазом. Когда в её желудке не осталось ничего, кроме рвотных позывов, она умылась и, упав ничком на кровать, разразилась бурными рыданиями.

***

На следующий день Алиса нервно вздрагивала, услышав, что к ней обращаются коллеги и служащие из госпитального персонала. Она всё ожидала, что с жадным любопытством глядя ей в лицо, сейчас кто-нибудь заведёт разговор о скабрёзных слухах, распускаемых в Академии. Но к концу смены в её душе проклюнулась робкая надежда. Никто не хихикал у неё за спиной и не заводил разговоров об отклонениях в психике некоторых докторов, свихнувшихся на почве одиночества. В общем, ей полегчало, когда она поняла, что парень держит язык за зубами и не болтает о том, чему был свидетелем в коттедже Сары.

После работы Алиса подождала пока её смена уйдёт и, выскочив на улицу, воровато оглянулась. Никто её не караулил и от внезапного облегчения у неё подкосились ноги. От одной только мысли о встрече с парнем, что шантажом принудил её к сексу, она начинала паниковать, причём настолько, что её основательно подташнивало.

По дороге домой она старалась ни о чём не думать, но память то и дело возвращала её в коттедж Сары и к тому, как она отдавалась незнакомцу, да ещё по соседству с мертвецами. Вот тогда ей хотелось прямо на месте провалиться сквозь землю.

За случившееся Алиса корила больше себя, чем мальчишку-первокурсника. «Если бы ты не струсила, то ничего бы не было, — говорила она себе. — Он всего лишь воспользовался моментом». Но от самоедства легче ей не становилось.

Помимо стыда её мучили опасения, что это ещё не конец. Она боялась преследования со стороны парня и вдобавок боялась его самого. Слишком уж холоден и циничен он был для своего возраста, и это не сулило ничего хорошего. Правда, он не был с ней жесток и уже за одно это она была ему благодарна. Поначалу Алиса никак не реагировала на умелые ласки парня, но он был настойчив, к тому же из марафонцев, и раз за разом доводил её до оргазма. Так что в плане секса ей пожаловаться было не на что. Будь обстановка менее ужасной, возможно, ей бы даже понравилось. Теперь же, вспоминая о своих столах и о том с какой готовностью она подчинялась мальчишке, Алиса была готова биться головой о стену.

Спохватившись, что слишком долго медлит, она понеслась домой, как будто стены могли защитить её от сплетен и преследования. Руки тряслись и ей не сразу удалось попасть в замочную скважину. Влетев в спасительную полутьму прихожей, она с облегчением прислонилась к входной двери, и в этот миг её обрётённое спокойствие разлетелось вдребезги.

— Эй, мисс Алис! Ну, сколько можно тебя ждать? — донесся из спальни ленивый голос. — Ты что, каждый день так долго копаешься на работе?.. О чёрт, проспал! Ну-ка быстро иди сюда! Через сорок минут кончается моя увольнительная.

Перепуганная до смерти Алиса прижала ладонь ко рту. Первым её порывом было позвать на помощь, но она передумала. Крадучись она зашла в кухню и, схватив нож со стола, спрятала его за спиной.

— О, вот уж не ждала! Как вы сюда попали, молодой человек? — поинтересовалась она, напустив на себя строгий вид.

Абсолютно голый парень, устроившийся на её постели, как у себя дома, бросил на неё внимательный взгляд и перетёк в полусидящее положение.

— Ножками, лапуся, ножками! — насмешливо отозвался он. — Не хочешь нежеланных гостей, закрывай окна. Правда, в моём случае это не поможет.

— Верно, вы — нежеланный гость, так что я попрошу вас уйти.

— Нет, мисс Алис, так легко ты от меня не отделаешься.

— Если вы и дальше собираетесь меня шантажировать, то у вас ничего не выйдет, — заявила Алиса и, заметив, что у неё дрожит голос, выкрикнула: — Сейчас же убирайтесь вон!

— Что ты там прячешь?

Не успела она моргнуть глазом, как парень оказался рядом, и она охнула от боли, когда он резким движением вывернул ей руку. Притиснув её к себе, он присвистнул.

— О! Да ты полна сюрпризов! Вот и верь после этого людям, что ты овца и фригидна, как пенёк.

С тонким пением лезвие ножа вонзилось в деревянную раму картины, которая висела за спиной парня, и тут до Алисы дошло, с кем она имеет дело. «Вот дура! — обругала она себя. — Могла бы догадаться по его причёске. Хотя не только эти отморозки носят короткие волосы». У неё засвербело в животе. Ситуация сложилась ещё хуже, чем она думала. Спецназовцы прославились в Академии за пределами физическими способностями и тягой к жестоким развлечениям. Несмотря на психологическую обработку, временами жёсткая дисциплина в их казармах летела к чёрту и тогда наступал хаос.

За годы работы в госпитале Алиса наслушалась массу историй о том, что вытворяла эта буйная публика, да и с последствиями их забав она была знакома не понаслышке. Особенно много пострадавших поступало на хирургию, когда в схватке сходились женские и мужские казармы спецназа. Большинство раненых составляли женщины, но и мужчинам иногда доставалось так, что Алиса буквально собирала их по частям, особенно часто ей приходилось пришивать кисти рук, но были и более трепетные для сильного пола потери. Возвращая на место отвлечённое от хозяев мужское достоинство, она, порой, возилась целые сутки. Правда, буйство спецназовцев никогда не выходило за пределы отведённого им кампуса. Ввиду их специальности руководство смотрело сквозь пальцы на их безобразия. Тщательно следили только за тем, чтобы не было тяжёлых случаев издевательств и увечий.

— Тупишь, доктор! Неужели только сейчас догадалась, что я из спецназа?

— Что?.. Да, — проямлила Алиса. — Вот такая я недогадливая.

Парень с возмущением глянул на её причёску, поддерживаемую многочисленными шпильками.

— Господи! Опять у тебя полная голова железа. В следующий раз я приду с магнитом.

— Не будет никакого следующего раза!

— Не сомневайся, будет.

Нужно было что-то делать и Алиса, ища способ сбежать, вспомнила об акупунктуре, но парень был настороже и, снова предугадав её намерение, схватил её за руки.

— Мисс Алис, мне это начинает надоедать, — предупредил он. — Сначала ты вознамерилась ударить меня ножом в сердце, а теперь пытаешься использовать шоу-сю. На грубость нарываешься, да?

Как это ни удивительно, но парень был прав в своих предположениях. Алиса всполошилась и попробовала проникнуть в его мысли, но его ментальный щит был ей не по зубам.

— Нет-нет! Вы ошибаетесь! Я взяла нож только для защиты! — запротестовала она, радуясь, что молодняк не умеет читать мысли.

— Лжешь, мисс Алис.

Сильные пальцы стиснули запястье молодой женщины так сильно, что она испугалась, что кость не выдержит и сломается.

— Умоляю вас! Завтра у меня операция, а регенерировать кости довольно долго!

— Ладно, уговорила. В конце концов, есть масса других способов наказать тебя за сучьи проделки.

Алиса заглянула в беспощадные голубые глаза своего мучителя и у неё подогнулись колени.

— Пожалуйста, не бейте меня слишком сильно, — пролепетала она, готовая рухнуть в обморок.

— Снова уговорила! — буркнул спецназовец. — Аж противно, до чего я нынче покладистый.

Видя, что он занёс руку для удара, Алиса поспешно зажмурилась.

— Не тяните! Давайте уж, быстрее бейте! — потребовала она, не выдержав ожидания.

Как назло, тут ей вспомнилось, в каком виде на хирургию поступали спецназовки и она заплакала.

— Вот дурочка! — сказал парень и его жёсткие ладони прошлись по щекам Алисы, вытирая её слёзы. — Не реви! Я же не твой придурок Саади, женщин не бью. Кстати, меня зовут Анжей.

— Очень приятно, а я Алиса Миллиган. Впрочем, вы и так это знаете, — всхлипнула она и, приободрившись, открыла глаза.

— Точно бить не будете? — осведомилась она и полезла в карман юбки за платком.

— Мамой клянусь! Кстати, а чего ты мне постоянно выкаешь? С Рыжим, значит, сразу на «ты», а я ведь даже не рыжий.

Улыбка преобразила Анжея, превратив его в нормального парня, и страх Алисы пошёл на убыль.

— Откуда вы... ты знаешь о нашем разговоре с Тьеном Моррисоном?

— Сорока на хвосте принесла.

— Всё-таки неправильно начинать с секса, даже не представившись друг другу, — вздохнула Алиса.

— Ты шутишь или серьёзно? — Анжей озадаченно посмотрел на неё. — Ну ты и старомодная штучка!

— Нужно смотреть с кем связываешься. Я и есть старомодная штучка.

— Old maid?[1] — усмехнулся Анжей. — Плевать!

— Ты хоть представляешь, какая пропасть лет нас разделяет?

— Ты же вампирка, а не человек и с годами не теряешь товарного вида.

— Товарный вид?.. Даже не знаю, оскорбиться на это бакалейное сравнение или принять его за комплимент...

— Хватит трепаться, мисс Алис! Времени в обрез, давай ближе к телу, — перебил её Анжей, видя, что она настроилась поболтать.

Пробормотав что-то неразборчивое себе под нос, он отбросил широкий лаковый пояс, стягивающий талию Алисы, и, расстегнув массу мелких пуговиц у ворота, потянул вверх полы её целомудренной блузки.

— Ты что, специально напялила эту чёртову прорву тряпок? — возмутился он, обнаружив под блузкой не бюстгальтер, а самый настоящий корсет, и его рука скользнула вниз. — Слава богу, хоть трусов верности не напялила.

— Не нравится, иди к своим подружкам-сверстницам, — парировала Алиса. — С их одеждой у тебя не будет проблем. Они и так почти голые.

— Что есть гуд! Быстро трахнулись, быстро разбежались, а с тобой с ума сойдёшь, пока разденешь, — фыркнул Анжей и потребовал: — Поцелуй меня!

— Что? — Алиса, которая ожидала вчерашнего повторения, с недоумением посмотрела на него.

Анжей наклонился к ней и его губы с неожиданной нежностью коснулись её губ. Отчего-то его целомудренное прикосновение вызвало такое смятение в душе Алисы, что она испуганно отпрянула.

— Ты чего? — удивился он и, не дождавшись ответа, впился в её губы уже совсем другим поцелуем.

Дальнейшее мало отличалось от того, что было в коттедже Сары, разве что парень действительно торопился. «Всё, мне пора!» — воскликнул он, посмотрев на жетонные часы, и бросился одеваться. Правда, было ещё одно отличие. Перед уходом он подошёл к Алисе и дунул ей в ухо. Это вызвало у неё волну сладострастной дрожи, которую она не сумела скрыть, и он, засмеявшись, поцеловал её на прощание — страстно и нежно. Когда Алиса открыла глаза, его уже не было. Она обняла подушку, на которой лежал Анжей, и, отстранившись, озадаченно на неё посмотрела. Затем она понюхала свои руки и, помимо здорового мужского мускуса, на неё снова пахло солнцем, цветами и мёдом.

Вытянувшись, Алиса прижала ладонь к груди. Сердце ещё не успокоилось и билось быстрыми неровными толчками. Пребывая в смятении, она закрыла глаза и её губы зашевелились, читая привычную с детства молитву.

Анжей вернулся на исходе ночи. Он потеснил её на кровати, и она без принуждения скользнула в его объятия. В нос ей ударил запах пота, пороховой гари, вонючих химикатов и свежей крови, но даже сквозь них она уловила исходящие от него едва уловимые ароматы весны.

— Hi, seemly old maiden![2] — пробормотал он и без промедления вошёл в неё.

— Ну что, согрелся, мистер храмовник? — поинтересовалась она, когда он с блаженным стоном улёгся рядом с ней.

— Спрашиваешь! Тренировка была на поверхности, а там чертовски холодно. Минус шестьдесят это тебе не шутки, — повернувшись на бок, Анжей с любопытством посмотрел Алису. — Чего это ты вспомнила храмовников? Боишься, что я запру тебя в башне, как этот недоумок Бриан де Буагильбер запер Ревекку?

— Почему же он недоумок? — спросила Алиса, приятно удивлённая тем, что он читает классику.

— Потому что нужно было не ныть Ревекке о своей любви, а лучше её трахать.

«Оба вы недоумки», — вздохнула Алиса.

— Кое в чём ты прав, — усмехнулась она и, оседлав его чресла, запечатала ладонью рот. — Ни слова! Ты достаточно на мне прокатился, теперь моя очередь.

— Эй! Только учти, что я живой в отличие от твоих мертвяков, — пробормотал Анжей и закрыл глаза.

Выдержал он только один раунд и спустя минуту уже крепко спал.

«Свинёнок!» — Алиса поцеловала своего юного любовника и укрыла его одеялом. Подперев голову рукой, она задумчиво глянула на спящего юношу. «Не такой уж ты и страшный, мой солнечный мальчик... и всё же, что-то такое в тебе есть, что лучше бы мне с тобой не связываться».

***

— Мисс Алис! Как ты можешь ходить в такой старомодной сбруе? Ты же выглядишь как институтка из девятнадцатого века! — возмутился Анжей поутру, обнаружив, что она вновь одета в пышную долгополую юбку и кофточку с воротником-стойкой.

— А я и есть институтка из девятнадцатого века.

Алиса воткнула в причёску последнюю шпильку и с невозмутимым видом задрала юбку. Из нижнего белья на ней были изумительные кружевные панталоны до колен, а поверх них было надето то, что современный мужчина видел лишь в кино и воочию в музее.

— Согласно твоему пожеланию, я надела пояс верности. Мой прапрадедущка велел его выковать для жены, перед тем как отправился в крестовый поход.

Поставив на стул ножку в белом шёлковом чулке, Алиса наклонила голову набок и кокетливо хлопнула ресницами. Анжей замер с полуоткрытым ртом, а затем согнулся от смеха. «Глупый мальчишка! — обиделась она. — А вот Адаму нравилось, как я одеваюсь. Этот подлец говорил мне, что я единственная из всех выгляжу как настоящая женщина, а не как резиновая кукла. Мол, женщина должна быть воздушной и бело-розовой, а сам изменил мне с девицей, мускулистой, как беговая лошадь, и чёрной, как головёшка».

---

[1]Old maid (англ.) — старая дева.

[2]Hi, seemly old maiden! (англ.) — Привет, прекрасная старая дева!

Синяя жемчужина

«Дорогой! — сказала принцесса, с сожалением глядя на великана. — Боюсь, что у нас с тобой ничего не выйдет, всё же размер имеет значение»

Антология вампирских сказок для взрослых

ГЛАВА 23. С любимыми не расставайтесь! Лучше поздно, чем никогда

После окончания инспекторской поездки в Антверпен Палевский при некотором размышлении решил заночевать дома, а не в отеле. Час был поздний, Мари уже спала, а Рени он обнаружил в супружеской спальне. Облачённая в пеньюар она сидела у трюмо и снимала макияж. Подойдя ближе, он наклонился, чтобы её поцеловать, и растерянный взгляд, которым она встретила его появление, несколько его озадачил. Будь Палевский менее уверен в жене, то заподозрил бы, что она ему изменяет и своим неурочным появлением он нарушил её планы. И всё же, даже зная, что это чушь, он не мог отделаться от неприятного чувства. Правда, искренняя радость Рени погасила внезапную ревность, но ощущение, что она что-то скрывает, никуда не делось.

Когда они приняли душ и лежали в кровати, Рени, прежде чем пожелать ему спокойной ночи, коснулась его губ лёгким поцелуем, а затем смерила долгим любящим взглядом.

Палевский, в свою очередь, взгляделся в её осунувшееся личико и у него защемило сердце.

— Кошка, как ты себя чувствуешь?

— Нормально, моя любовь, — последовал беззаботный ответ, но во взгляде Рени было нечто такое, отчего ему стало не по себе.

Внезапная догадка заставила его резко сесть. Не давая Рени удрать, он схватил её за плечи и запустил исследовательский щуп в её ментальное поле.

— Нет! — вскрикнул он и в гнев оттолкнул её от себя.

— Не злись, мой ангел, — примирительно проговорила Рени. — Да, я это сделала. Прости. Теперь твоя очередь инициировать Аннабель.

— Что ты наделала, глупая Кошка! Ведь знаешь, что инициация ускорит распад клеток! — горестно воскликнул Палевский. — Господи! Все труды насмарку! — он схватился за голову и с ожесточением рванул себя за волосы. — Рени, я же просил тебя подождать! Ну, почему ты вечно не слушаешь меня и делаешь всё по-своему?!

— Нет смысла оправдываться, что сделано, то сделано, — потупилась она, пряча от мужа заблестевшие глаза. — Прости, мой ангел.

— Ну, нет! Будь ты проклята! — намереваясь уйти, Палевский резко отстранился, но во взгляде жены светилась такая огромная и незащищенная в своей уязвимости любовь, что он передумал и обречённо поник.

— Всё-всё, успокойся! Поверь, мой ангел, я не хотела тебя расстроить.

Рени прижалась щекой к щеке мужа, а затем заглянула в его отливающие золотом глаза — так бывало, когда он выходил из себя.

— Дорогой, я это сделала не ради Аннабель, точнее, не только ради неё... Я знаю, что скоро умру. Будь хоть капля надежды, я бы не посмела ослушаться твоих указаний, — лихорадочно прошептала она и зорко глянула в страдающее лицо мужа.

Чем-то он выдал себя, и она понимающе кивнула.

— Вот видишь, я права, мои дни сочтены.

— Неправда! — вскинулся Палевский. — В запасе ещё было время, а ты взяла и пустила все мои труды псу под хвост, — расстроенно сказал он и обнял Рени. — Кошка, я же как проклятый работал дни и ночи. Я обязательно нашёл бы лекарство. Ты меня знаешь, я никогда не сдаюсь. Клянусь, я бы сделал для тебя всё возможное и невозможное.

— Знаю, любимый! Ты всё можешь, но ты не господь бог, так что нет смысла мучить себя. Лекарство, даже если оно существует, мне уже не поможет. А раз так, то я больше не позволю ему отнимать у нас драгоценное время. Правду говорят, что время как песок: утекает тем быстрее, чем сильнее сжимаешь пальцы, — сказала Рени и в её голосе впервые прорвалась тоскливые нотки.

От этого Палевскому стало совсем плохо. «Так тебе и надо! — с ожесточением сказал он себе. — Дурак! Думал, что можешь пользоваться её любовью и ничего не давать взамен? Так получи теперь!.. Рано или поздно, но по счетам всё равно приходится платить». Он ещё крепче прижал к себе жену и беззвучно всхлипнул. «Милостивый Иисусе! За что? Как теперь жить, зная, что она скоро умрёт? Господи, прошу Тебя, будь милостив! Разве Эльжбеты Тебе недостаточно? Пожалуйста, не отнимай у меня ещё и Кошку!»

Монументальная корка треснула и Михаэль, вырвавшись на волю, заплакал, уже не скрываясь.

Изумлённая Рени тихо ахнула. Растроганная до глубины души она провела ладонью по обнажённой спине и распущенным волосам мужа. Волнистые пряди медового цвета, шелковистые и мягкие, слегка пружинили под её пальцами и это доставляло ей чувственное удовольствие. Прошло полвека, но она по-прежнему страстно любила мужа хотя он платил ей лишь ровной привязанностью.

— Поплачь, мой ангел, и прости за причинённую боль. Не прячь своих слёз, в них нет ничего постыдного.

— Я и не прячу.

Выпрямившись, Палевский поднял голову и сердце Рени затопила щемящая нежность: такого подарка она не ожидала. «Вот теперь можно смело умирать, — подумала она и, исполненная признательности, поцеловала мужа. — Осталось доделать лишь одно дельце...»

— Любовь моя, ведь ты позаботишься о девочке? — спросила она с замиранием сердца.

— Само собой, — отозвался Палевский, с недоумением глядя на жену, до него не сразу дошло, о ком она ведёт речь.

— Мой ангел, я говорю об Аннабель.

— Нет! — с яростью воскликнул он. — Знал бы, к чему это приведёт, убил бы сразу мерзкое отродье!

Палевский дернулся было уйти, но Рени, опасаясь за девочку, с недюжинной силой прижала его к кровати.

— Тихо-тихо, мой хороший!.. Однако ж! Какой ты у меня сегодня нервный! — воскликнула она со смешком, и чтобы успокоить мужа прибегла к безотказному средству.

Когда секс привёл его в более или менее благодушное настроение, она рискнула вновь поднять тему инициации Аннабель.

— Послушай, Мика, давай ты не будешь горячиться и включишь свою хвалёную логику. Сам подумай, причём здесь девочка? Это я так решила и не вздумай всё испортить, — Рени прильнула долгим поцелуем к губам все ещё сердитого мужа, и вновь принялась за

уговоры. — Пойми, упрямец, девочка — это мой прощальный подарок именно тебе.

— К дьяволу такой подарок!

— Сердце моё, прошу, инициируй девочку.

— Не хочу! Видеть её не могу!

— Не говори так! Может это себялюбиво, но, уходя, я хочу оставить о себе ещё одну частичку памяти.

Палевский ещё немного поворчал, прежде чем капитулировать, и обрадованная Рени вознаградила его нежным поцелуем. Когда его дыхание снова участилось, она покачала головой и осторожно отстранилась.

— Подожди, мой ангел! Я хочу поговорить с тобой ещё кое о чём.

— К дьяволу! Больше ни слова о девочке, если не хочешь, чтобы я передумал! — возмутился было Палевский, но странное выражение на лице жены, заставило его насторожиться. — Матка боска! Что ещё? — спросил он с недовольной миной.

— Мы с тобой уже говорили об этом... — Рени собралась с духом. — Думаю, мне пора. В общем, я ухожу в поиск.

— Что?! — Палевский взвился как ужаленный. — Ты снова о своей бредовой идее? Даже не думай! Я никуда тебя не пушу!

— Мика! — терпеливо позвала Рени, но он её не слушал.

— Замолчи! Если ты забыла, то хочу напомнить, что у тебя есть дом и любящая семья! А ты хочешь сгинуть неизвестно где, как подзаборная кошка? — с гневом выкрикнул он и, ударив когтями по подушке, сбросил её на пол.

— Да, хочу! — повысила голос Рени и виновато улыбнулась. — Прости, мой ангел! Я понимаю твоё расстройство...

— Нет, не понимаешь! — рявкнул Палевский. — Думаешь, я железный? Так вот ты ошибаешься! Я тоже человек и мне больно! — из его горла вырвался сдавленный рык. — Понимаешь, очень больно, когда моя женщина умирает у меня на глазах, а я ничего не могу сделать! Мало того, она не желает принимать мою заботу и бежит из дома!

Уже пожалев, что заговорила о своём уходе, Рени попыталась обнять мужа, но он с непримиримым видом уклонился от её рук.

— Не тронь меня!

— Всё-всё, только успокойся.

— Хорошо тебе говорить: «успокойся!», — с горечью воскликнул Палевский. — А сама, на моём месте, что бы сейчас делала?

— Рвала и метала, — призналась Рени, — но я...

— Да знаю я всё, что ты скажешь! Ты не любишь кладбища и похоронные процессии. А кто их любит? Это просто дань традиции и возможность для друзей проститься с тем, кого они любили или уважали.

— Верно, — тихо уронила Рени. — Но также ты знаешь, что в моём случае это превратится в помпезную и насквозь фальшивую церемонию, а я этого не хочу.

Черноволосая красавица, действительно чем-то похожая на изящную породистую кошку, выпрямилась и с королевским величием посмотрела на мужа.

— Прости, мой ангел, но здесь ты не властен, — по-прежнему ласково, но твёрдо сказала Рени. — Если ты хоть капельку меня любишь, то не будешь препятствовать и дашь мне умереть так, как я хочу, — снижая накал эмоций, она улыбнулась мужу и, протянув руку, попыталась разладить хмурые складки, залегшие на его лице. — Забыл, что я кошка? Смерть

для нас — это таинство, не терпящее суеты. Так что смирись! Тем более что я не собираюсь уходить прямо сейчас. В конце концов, у меня на работе масса незавершённых проектов, которые я не могу бросить просто так. Ну а главное, я должна убедиться, что ты не натворишь глупостей. Да и за Мари нужно присмотреть. Когда она выйдет на работу, представляю, какой поднимется кипиш. Если Томас взбеленится из-за её выходов, нужно будет поддержать девочку.

— Лучше бы ты Томаса пожалела, — буркнул Палевский.

— Ну это как получится, — улыбнулась Рени, — но кого-то из них совершенно точно придётся утешать.

Они замолчали и в спальне повисла тишина, которую нарушал лишь мерный стук маятника старинного напольного брегета.

Первым не выдержал Палевский и порывисто обнял жену.

— Кошка, пожалуйста, не уходи, пока я окончательно не выясню, что тебе нельзя помочь, хорошо?

— Хорошо, мой ангел. Я сделаю, как ты просишь.

— Ну?.. И это всё?

Гроза вампирской нации смотрел на неё с такой трогательной незащищённостью, что Рени чуть было не дрогнула. И хотя взгляд мужа молил её отказаться от ухода из дома, она отрицательно покачала головой.

— Всё же уйдёшь? — угрюмо спросил Палевский.

Рени кивнула и между ними вновь выросла невидимая стена.

Лёжа с закрытыми глазами, Палевский раз за разом прокручивал в голове разговор с женой и со страхом думал, что будет, когда её не станет. «Ненавижу! Почему женщинам мало секса, и они всеми правдами и неправдами норовят залезть тебе в душу и сердце? А затем, уходя, рвут их, да так, что хоть волком вой!..»

— Милый, ты злишься как ребёнок, ища виноватого там, где его нет. И я не лезла к тебе в душу и сердце, — сонно пробормотала Рени. — Так что нечего обругивать меня или, будь милостив, сделай так, чтобы я не слышала твои мысли.

— Это ещё зачем? — фыркнул Палевский — Сама же ругалась, когда я их закрывал.

— Ты же знаешь, мой девиз: «Доверяй, но проверяй!», — миролюбиво отозвалась Рени и ещё тесней прижалась к мужу. — Слушай, мне до сих пор любопытно, почему ты с ходу женился на мне? Может, перестанешь уже шифроваться и расскажешь, как оно было на самом деле? Хотя уверена, что сработало самолюбие...

— Не говори ерунды! Как будто никто до тебя не строил из себя недотрогу, стремясь привлечь моё внимание.

— Тогда что?

Палевский с любопытством посмотрел на жену.

— А сама не догадываешься? — усмехнулся он.

— Не хочу гадать, сам скажи! — потребовала Рени и Палевский, видя, что она не отстанет, наконец решился:

— После случая с Эльжбетой, я первое время ненавидел женщин — всех, без исключения. Тех, кто тогда осмеливался сунуться ко мне, можно было только пожалеть. Прозрение пришло, когда одна молодая дуручка покончила с собой из-за неразделённой любви...

— Господи! Только не говори, что она была похожа на меня! — воскликнула Рени, не

спуская с мужа заинтересованного взгляда.

— А как бы ты поступила на её месте? — пряча улыбку, осведомился Палевский.

— Прости, милый, но я не настолько глупа, — вздохнула Рени. — Иначе, живя с тобой, я бы уже давно повесилась.

— Глупая ты, Кошка!

— Что-то я не понимаю. Таким образом ты намекаешь, что был с самого начала равнодушен ко мне или на то, что я должна была повеситься, чтобы доказать тебе свою любовь?

— Милая, не глупи! Думаешь, я стал бы терпеть твои выходки, если бы ничего не чувствовал к тебе? Бывало, устанешь как собака собачья, придёшь домой, в надежде отдохнуть, а там ты с грандиозным скандалом из-за очередного слуха о моей очередной любовнице.

— Прости, — вздохнула Рени. — Это я любя.

— Вот и я терпел по той же причине, — скептический взгляд жены обидел Палевского, и он повернулся к ней спиной. — Кошка, хотя бы сделай вид, что веришь, ведь я пытаюсь признаться тебе в любви, — сказал он с досадой.

К счастью, живущий в нём романтический мальчишка по имени Михаэль вновь вырвался на волю и нашёл нужные слова, чтобы убедить любимую женщину, что это не жалость, а истинные чувства. «Прости, родная, что за столько времени я не нашёл в себе мужества сказать, как сильно я тебя люблю!» — с раскаянием воскликнул он в конце своей несколько путанной речи, и Рени с трудом подавила желание как следует стукнуть его. Поцеловав мужа, она вытянулась на кровати и закрыла глаза.

— Кошка, ты что, злишься? — расстроился Палевский.

— Сложно сказать, — не сразу отозвалась Рени. — Я рада и в тоже время, как вспомню, сколько испортила себе крови и нервов, гадая безразлична я тебе или нет... но, как говорится, лучше поздно, чем никогда... И всё же, основное это сумасшедшая радость. Спасибо, родной, за этот последний бесценный подарок.

— Почему же последний, глупая ты преглупая Кошка? — спросил Михаэль и, не удержавшись, тоскливо выдохнул: — Господи, как же мне жить без тебя?

— Долго и счастливо! Только так и не иначе, — твёрдо сказала Рени и от взгляда её немигающих чёрных глаз, глядящих в нечто, открытое только ей, по спине Палевского пробежал суеверный озноб.

***

Наутро Мари, спустившись в столовую, смерила родителей внимательным взглядом и расплылась в ехидной улыбке.

— О! Какие вы все из себя сияющие! Не иначе кто-то сегодняшней ночью хорошо порезвился в кровати, — заметила она, опустившись на своё место.

Палевский и Рени переглянулись, а затем с дружным вздохом отвесили ей ментальную оплеуху. Правда, на этот раз её не лишили кофе, что вызвало у Мари некоторое недоумение, но она списала это на хорошее настроение родителей.

Когда завтрак закончился, и девушка убежала к друзьям, Палевский и Рени поднялись к Аннабель. Девочка сидела за компьютером; сеанс онлайн-связи с преподавателем закончился, и она с прилежанием отличницы трудилась над домашним заданием. При виде хозяина дома она вспыхнула и, вскочив из-за стола, крепко сцепила ладошки.

«Не бойся, детка! Всё будет хорошо», — сказала Рени, увидев, что девочка чуть ли не до

обморока испугалась, когда Палевский приказал ей подойти к нему. Когда он пропорол вену и Аннабель всё же упала в обморок, но уже по причине потери большого объёма крови, Рени нахмурилась и тронула его за руку. «Дорогой, поторопись!»

Палевский смерил её долгим взглядом. «Обещай, что не уйдёшь из дома», — потребовал он. Но Рени была не из тех, кто поддаётся на шантаж. «Что ж, тогда я уйду вместе с ней, терять-то мне особо нечего», — резко сказала она и полоснула себя когтём по запястью.

«С ума сошла?! Ты что творишь?» — Палевский в то же мгновение оказался рядом с женой и перевязал ей руку. — «А ты что творишь? Мы так не договаривались», — процедила разозлённая Рени. «Кошка, успокойся! Я держу слово, — Палевский вздохнул, — но было бы грех не воспользоваться представившейся возможностью».

После инициации девочки, заключающейся в возврате ей забранной крови, но уже обогащённой симбионтами обоих вампирских родителей, Рени облегчённо выдохнула и незаметно для Палевского перекрестилась. И правда, на этот раз победа досталась ей нелегко. Почувствовав сильнейшее головокружение, она схватилась за спинку стула и, сев за компьютер, сделала вид, что просматривает работу Аннабель. Но обман не удался, Палевский сразу же подошёл к ней и без лишних слов взял на руки. Когда они поднялись на крышу, там уже ожидала авиетка, которая доставила их в головной институт генетики. Пока они летели, Рени то и дело поглядывала на профиль мужа. Сердитый, он молчал, и она по привычке первой сделала шаг к примирению. Когда после небольшой перепалки он обнял её, Рени закрыла глаза и только тогда позволила себе погрузиться в беспамятство. Очнувшись уже в институте, первым кого она увидела это был опять же он.

Не выпуская её руки, Палевский спал в кресле рядом с её кроватью и Рени с замиранием сердца долго смотрела в прекрасное лицо того, кого не переставала любить все годы своего непростого замужества. Когда Эльза Тероян, её близкая подруга, спросила на что похожа жизнь с королём вампиров, она ответила, что это похоже на поездку по горному серпантину, причём в машине без тормозов. Тогда они обе засмеялись, а сейчас Рени подумала, что так оно и было, а ещё она подумала, что вряд ли что-нибудь кардинально изменилось бы, признайся он ей раньше в любви. «Разве что ему доставалось бы меньше скандалов из-за женщин», — усмехнулась она.

— Просто мне нравилось, что ты ревнуешь меня, оттого и не признавался, — сказал Палевский и, разжав пальцы, сладко потянулся.

— Ври больше! — проворчала Рени. — Придумал сказку мне в утешение и думает, что я поверю.

— Зачем мне что-либо придумывать, когда я точно знаю, что люблю тебя, — возразил Палевский и, склонившись, привлёк жену к себе. — С возвращением, милая!.. — тихо сказал он и, отстранившись, поспешно отвернулся, делая вид, что смотрит на показания приборов.

Рени молчала, не делая попытки его утешить, хотя он ощущал на себе взгляд её немигающих чёрных глаз. Как и положено настоящей кошке, его Кошка так и осталась для него загадкой. И хотя Палевский вроде бы знал её как облупленную, но бывали моменты, когда он не мог понять, о чём она думает, например, как сейчас. Впрочем, этому незнанию мыслей жены было ещё одно объяснение, о котором он старался не думать, — ведь оно превращало ложь в правду и это было горше всего. Тогда выходило, что он обманывает самого себя.

ГЛАВА 24. Люди встречаются, люди влюбляются, но вот женятся ли?

— Проходите-проходите, не стесняйтесь, дома только мы с мышонком! Идите в

гостиную, а я быстренько смою шампунь с головы и сразу же присоединюсь к вашей тусовке, — сказала Мари, подслеповато щурясь. Она вышла к гостям завернутая только в одно полотенце и с мыльной шапкой волос на голове.

Иван с Соней, понимающе переглянулись, видя, что Ник Реази, пришедший вместе с ними, не сводит глаз с девушки. Правда, о чём он думает при этом было сложно судить по его лицу, но то, что он далёк от восторга, это было ясно как божий день.

— Машка, имей совесть! Что ты вводишь мужиков в искушение? Порядочные девушки не встречают гостей в таком виде, — решил Иван приструнить приятельницу.

— Так-то порядочные! А я-то здесь причём? У них, наверное, и гости порядочные и не шляются по домам без приглашения. А вы, если припёрлись без спроса, то нечего привередничать. Некоторые товарищи почли бы за счастье, что могут лицезреть хозяйку дома в натуральном виде. Идите куда сказано, а я сейчас буду. О, чёрт-чёрт! — со стоном воскликнула Мари, когда потекший шампунь попал ей в глаза, и бросилась в душевую, ловя на ходу развернувшееся полотенце.

Компания направилась в сторону гостиной по довольно длинному коридору и оказались в светлой нарядной комнате, интерьер которой был выдержан в классическом стиле дворцов конца 17 века, но без особых излишеств в лепнине и позолоте. В центре потолка висела хрустальная каскадная люстра, низко нависая над обеденным столом, инкрустированного деревом. Соня сразу же направилась туда, где у камина стояла традиционная тройка мягкой мебели — причудливый диван и пара кресел, выполненных в старинном стиле и обтянутых шелковой тканью с красивым цветочным рисунком. Молодые люди расселись уже привычным способом: Иван и Ник сели в кресла, а Соня пока ещё в одиночестве расположилась на диване.

Спустя некоторое время в комнату вошла очаровательная девочка лет двенадцати. Тоненькая, большеглазая, с копной тёмно-рыжих кудрявых волос она в своём эксклюзивном наряде походила на сказочного эльфа. Девочка сделала несколько шагов и застыла на месте, с восторгом глядя на гостей.

Ник Реази с недоумением воззрился на неё, не понимая в чём дело и Иван, видя это, вновь задался вопросом, кто же он такой. Гость из клана Ягуара был скрытен, но его выдавала реакция на такие вот всем известные вещи. Соня быстро глянула сначала на одного, затем на другого и с улыбкой заметила:

— Ник, ты забыл, какое мы производим впечатление на людей без экранирующего поля? Удивительно, что она ещё не привыкла, живя в вампирской семье.

— Ха! Имея дома такой образчик кошмара, как Машка, это совсем не удивительно. Удивительно, что ребёнок ещё не прячется от нас под диваном, — поддержал Иван любимую девушку, хотя его задело, что она поспешила на выручку его бывшему сопернику.

Переместившись, он сел рядом с Соней и по-собственнически обнял за плечи, не обращая внимания на её неодобрительный взгляд.

— Это да, она ужасна, — отозвался Ник. — Выглядит так, что хоть сейчас на улицу, к этим... — он наморщил лоб. — Как будет по-русски клошар?

— Бомж, — подсказал Иван.

— Да, хоть сейчас к этому мусору на социальном дне.

— Вообще-то я не внешность имел в виду, — заметил Иван с ухмылкой.

— Неправда, Мариэль очень добрая и красивая! — неожиданно подала голос девочка и, смутившись, густо покраснела. — Хотите, я принесу вам поесть? — чуть слышно

предложила она.

И тут Ник Реази снова их удивил. Привычное высокомерие исчезло с его лица, и он с приветливым выражением похлопал по подлокотнику кресла.

— Ничего не нужно. Подойди ко мне.

Девочка подбежала к Нику, и он посадил её себе на колени.

— Как тебя зовут, малышка? — ласково спросил он.

— Аннабель, — ответила девочка и, искоса глянув на него, вспыхнула как маков цвет.

— Красивое имя, — одобрил Ник. — Ты учишься?

— Да... мама Рени водит меня в школу.

— Ну и как твои успехи?

— Плохо по математике, — созналась Аннабель и опустила голову.

— Не расстраивайся, котёнок! В математике главное это твёрдо усвоить основы. Если хочешь, я тебе помогу.

— Правда? — просияла девочка.

— Слово райделина, — улыбнулся Ник и Аннабель, засмутившись, убежала от него к Соне.

«Слово райделина? — тут же подметил Иван. — Интересно, что это за зверь такой, этот райделин, и с чем его едят?» Заметив, что Соня с благосклонностью посматривает на Ника, он склонился к её уху и громким шепотом сказал:

— Беккер, успокойся! Ты не завербуешь Реази в ряды пацифистов, поверь мне. Может, он неплохо относится к человеческим детёнышам, а вот взрослых особей он ни во что не ставит. Я сам видел, как он спокойно убил подвыпившего парня лишь за то, что тот его толкнул, а затем прикончил всю его компанию, когда они набросились на него. Интересно, почему ему всё сошло с рук? Ведь он устроил бойню среди бела дня и вдобавок в людном месте.

— Потому что у меня есть индульгенция, подписанная шефом СБ.

Ник положил «Popular Mechanics», и потянулся за свежим номером «Scientific American», лежащим на журнальном столике.

— А! Тогда это всё объясняет. За исключением снисходительности самого шефа СБ, — сказал Иван, впечатлённый скоростью, с которой он читает.

Он не сомневался, что Реази именно читает, а не просто красуется, пролистывая страницы. Он сам пользовался такой же техникой скорочтения.

— Просто Штейн не смог мне отказать, — ответил Ник, не отрывая глаз от журнальной полосы.

— Вот именно! Кто любит детей, тот не может быть плохим человеком, — не слишком вразумительно воскликнула Соня и, чтобы больше не раздражать своего ревнивого рыцаря, переключилась на девочку, которая, робко поглядывая на неё, сидела на краешке дивана.

Лишь самую малость играя на публику — девочка ей на самом деле нравилась — она привлекла её к себе и с нежностью поцеловала в щёчку.

— Мне бы такого феникса! Аннабель, ты просто прелесть. Хорошо, что ты вышла к нам, а не дичишься, как обычно. Да, можешь звать меня Соней, а это дядя Иван, — она проследила за взглядом девочки и усмехнулась, когда та спряталась за неё, заметив, что Ник смотрит на них. — Не тушуйся, малышка! Дядя Ник у нас из тех, кто производит незабываемое впечатление на всех женщин, за исключением твоей сестры, которая не поддаётся его чарам исключительно по причине дурновкусия.

— Так уж и незабываемое? — спросила Мари, вышедшая наконец к гостям.

Соня глянула на подругу, босую взлохмаченную, одетую в короткий чёрный топ и драные джинсы, пестрящие незапланированными дизайном дырами, и возвела очи горе.

— Господи! Ты что на себя нацепила? — не удержалась она от возгласа.

— Но-но! — Мари выразительно глянула в сторону хмурого Ивана, которому явно не нравились похвалы в адрес Ника, причём настолько, что он отсел подальше от Сони. — Мы о чём договорились? Месяц, к твоему сведению, ещё не кончился.

— Неужели? — Соня наморщила лоб, шевеля губами. — Прости! Я всего лишь хотела сказать, что у тебя очень оригинальный вкус, который дано понять немногим.

— Кто бы сомневался, что именно это ты и хотела сказать, — Мари плюхнулась рядом с Аннабель и с ревнивым видом дёрнула девочку к себе. — И вообще, Беккер, руки прочь от нашего добра! Своего феникса тискай, а нашего не тронь.

— Так говоришь, будто я собираюсь украсть её у вас, — сердито сказала Соня.

— Нет, вы только посмотрите, она ещё и обижается! — возмутилась Мари. — Друзья называются! Стоит только выйти за дверь, как тут же все косточки перемоют. И вкуса-то у меня нет, и выгляжу я так, что только фениксов пугать. Ну погоди, Ладожский! Ладно, Сонька гадости говорит, я уже привыкла, но ты-то предатель, подпевала несчастный. Всё! Больше не смей с ней встречаться. Она тебя портит.

— Не могу, положение обязывает, — отозвался Иван. — Она моя дама сердца.

— А я уже для тебя никто? — с угрозой в голосе сказала Мари. — Ну-ка, Ладожский скажи, да всю правду доложи, я ль на свете всех милее... Чёрт! Опять меня куда-то не туда понесло. А всё ты со своими присказками!.. Э, на чём я остановилась? Ах да! Правда что ли что я так плохо одеваюсь, как Сонька постоянно триндит?

После её вопроса Ник и Иван оценивающе посмотрели на девушек и, судя по их лицам, пришли к неутешительным для Мари выводам.

— Так, значит? — фыркнула она и, встав напротив, придирчиво оглядела подругу.

Одетая в нарядное летнее платье и широкополую шляпку, Соня выглядела очень хорошенькой. И даже больше: ровный апельсиновый загар, искусный макияж и продуманность в каждой мелочи туалета, создающие ощущение общей ухоженности, делали девушку неотразимой даже в глазах Мари. «Что уж говорить про мужчин», — вздохнула она и впервые задумалась, как они воспринимают её саму.

«Как беглую рабыню-оборванку, которой не помешала бы хозяйская *критка*», — услышала она чей-то мысленный голос.

— Что? — встрепелась девушка.

— Ничего, — Соня укоризненно покачала головой. — Опять витаешь в облаках? Забудь хоть ненадолго о своей проклятой математике.

Приободрённая поддержкой парней, она перешла в наступление.

— Зай, не понимаю твоего возмущения. Видела бы ты себя со стороны. Ужас! Бедняжку Каталану, нашу преподавательницу по этике и манерам, хватил бы удар, сподобься она увидеть тебя в таком виде.

— Чур, меня! Нашла кого вспомнить! — воскликнула Мари. — Распроклятая воображала столько крови мне испортила, что до сих пор, как вспомню, так вздрогну. Зачёт по этике пришлось вымалывать у этой расфуфыренной дуры чуть ли не на коленях.

— Без меня ты бы его вообще не сдала.

— Твоя правда, — признала Мари.

Она подскочила к зеркалу и, изучив своё отражение в разнообразных позах, озадаченно хмыкнула.

— Хоть убейте, не понимаю, чем плох мой прикид. Конечно, скромненько, но не лишено вкуса... Так! Чего ржём? Вам здесь не конюшня, — Мари уперла руки в боки. — Ладожский, я сказала что-то смешное? А по башке хочешь?

Аннабель, которая сидела тихо, как мышка, не удержалась и, хихикнув, зажала рот ладошкой. Иван, которого рассмешили клоунские гримасы приятельницы, замотал головой — нет, мол, не хочу. И тут в поле его зрения попал Ник. Он смотрел на девушку так, будто был готов её придушить, причём на полном серьёзе. «И чего злится? Подумаешь, девчонка не умеет одеваться. Зато таких красавиц, как Машка, поди ещё поищи. Разве что Беккер может составить ей конкуренцию», — подумал юноша, и с гордостью посмотрел на Соню.

Перехватив его взгляд, Мари тоже посмотрела на подругу.

— Интересно, почему стоит только вырядиться в дурацкие тряпки, как все вокруг уже чуть ли не рыдают: «Ах, какая красавица»! Ой!.. Ой-ой! Беккер, не злись, ты красавица и любом виде, а это была чёрная зависть!.. Мир!.. Ой-ой!.. Хватит щипаться, я осознала свою вину! Честное слово, я больше не буду!.. Ой!.. Сонька, положи подушку! Ты испортишь мне причёску!

— У тебя её не существует!

— Неправда! Есть волосы, значит есть причёска!

Смеющаяся Мари стремительно подлетела к подруге и, отобрав подушку, окончательно обезоружила её тем, что чмокнула в щеку.

— Ладно, живи, — сдалась Соня и вновь с видом аристократки уселась на диван.

Если она думала, что на этом всё, то она ошибалась: Мари была не из тех, кто умеет вовремя остановиться.

— Слушай, Беккер, а чего ты нацепила дурацкую шляпу? Собралась на очередное свидание?

— Мари!

— Я за неё!.. О! — Мари перехватила взгляд подруги, брошенный ею на Ивана, и протяжно свистнула. — Неужели свершилось? Поздравляю, наконец-то вы переспали!

— Мари! — рявкнули в голос все трое.

— Блин! Так недолго описаться! Чего вы хором орёте на меня?

— Да потому что ты распушенная наглая *криа*! — заявил Ник и швырнул журнал на стол.

Аннабель вскрикнула, испугавшись его резкого голоса, и он сразу же замолчал.

— Извините, — буркнул он и, поднявшись, вышел из гостиной.

— Слушайте, чего он такой нервный? — понизив голос, спросила Мари.

— Думаю, это всё от него, — сказал Иван многозначительным тоном.

— От кого, от него?

— От недостатка секса.

На лицах девушек появилось недоверчивое выражение.

— Это у Реази, да недотрах? Быть не может! — озвучила Мари их общую мысль.

Соня посмотрела на любопытную мордашку девочки и взяла её за руку.

— Идём, Аннабель, а то ты сейчас такого наслушаешься, что у тебя уши завянут.

В отсутствие подруги Мари всё же допросила Ивана. Когда он признался, что они договорились пожениться, она радостно захлопала в ладоши.

— Мика так и сказал, что вы скоро поженитесь!

— А он говорил ещё что-нибудь насчёт Сони? — насторожился Иван.

— Нет, — успокоила его Мари. — Он сказал, что Макс Беккер сам разберётся и оставил Соньке только то наказание, о котором сказал в парке.

— Слава богу!

Обрадованный юноша сгрёб Мари в охапку и закружил её по комнате. Естественно, именно в этот момент вернулись Соня и Ник.

Если с любимой девушкой Ивану было всё понятно, то реакция Реази опять поставила его в тупик. Будь он на его месте, то вряд ли отнёсся бы так спокойно к тому, что увидел. Ну а в том, что Ник жуткий собственник, у него не было ни малейших сомнений.

Правда, возникшую было напряжённость между влюблёнными развеяла всё та же Мари. Повалившись на диван, она захохотала.

— Ой, я не могу! Свершилось чудо! Аллилуйя! Трубите райские трубы, возвещайте осанну! Шесть лет эти поганцы выносили мне мозг, а стоило Мике прикрикнуть на них и вот они враз нашли общий язык, — проговорила она сквозь смех.

Иван обнял Соню, рвущуюся поколотить свою бестактную подругу.

— Спокойно, Беккер! Оставь это дело мне. Клянусь, она сполна заплатит за свои слова...

— Хватит! — неожиданно перебил его Ник. — Вы тут устроили цирк, а про дело так никто не сказал.

— Дело? — удивилась Мари. — Ну, что тянете? Говорите, что за дело.

Иван глянул на Ника, который с таким видом, будто это его больше не касается, снова взялся за журналы.

— У Реази приказ из штаба. Нас включили в патрули по поиску ментальников и потенциальных фениксов.

Мари вздохнула.

— Ну вот, не успеешь расслабиться на каникулах, как уже норовят всучить работу.

— Радуйся, что нам достались дневные, а не ночные патрули, — отозвался Иван. — В общем, с четырнадцати до двадцати двух, начиная с сегодняшнего дня, у нас теперь ежедневный моцион.

— Понятно! — Мари уселась по-турецки на диване и уставилась на Ника. — Эй, тебе здесь не изба-читальня!.. Реази! Я с тобой разговариваю!

— Что тебе нужно? — спросил Ник, листая очередной журнал.

— Твоё внимание.

— Ты его получила.

— Премного благодарна вам, барин...

Ник быстро глянул на девушку.

— Что ты хотела? — спросил он, видя, что она смотрит сквозь него.

— Прощый раз ты просил меня о свидании, — Мари нетерпеливо отмахнулась, видя, что он собирается возразить. — Даже если это не так, я хочу сказать, что у меня есть парень. Так что не трать понапрасну время.

В комнату повисла многозначительная пауза, к счастью, тут заглянула Аннабель и смущённо улыбнулась Нику.

— Мари, у меня всё готово, — сказала девочка.

— Отлично! Может, покормишь нас? А то скоро на дежурство, — поспешно сказал

Иван.

— Ну ладно, — согласилась Мари. — Куда же от вас, дармоедов, денешься! Идите за мной. Учти, Аннабель, ты эту ораву пригласила за стол, ты и отвечаешь за её прокорм. Мышонок, ты хоть представляешь, сколько может слопать эта компашка вампиров? — сказала она и, подскочив к девочке, умчалась вместе с ней в кухню.

Солдат спит, служба идёт. А вот балаган в это время совершенно ни к чему! Для тех, кто не понял — **наряд вне очереди!**

Шесть часов кряду четверо молодых вампиров прочёсывали людные места города: институты, школы, метро, улицы в центре города, вокзалы, и прочие места человеческих сборищ. Масса народа шумела, болтала и толкалась, чем к концу смены невероятно действовала им на нервы.

— Всё! С меня хватит, — Мари с усталым видом плюхнулась на скамейку у Казанского собора и остальные последовали её примеру. — Ненавижу людей! Ненавижу дежурства! Две недели шляемся по городу, а толку чуть, — сказала она и сердито посмотрела на старшего патруля. — А тебя, Реази, я отдельно ненавижу, причём всеми фибрами своей измученной души и не менее измученного тела. Народ в других патрулях часик или два обязательно филонит и лишь мы, как заведённые, мотаемся по городу.

В ответ на её экспансивный выпад Ник ничего не ответил, лишь смерил девушку своим коронным взглядом и в ней вспыхнуло ответное раздражение, причём настолько сильное, что ей захотелось стукнуть его чем-нибудь тяжёлым, но она ограничилась вздохом и беззвучным ругательством. Две недели дежурств дались Мари нелегко и виноват в этом был опять же Ник Реази. Во время совместных походов она то и дело ловила на себе его тяжёлые и, как ей казалось, подозрительные взгляды. Она пробовала было отшутиться, но, несмотря на все её старания, он не шёл на контакт. В конце концов, ей это надоело, и она решила не обращать на него внимания. Правда, это было не так-то просто сделать. Ник Реази был не из тех, кто даёт забыть о себе.

Вспомнив о жёстких выговорах, полученных от него, как от старшего патруля, Мари взъерошила волосы, и так стоящие дыбом, и сердито добавила:

— Был бы хоть какой-нибудь толк от всей этой беготни! Вот сегодня носимся по городу уже почти полную смену, а нам не попало даже завалящего ментальника, не говоря уже о фениксе. Может, их вообще в Питере не осталось, и мы зря болтаемся по городу?

В душе она надеялась, что Ник отпустит их пораньше, но он никак не отреагировал на её завуалированное вымогательство. С ленивой грацией в движениях он откинулся на спинку скамейки и, раскинув руки, прикрыл глаза. Выражение его лица было таково, что она не понимала злится он на неё или просто не слушает.

Не найдя взаимопонимания у начальства, Мари, ища поддержку, повернулась к друзьям и тут выяснилось, что Иван и Соня пересели на другую скамейку и тоже не обращают на неё внимания. Она вздохнула, немного жалея о прежних временах, когда они постоянно ссорились и искали её внимания. «Теперь, знай, чирикают себе с дурацкими улыбками на лицах», — с обидой подумала приунывшая девушка и нетерпеливо поёрзала на скамейке. Она и в самом деле устала. Ментальный поиск вампиры вели с частично снятой защитой, а это означало, что к ним имели доступ эмоции толпы, что было довольно утомительно, особенно для молодняка. Из-за любопытства они не всегда дистанцировались от испытываемых людьми чувств, за что потом расплачивались усталостью и головной болью.

Когда перед глазами возникли дугообразные зигзаги, Мари потёрла виски и тут, будто по волшебству, к ней вернулось хорошее самочувствие. Обрадованная, она осторожно покрутила головой — но нет, головной боли, как и усталости больше не было. Взгляд

девушки сам собой устремился к Нику Реази, сидящему по соседству, но тут раздался детский голосок: «Мамочка, посмотри, какие красивые тётя и дядя!» и все четверо вампиров разом повернулись к малышке лет пяти. Она подбежала к скамейке, на которой сидели Иван и Соня, и с восхищением уставилась на них, а затем дёрнула девушку за подол платья. «Тётя, я хочу к тебе на ручки!» — требовательно пропищала девочка и вскарабкалась на скамейку. Соня посмотрела в сторону родителей, но они, занятые разговором с друзьями, не обращали внимания на ребёнка. Тогда она посадила малышку на колени, и она сразу же залезла в её сумочку и вытащила косметичку. Мари засмеялась, глядя на то, как малолетняя кокетка разоряет элитную косметику Сони, а та лишь вздыхает, не решаясь её отобрать. Явно подражая матери, малышка размалевала себе лицо и, потеряв интерес к макияжу, потребовала, чтобы с ней сыграли в ладушки. Заливистый смех дочери наконец привлёк внимание родителей.

Подбежавшая девица смерила незнакомцев подозрительным взглядом и, подхватив девочку на руки, устремилась к ожидающему мужу. Молодые родители явно намеревались продолжить прогулку, но не тут-то было. Не желая расставаться с новой подругой, малышка подняла такой крик, что они, поспешно извинившись перед друзьями, подхватили чадо на руки и помчались к машине.

«Правильно, поддай им жару, детка! Нефиг поздно вечером болтаться по городу с маленьким ребёнком. Совсем уж без царя в голове. Не родители, а малолетние придурки», — злорадно подумала Мари, проводив глазами удаляющуюся семейку. Рядом раздался смешок. «Так! Это ещё что такое? Неужели?.. Нет, не может быть!» — решила она, но все же подозрительно посмотрела на Ника. Тот удивлённо приподнял брови.

— В чём дело?

— Ни в чём, — девушка повернулась к друзьям. — Поставили метку?

— Обижаешь, Машка!

— Слава богу! Наконец-то, мы с уловом. Эй, Ник! Думаю, теперь мы имеем полное право разбежаться по домам.

От нетерпения Мари приплясывала на месте, ей хотелось попасть домой пораньше, чтобы успеть поработать над начатой задачей. Она чувствовала, что решение лежит где-то близко и нужно лишь небольшое усилие, чтобы его нащупать.

— Ну как, отпустишь? — спросила она с надеждой.

— Нет.

— Чёрт, а я так надеялась, что у некоторых есть совесть, — вздохнула Мари.

«Сатрапский беспредел! — сердито подумала она и пристально глянула на Ника. — Знаешь, слишком уж ты странный, дружок. Сильно подозреваю, что ты не тот, за кого пытаешься себя выдать». Ник в открытую усмехнулся. «Глупости! Я такой же, как и ты», — прозвучал его мысленный голос, отчётливый, сильный и вдобавок имеющий индивидуальную окраску.

Не веря в происходящее, девушка ошарашено посмотрела на него. Ментальный разговор был возможен, если один из собеседников умел управлять связующим каналом, а такое было под силу только зрелым вампирам, имеющим за плечами ни один десяток лет, но не молодняку, недавно вышедшему из стен Академии.

«Вообще-то, такой мощный направленный телепорт и вовсе под силу только старейшинам... ладно, замнем для ясности, — Мари прищурила глаза. — Ник!.. Не молчи! Я знаю, это ты со мной только что разговаривал». При этом она не замечала, с каким

интересом Иван наблюдает за её безмолвной пантомимой, чего нельзя было сказать о Нике Реази.

— Золотце, если тебе нужно в туалет, то так и скажи, — сказал он недовольным тоном.

— Ага, сейчас! Не хватало ещё отпрашиваться у тебя в туалет, — буркнула Мари.

— Тогда хватит таращить на меня глаза, — усмехнулся Ник, — а то я могу подумать, что ты в меня влюбилась.

— Размечтался! — фыркнула Мари и, снова сев рядом, состроила просящую мину. — Реази, тебе жалко, что ли? Всё равно за оставшийся час мы ни черта не выловим, так фиг ли таскаться по городу?

— Мир полон неожиданностей. Вдруг из-за твоей лени мы упустим нашего вампирского да Винчи? Не думала о таком? — Ник насмешливо покосился на девушку. — Хватит канючить! А то напишу в отчёте, что ты прогульщица, и получишь дополнительное патрулирование.

«Издеваешься, да?» — Мари выразительно посмотрела на старшего патруля, а затем отвернулась, не желая видеть его самодовольное лицо. На глаза ей попался бывший дом Зингера и в её памяти тут же всплыли блоковские строки, и она драматически продекламировала:

Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи ещё хоть четверть века —

Все будет так. Исхода нет.

Умрёшь — начнёшь опять сначала

И повторится всё, как встарь:

Ночь, ледяная рябь канала,

Аптека, улица, фонарь.

— Слушай, имей совесть! — взорвалась она без перехода. — Что ты ломаешься, Реази? Весь день мы добросовестно мотались по городу и устали как собаки собачьи. В конце концов, мы тебе не спецназ. Это у вас там все ненормальные. Помню, на соревнованиях, все уже валятся с ног, а эти поганцы, всё такие же бодренькие, несутся себе дальше.

Соня открыла было рот, чтобы поддержать подругу, но Иван сжал её руку и незаметно покачал головой, предупреждая, чтобы она не вмешивалась.

— Ладно. Так и быть сделаю одолжение слабачкам-волчатам, — сказал Ник, наконец снизойдя до просьбы Мари.

— Ура! Дом, милый дом! — обрадовалась она, но он не преминул подпортить ей настроение.

— Подожди радоваться, — он смерил девушку испытующим взглядом. — Как раз хотел сказать, что кое-кто из присутствующих всё же поплатится за своё нытьё и длинный язык.

В тёмных глазах Ника появился зеленоватый отблеск, и Мари насторожилась, но он её удивил.

— За то, что я отпустил вас пораньше, будешь должна мне ужин в *семейном кругу*, — сказал он, особо подчеркнув последние слова, и сделал вид, что размышляет. — Ждите меня в пятницу в двадцать один ноль-ноль на следующей неделе. Хорошо?

«Да ничего хорошего!» — подумала Мари, лихорадочно изыскивая способ отказаться от нежелательного визита. Приказной тон и настойчивость в голосе Ника говорили, что он не шутит.

Он иронично улыбнулся, видя её панику.

— Эй, Палевская! Я подчеркиваю: в семейном кругу. Надеюсь, твои родители тоже будут, — оглядев девушку, приоткрывшую рот от удивления, он поморщился. — Учти, я сноб и хочу, чтобы всё было на высшем уровне. Потому форма одежды парадная, то есть вечернее платье обязательно.

Мари решила не мудрствовать лукаво и открытым текстом послать его куда подальше, но здесь произошло нечто совсем странное. Ник властно поймал её взгляд и она, как замороженная, уставилась в его глаза. Погрузившись в их бездонный омут, она отрешённо наблюдала, как в их глубине разгорается безумное пламя и тут же гасится несокрушимой волей, но всё же его отблески прорываются наружу и сверкают зелёными искрами беспричинной ярости. Мари сразу же вспомнился кошмар, приснившийся ей после бала в Академии, и она вздрогнула. Почувствовав стороннее давление, она протестующе тряхнула головой, но всё равно не сразу очнулась от созерцания, больше похожего на обморок.

— No problem! Будет тебе ужин в семейном кругу! — выпалила Мари, при этом неподдельно изумившись собственным словам. Ведь изначально она планировала ответить категорическим отказом. — Merde! Всегда знала, что не стоит связываться с солдафонами из спецназа, это чревато последствиями! И вообще, почему именно я должна отдуваться за всех? — в расстройстве пробормотала она.

После этих её слов Иван с собственническим видом прижал к себе Соню.

— Машунь, хватит мозги проветривать. Что ещё тебе не ясно? Реази хочет познакомиться с твоими родителями, — сказал он, снисходительно глядя на приятельницу.

— Вот это и удивляет! — вырвалось у девушки.

— Ладно, чёрт с тобой! Слово не воробей, — сказала она после недолгого раздумья и деловито добавила: — Чур, уговор! Не вздумай прикидываться моим бойфрендом. Не знаю, что ты задумал, но я по твоей милости не хочу угодить под перекрёстный допрос.

Натолкнувшись на сожалеющий взгляд подруги, Мари состроила вопросительную мину. В ответ Соня укоризненно покачала головой — мол, осторожней, а то доиграешься. На этот раз Мари её поняла и ухмыльнулась. «А мне пофиг! Не велика цаца», — изобразила она при помощи пантомимы. «Ну и дура!» — получила она в ответ.

— Эй! Чего вы там гримасничаете? — не выдержал Иван, наблюдающий за безмолвным диалогом подруг.

— Думаю, у мартышек в зоопарке скоро выходной, — предположил Ник.

— Сам ты Кинконг! — парировала Мари.

— Это мы готовимся к любительскому спектаклю, — солгала Соня с благопристойным видом.

— Ага! — поддакнула Мари. — Комедийное шоу под названием: «Одинокий драндулет на перегоне в сад».

Она встала в позу, излюбленную трагиками, и, приложив ладонь ко лбу, с чувством продекламировала:

О, боги, оцените мою жертву,

Склоняюсь перед вами я.

О, будьте же ко мне добрей и милосердней,

Я умоляю, не держите зла!

В загробном мире я одна во мраке

И участь незавидна там моя!

*Но сердце, кровью истекая, брат мой милый,
Свободы только просит у тебя!*

— Эй! А где бурные аплодисменты? Понимаю, импровизация — не фонтан, но могли бы поддержать юное дарование...

Удивлённая тишиной Мари открыла глаза. Иван с Соней смотрели вслед Нику, от которого даже на расстоянии шли ощутимые волны ярости.

— Что случилось? Ладожский, твои проделки? — поинтересовалась девушка.

— Я-то здесь при чём? Сам не понимаю, что происходит.

— А конкретней! — потребовала она, дёрнув приятеля за рукав толстовки.

Иван повернулся к ней и смерил задумчивым взглядом.

— Не буду утверждать, что это верно на сто процентов, но виной твои стишата. Поначалу Реази забавляли твои дурацкие завывания, а затем он вдруг изменился в лице. Выглядело это так, будто ты ему кое-что прищемила. Короче, он зверски глянул на тебя, а затем сдёрнул от нас.

— Понятно, что ничего не понятно.

— Да ладно тебе, Машка, — Иван усмехнулся. — Дураку ясно, что между тобой и Реази что-то происходит. Даже не знаю, успеет ли Тьен приехать до того, как ты переметнёшься к другому, — сказал он, выжидающе глядя на девушку.

Мари сжала медальон.

— Этого не будет никогда, — твёрдо сказала она.

— Тогда почему ты согласилась на ужин? — не отступал Иван, которому пришлось не по вкусу, что она готова отвернуться от его академического друга. Во всяком случае, ему так показалось, но после её ответа он уже не был ни в чём уверен.

— Сама бы хотела знать! — с досадой воскликнула Мари. — Тем более что нам сейчас не до приёмов. Да Мика размажет меня по плитусу, стоит мне заикнуться о дурацком ужине, — добавила она с явным расстройством.

— Зай, ты это о чём? — сразу же насторожилась Соня.

— А, ерунда! — спохватилась Мари. — Так, небольшие семейные неурядицы, не берите в голову.

«Ah, mince!»[1] — чуть слышно пробормотала девушка, она всегда переходила на французский, когда сильно волновалась. Но Иван её услышал и вновь задумался над тем, кто такой Ник Реази. В том, что он чужак и не принадлежит ни одному из кланов у него уже не было сомнений. «Может, он из диких вампиров, что сумели избежать кары Старейшего?», — мелькнула у него мысль. Правда, это не объясняло связей Ника с Томасом Штейном. Было у начинающего аналитика и другое объяснение, но настолько фантастичное, что он не хотел ему верить. К тому же Ник Реази был слишком молод.

---

[1]Ah, mince! — Вот, блин!

Простые семейные радости и грозный лик вечности

Вопреки ожиданиям, решение математической головоломки никак не давалось и Мари, захандрив, устала в окно. В стекло настойчиво стучал ночной дождь и в результате у неё окончательно пропало настроение заниматься.

Девушка села на подоконник и, обняв колени, положила на них подбородок. Город за окном жил своей жизнью. Сияло разноцветными огнями колесо обозрения, по эстакаде и проспектам летели автомобили, оставляя за собой ленточный след из красных и белых огней.

«Куда и зачем едут все эти люди? — рассеяно подумала она. — Впрочем, какое мне дело до них, а им до меня?»

И тут, будто в опровержение её вывода, пришло сообщение от Ника. «Семейный ужин. Не забудь, криа!» — было написано на экране, высветившемся над её запястьем.

«Merde!»[1] — ругнулась огорчённая Мари. Теплившаяся в её душе надежда, что он отстанет от неё, упорхнула в неизвестном направлении. Она поняла, что ей всё же придётся разговаривать на эту тему с родителями. И тут она призадумалась, как им преподнести, кто такой Ник Реази.

«Действительно, а кто такой Ник Реази?» — задалась девушка вопросом и, привычная к анализу, начала раскладывать по полочкам всё, что ей было известно о новом знакомом. Вот тут и выяснилось, что она практически ничего не знает о нём, за исключением того, что он из клана Ягуара, спецназовец по профессии и вроде бы сначала ухаживал за Соней, а теперь с завидной регулярностью отравляет её жизнь.

Мари наморщила лоб, пытаясь всё же вспомнить Ника в Академии, но как она ни старалась, она его не помнила. «Конечно, свыше трёх тысяч студентов, преподавательский состав и обслуживающий персонал это не хухры-мухры. И все равно за пять лет учёбы практически всех знаешь в лицо, — размышляла она, грызя прихваченный на подоконник карандаш. — С другой стороны, спецназовцы держатся обособленно и предпочитают общество своих... Это да, но такие парни, как Реази, всегда на виду в студенческой тусовке».

В памяти девушки сразу же всплыли откровенно неприязненные взгляды, которые она ловила на себе стоило ей только появиться в штаб-квартире клана: «Вот-вот! У нас он всего ничего, а уже только и слышишь Ник Реази то, Ник Реази сё, да и девицы уже хором ненавидят меня». Мари вздохнула и для верности ещё раз порылась в памяти. Перед её мысленным взором промелькнула целая вереница тех, кого она знала из клана Ягуара. Она вспомнила даже такие встречи и разговоры, о которых уже и думать забыла, но и там не было ни самого Реази, ни упоминаний о нём — за исключением выпускного бала, где и состоялось их знакомство.

«Ладно, чёрт с ним! Видимо, бог меня миловал, если мы не встретились в Академии», — подумала девушка и соскочила с подоконника. Вернувшись за стол, она попыталась сосредоточиться на решении математической загадки, но её мысли по-прежнему занимала загадка Ника Реази, и она закрыла компьютер. «Станный он парень! Взять хотя бы его одежду. Конечно, я не спец по тряпкам, но модные тренды отличить в состоянии. Вещи, которые носит Реази, явный эксклюзив. Таких я ни у кого не видела. Правда, народ начинает ему подражать... мода она как пожар, сегодня один в эксклюзиве, завтра уже

носят все подряд. И Реази это не нравится. Нужно было видеть его физиономию, когда он встретил парня в такой же куртке, как у него».

Фыркнув, Мари запустила пальцы в волосы, массируя натруженную голову. «Чёртов зазнайка! Главное, держит себя так, будто все ему должны... — она застыла с поднятыми руками. — Вот только дело в том, что такие замашки не возникают на пустом месте, а Реази командует, как дышит. И так, что мы имеем? А имеем мы типа, который привык к дорогим шмоткам, машинам и домам. Жаль, что я сама не побывала у него, но, судя по тому, как Беккер захлёбывалась от восторга, у него не квартира, а отделение музея. Значит, Реази из богатой семьи. Вот только одна заковыка. Будь он из семьи, входящей в политическую или финансовую элиту клана Ягуара, я бы знала о нём. И совсем уж ни в какие ворота не лезет его умение мысленно разговаривать. К тому же я ощущаю, как просто вибрирует от напряжения его ментальное поле, запертое барьерным щитом. Такой мощи нет даже у Мики... Господи! Да кто же он такой, этот Ник Реази?.. Всё, всё! Хватит думать о нём, а то, не дай бог, снова приснится!»

Мари затрясла головой. Стоило только ей подумать о сне, который она увидела после приезда домой, и перед её глазами как наяву возникла фантастическая четвёрка зверей и их хозяев, а вслед за ними заявила золотоволосая красавица, выцыганившая у неё шар. «Чур, меня! Кыш, кыш! Я кому сказала?» — воскликнула она и надавила пальцами на веки.

С трудом, но ей всё же удалось избавиться от видения. Девушка выпрямилась и с чинным видом открыла крышку ноутбука. Она снова взялась за решение математической головоломки, но царица всех наук сердилась на неё за невнимательность. Теоретические выкладки скользили мимо её сознания, а формулы громоздились одна на другую, не желая укладываться в стройную систему. Устав с ними бороться, она раздражённо захлопнула справочник, который держала под рукой.

«Mince! Что-то математика сегодня совсем не идёт! Вместо отдохновения для души какой-то сплошной чертополох, — с огорчением констатировала Мари. — Такое чувство, что проклятый Реази сглазил меня».

Она прищурилась, прикидывая траекторию полёта, и запустила книгу на письменный стол, стоящий у противоположной стены.

«Упс!» — Мари открыла глаза и захлопала в ладоши. Вообще-то, она целилась в старинный чернильный прибор, но толстенный талмуд, содержащий высшую математическую премудрость, лёг точно посередине зелёного прямоугольника, только промокашка слегка покачнулась. Это была её месть отцу, чей кабинет она оккупировала. В своё отсутствие Палевский разрешал им пользоваться, но не разрешал сидеть за его письменным столом. Мотивировал он это тем, что ему надоели крошки на сукне, потому Мари приходилось ютиться на неудобном кофейном столике.

Появление Аннабель окончательно перебило её желание заниматься математикой. Девочка уже полчаса бродила рядом и, заслышав сочный шлепок, сразу же заглянула в кабинет.

— Мари! — жалобно протянула она. — Ты уже освободилась?

— Вроде бы да. Мышонок, а ты чего не спишь? Пользуешься отсутствием родителей?

— Ага! — расплылась в улыбке девочка.

— Понятно, праздник непослушания. А чего сияем?

— Я нашла в интернете продолжение Рубак! — выпалила Аннабель и с нетерпением воззрилась на Мари.

— Вот это да! А меня возьмёшь на просмотр? — отозвалась девушка и попыталась встать, но после многочасового сидения по-турецки это было нелегко. — Merde! Кажется, меня основательно скрючило! — простонала она и, подражая графу Дракуле, с завываниями поползла к Аннабель.

Когда девочка с восторженным визгом пустилась наутёк, Мари догнала её и, неся под мышкой, проворчала:

— Хорошо быть молодой и здоровой, а тут спина болит, задница онемела, хвост отвалился и шерсть клоками лезет. Вместо того, чтобы напрямик ползти на кладбище, приходится тащиться... Кстати, нам куда: к тебе или в кинозал?

— В кинозал! — хихикнула Аннабель и Мари согласно кивнула.

— Лады! В кинозал, так в кинозал. Нынче мыши пляшут, а кошки плачут.

С брыкающейся Аннабель под мышкой девушка вошла в кинозал и, плюхнувшись на пушистый ковёр, расстеленный перед экраном, потянулась к пульту.

Мультяшки-авантюристы[2] ничуть не изменились, как и их приключения, тем не менее Мари хохотала до слёз и девочка, поглядывая на неё, вторила ей звонким смехом.

Когда нескончаемый сериал с набором однообразных глупостей подошёл к концу и на экране замелькали финальные титры, они дружно запустили руки в деревянную площадку с попкорном и, выяснив, что там пусто, посмотрели друг на друга и дружно вздохнули.

— Всё хорошее когда-нибудь кончается. Банальность, но факт.

Перевернувшись на спину, Мари сладко потянулась и глянула на девочку.

— Ну как тебе новые «Рубаки»? — спросила она и когда Аннабель энергично закивала, соорудила озабоченную мину. — Ну-ка, ну-ка! Что-то ты сегодня чересчур много трясёшь головой. Может, у тебя началась лошадиная лихорадка?

— Ой, а что это такое? — испугалась девочка и она покровительственно потрепала её по голове.

— Это такая болезнь, которая случается с теми, кто со старшими не разговаривает, а только кивает, как цирковая лошадка.

Аннабель засмеялась, а затем принялась болтать, всё ещё переживая за героев сериала.

Девочка вела себя необычно и Мари вгляделась в её возбуждённое личико. Оно похудело и слегка заострилось, отчего глаза казались больше обычного. Вдобавок они горели лихорадочным блеском и сверкали как тёмно-зелёные изумруды. Фигура девочки тоже изменилась: она вытянулась и стала ещё более стройной и хрупкой на вид.

Чтобы окончательно убедиться, что ей не кажется, она взяла Аннабель за руки и они подтвердили её подозрения. Пальчики девочки имели удлинённую третью фалангу. «Да, процесс зашёл уже далеко. Кажется, уже почти полная перестройка организма. Как же я пропустила такое событие? Не родители, а злыдни распоследние! Могли бы мне сказать!.. Хотя они настолько погружены в себя, особенно Мика, что хорошо, если они изредка вспоминают о нашем существовании». Мари кольнула тревога. Отчего-то ей не верилось, что Палевский дал согласие на инициацию Аннабель. «Тогда остаётся только одно, Рени самовольно провела инициацию, а его поставила перед фактом. Тогда понятно, почему у отца такое взрывоопасное настроение», — огорчённо подумала она и глянула на девочку, которая ожесточённо тёрла кончики пальцев.

— Ну-ка, прекрати чесаться, а то в кровь раздерёшь руки. Это у тебя режутся когти. Потерпи немного, зуд скоро пройдёт.

Аннабель послушалась и Мари, чтобы отвлечь её от чесотки, спросила:

— Мышонок, а ты в курсе, что означает твоё имя?

Когда девочка мотнула головой, мол, не знаю, она с преувеличенным удивлением приподняла брови, но не выдержала и рассмеялась вслед за ней.

— Ладно, будем надеяться, что это не возвратная лошадиная лихорадка. Ну, на чём я остановилась?

— Ты хотела сказать, что значит моё имя.

— Верно! Аннабель состоит из двух частей. Анна в переводе с еврейского языка означает милость, а «бель» с латинского переводится как прекрасная. Давай-ка, госпожа Прекрасная Милость, совершим налёт на кухню и ограбим холодильник, — предложила Мари и, оживившись, спросила: — Ты знаешь, где именно этот холодный негодяй замуровал прекрасную принцессу по имени Мороженое?

— В морозильнике, в верхнем ящике, — ответила девочка с восторгом глядя на выдумщицу-сестру.

— Ах, он подлец! Свободу вкусной красавице! — Мари с заговорщицким видом прижала палец к губам и схватила её за руку. — Только тихо! Если ледяные великаны услышат нас, то мало нам не покажется.

Крадучись они пробрались в кухню и вооружились десертными ложками. Затем на цыпочках прокрались к холодильнику и с победным воплем дёрнули его за ручку. В верхнем отделении огромного морозильника действительно оказался замечательный торт-мороженое, щедро сдобренный орехами, шоколадом и цукатами, но им показалось этого мало, и они облили его клубничным вареньем и мёдом. В общем, принцесса Мороженое по самые уши была утоплена в сладком перед тем, как её водрузили на стол.

Когда освободительницы доедали уже по второй порции, хлопнула входная дверь, и девочка с возгласом: «Рени пришла!» помчалась ей навстречу. Мари с усмешкой посмотрела ей вслед, но не двинулась с места. «Гляди-ка, а наш мышонок стал совсем ручной, только от отца по-прежнему удирает сломя голову. Правда, от него идёт такой негатив, что скоро я сама буду шарaxаться от него. Видимо, у Рени дела не очень или он не может найти лекарство... — девушка вспомнила, какими глазами Палевский смотрит на жену, когда думает, что его никто не видит и у неё упало сердце. — Нет, даже не думай, притянешь несчастье! У мамы всё хорошо!»

— Bonsoir, maman! — сказала Мари и не спешно облизала ложку, перед тем как снова запустить её в креманку.

— Добрый вечер, дорогая, — Рени в удивлении выгнула бровь. — Эй, девицы! Вам не кажется, что в это время порядочный народ спит, а не лопают на ночь глядя?

— Да что нам сделается?! Мы же не люди, — проворчала Мари и, притянув подтаявшие останки принцессы Мороженое, накрыла их собой. — Моё! Не дам!

— Жадина! — держа Аннабель за руку, Рени подошла к ней и поцеловала в подставленную щёку.

На Мари пахло знакомым ароматом — её вампирская матушка никогда не изменяла Chanel № 5 — и у неё снова сжалось сердце. Рени выглядела очень плохо, гораздо хуже, чем в начале её приезда домой.

— Ладно, держи, — смилостивилась девушка, и когда Рени села, придвинула к ней тарелку с мороженым. — Может, покормить тебя чем-нибудь более существенным? — спросила она, стараясь не выдать свою тревогу.

Рени покачала головой.

— Нет, не хочу. Я попила чай перед уходом с работы. Что это за лошадиная лихорадка у вас завелась? — поинтересовалась она и ласково потрепала Аннабель по щеке.

— Это ты мне скажи! — с прорвавшейся досадой воскликнула Мари. — У нас не дом, а сплошные тайны Мадридского двора. Интересно, вы, вообще, планировали мне рассказать об инициации мышонка или с самого начала решили положиться на мою догадливость?

— Полно вредничать! — примирительно сказала Рени.

Улыбнувшись, она раскрыла девочке объятия и та, влетев в них, прижалась к ней, как к родной матери.

— Детка, ты и вправду похожа на породистого жеребёнка. Хорошеешь с каждым днём. Уверена, Аннабель у нас будет очень красивым вампирёнком. Правда, Мари?

— Ну, конечно! — заревновала девушка. — В доме у нас только я уродина.

— Нет, Мари! — расстроилась девочка. — Мама Рени пошутила, мне никогда не стать такой красивой, как ты, — погрузилась она.

— Так, так! — оживилась Рени. — Это ещё что за страдания?

Аннабель умоляюще посмотрела на старшую сестру, но она не вняла её безмолвной просьбе.

— Ха! А ты не знаешь? Наш мышонок влюбился, — сообщила Мари, забавляясь отчаянием девочки и радуясь свету в глазах Рени.

— Неужели! И в кого же?

— Да есть один тип. Не знаю, что все в нём находят, но даже наш мышонок пал жертвой его маскулинных чар.

Заметив, что Аннабель вот-вот заплачет, Мари лукаво ей подмигнула:

— Да, ладно тебе кукситься, мышонок! Если он так уж тебе нужен, можешь забирать Ника себе. Что такое? — спросила она, когда на личике девочки появилось смущение. — А, это! — понимающе воскликнула она. — Да полно тебе! Ведь ты обещала не отбивать моих парней, а тут я задаром отдаю. Так что бери, пока я добрая.

— Спасибо! — чуть слышно сказала Аннабель и спрятала лицо на груди Рени.

Она пригладила ей растрепавшиеся волосы и с любопытством воззрелась на Мари.

— Кто такой Ник? — спросила она, видя, что никто из дочерей не спешит просвещать её насчёт его личности.

— Старший нашего патруля, — вздохнула девушка. — Помнишь я рассказывала тебе, что Ладожский подрался в автобусе с новым бойфрендом Беккер? Так это он, Ник Реази.

— Вроде бы они дрались из-за тебя, — усмехнулась Рени.

— Это Ванька так решил, а с чего до сих пор не пойму, — Мари скривилась. — Если у Реази это любовь, то боже упаси меня от его ненависти.

— Что, такой серьёзный молодой человек? — спросила заинтригованная Рени.

— Ага! Редкостный козёл, — подтвердила девушка с искренней печалью на лице. — Чувствует моя душа, что этот гад не успокоится на достигнутом и за оставшиеся дни дежурства наставит мне ещё целую кучу штрафных часов.

Тему ужина в следующую пятницу Мари решила пока не поднимать. Сначала она хотела заручиться согласием главы семейства.

— Он из какой семьи? — спросила Рени.

По спецназовской привычке она внимательно наблюдала за старшей дочерью. Что-то такое проскальзывало в девушке, что говорило о том, что она не настолько равнодушна к неизвестному ей Нику Реази, как пытается это показать.

— Реази вообще не из нашего клана. Он из ягуаров, — сообщила Мари и замахала руками. — Нет, ты его не знаешь, хотя я уверена, что у него очень богатая семья.

— Да? — удивилась Рени. — Обычно богатые семьи — это влиятельные семьи.

— Может, они разбогатели на чём-нибудь незаконном, потому и не высовываются? — предположила девушка.

Рени скептически посмотрела на неё.

— Вряд ли. Вот поработаешь под начальством Ледяного тигра, поймёшь, что это абсолютно невозможно.

— У Штейна кличка Ледяной тигр? — изумилась Мари. — Здорово! Я тогда попала в точку, назвав его Ледяным тигром, а его секретаршу Снежной королевой! Ха! Действительно ледяные истуканы! Ой, не могу!

— Хватит смеяться! Томас, конечно, не ангел, но хороший парень, зря ты не захотела обратить на него внимание. Он был бы тебе хорошим мужем.

— Ты что, серьёзно? — выговорила Мари сквозь смех. — Да он же садюка, каких свет не видывал! Мам, смерти моей хочешь?

— Ерунда! — фыркнула Рени и с воодушевлением посмотрела на остатки растаявшего мороженого. — У меня даже аппетит проснулся от твоих глупостей.

— Правда? Мышонок, живо разогревай, а я накрою на стол, — обрадовалась Мари и засуетилась, бегая с тарелками и столовыми приборами. — Слава богу! А то ты стала тощая... — она осеклась, кляня себя за длинный язык.

Аннабель, держа в руках кастрюльку, вытащенную из холодильника, обернулась и растерянно посмотрела на них.

— Да, ладно тебе, детка! Начала, так уж договаривай: «как драная уличная кошка», — легко сказала Рени, и девушка порывисто её обняла.

— Не слушай, тата! Это я сдуру брякнула! — с жаром воскликнула она. — Просто ты устала и немного похожа на Мартишу из семейки Адамсов. На ту, что двухсерийного фильма, помнишь? Она там очень бледная и очень красивая. Совсем как ты сейчас. Ой, нет! Опять я несу всякую чепуху! Господи, мне следует оторвать язык! — не выдержав, она всхлипнула. — Мамочка, я... что же мне сделать для тебя? Хочешь, я отдам тебе всю свою кровь до капельки? Только, пожалуйста, не болей!

— Мари! Ну, что ты, как маленькая? Не вздумай разводить сырость... Всё-всё, хватит! Вот что ты расстраиваешь малышку? Глядя на тебя, она тоже хлюпает носом.

Девушка поспешно вытерла глаза.

— Хорошо, не буду, а то Мика меня убьёт. Правда, он и так и сяк меня убьёт, когда узнает, что я прокололась.

— Да полно тебе! Не так уж плохи мои дела.

— Поклянись, что это правда! — потребовала Мари.

— Вот те крест! Что ты напридумывала себе всяких ужасов? Мика обязательно меня вылечит. Он же у нас если не бог в медицине, то первый его зам. Ну, дурочка ты эдакая, успокоилась или нет? Не веришь мне, поверь отцу.

— Ладно, так и быть поверю, хоть вы оба те ещё обманщики.

— Вот и умница!

«Да, больше нельзя тянуть с уходом. В любом случае придётся резать по живому, — пришла Рени к выводу. — Чем дольше я тяну, тем больше будет всем. Мика и сейчас уже весь извёлся. Господи, а так хочется плюнуть на всё и остаться с ними до конца!» —

тоскливо подумала она, но взяла себя в руки и, слегка отстранившись, посмотрела в бледное лицо девушки с блестящими от непролитых слёз глазами. «Хорошо держится. Сразу видно, что это наша с Микой дочь», и Мари, будто прочитав её мысли, через силу улыбнулась.

— Не расстраивайся, детка! Я уверена, что всё образуется, — ласково сказала Рени. Она испытующе глянула на дочь. — К сожалению, потерь не избежать на жизненном пути. Ведь все мы не вечны. Но как бы ни повернулось дело, ты должна знать, что я всегда любила тебя и буду любить. Возможно, народ не врёт, и загробная жизнь всё же существует. Аннабель, подойди! — позвала она и когда напуганная девочка подошла к ней, обняла и её тоже. — Детка, тебя я тоже люблю. Будь хорошей девочкой и слушайся сестру, хорошо?

— Хорошо, мама Рени.

Слова Рени прозвучали прощанием и Мари запаниковала. Вдобавок Аннабель захлюпала носом.

— Тихо, мышонок! — прикрикнула она на девочку. — Не реветь! Где мамин ужин?

Этого хватило, чтобы Аннабель сразу же побежала к плите.

— Простите, девочки, но что-то мне расхотелось есть.

— Мам, ты куда? — по-детски жалобно вырвалось у Мари, когда Рени направилась к выходу.

— Хочу немного отдохнуть. Что-то я устала. В последнее время на работе сплошной бедлам, не знаешь за что хвататься.

Глядя на дочерей, Рени замерла в проёме высокой стрельчатой двери, и что-то такое было в её облике, что он навсегда врезался в память Мари. Позднее, в минуты душевной тревоги, когда ей хотелось опереться на материнскую любовь и поддержку, стоило ей закрыть глаза и она вновь видела изящную фигурку, обрисованную тёмно-синим шёлком, водопад блестящих чёрных волос, и удлинённые тёмные глаза на смуглом треугольном лице, вззирающие на мир с горделивым спокойствием. Спустя много лет она попыталась повторить тот живой портрет Рени. Несмотря на то, что она помнила всё до мельчайших деталей, его копии всегда чего-то не хватало. Женщина на холсте была прекрасна и действительно казалась воплощением египетской богини Бастет, загадочной и надменной. Вот только той, что на портрете, не было никакого дела до её бед и Мари раз за разом уничтожала свои творения.

---

[1] Merde! — дерьмо!

[2] Авантюристы-путешественники есть такая беспокойная порода людей. Им нипочём не усидеть на месте, их всегда тянет в путь-дорогу. Линия горизонта — их недостижимая мечта. Кстати, очень симпатичные и полезные ребята. Как профессионалы в выживании, они знают и умеют всё. Они труженики, готовые горы свернуть на пути к поставленной цели. Вот только дома они совершенно невозможны, потому что каждодневный труд для них — великая обуза.

ГЛАВА 25. Мари. Грусть-тоска меня сдает

Настроение резко упало, как только Рени скрылась за дверь. Сразу захотелось завывать, по-собачьи долго и тоскливо, чтобы избавиться от рвущей сердце тоски. «Господи, но почему я не могу поверить, что все будет хорошо?» — с отчаянием подумала я.

В ожидании безвозвратной потери на сердце залегла неподъёмная тяжесть. Я плюхнулась на диван и закрыла лицо руками — не хотелось, чтобы Аннабель увидела, как я реву. Прогнать мышонка у меня не хватало духу. У неё и так глаза на мокром месте, а выгони, она и вовсе разревётся. Неожиданно горячие ладошки девочки обхватили мои запястья, и я опустила руки. С серьёзным выражением на личике она стояла вплотную ко мне, и я постаралась выдавить из себя улыбку.

— Не беспокойся, мышонок, со мной всё в порядке, — я усиленно захлопала ресницами. — Блин! Что-то в глаз попало...

— Не плачь, Мари, ведь Рени обещала, что с ней всё будет хорошо.

— Конечно, если наша мама так сказала, значит так и будет. У нас нет оснований ей не верить. Извини, просто я немного испугалась. Ведь на деле терять близких... — от спазма в горле мне на миг перехватило дыхание, — так непросто.

— Я знаю, — участливо сказала девочка и спросила: — Мари, а ты совсем не помнишь своих прежних родителей?

— Merde! Прости, мышонок! — спохватилась я. — Ведь ты ещё не забыла о своих кровниках. Нет, я ничего не помню из прошлой жизни, и никто из нас не помнит, пройдя полную инициацию.

— А ты думала когда-нибудь о настоящих маме и папе? Может, они тоже тебя любили и плакали, когда ты исчезла?

— Видишь ли, невозможно сожалеть о том, чего не помнишь, — осторожно подбирая слова, ответила я. — В любом случае, будь у меня любящая человеческая семья, я бы не вернулась... не удивляйся, мышонок. Ведь эмоциональные связи в семье вампиров гораздо крепче. Ты поймёшь, о чём я говорю, когда окончательно станешь одной из нас. Конечно, мне не с чем сравнивать, но я вижу каковы взаимоотношения в людских семьях. Такой привязанности, как у нас, вампиров, у них нет. Правда, у всего существует своя обратная сторона, и боль одного из нас отзывается болью во всех членах вампирской семьи, вызывая ощущение внутренней дисгармонии. В этом наша сила и наша слабость. В общем, как я уже сказала, поймёшь, о чем я брежу после инкубационного периода.

— А я до сих пор скучаю по дому, по своим родителям и брату. Правда, уже не так сильно, как после катастрофы. Кажется, я начинаю их забывать, — сказала девочка. Она всхлипнула, но не заплакала. — Когда меня привезли сюда, и я узнала, что нахожусь у вампиров, я очень испугалась. Вы мне показались такими страшными и такими красивыми, совсем как настоящие вампиры в фильмах. Я боялась, что вы меня убьёте, разорвёте горло, или высосете всю мою кровь, и я умру. Потом я стала понимать, что вы не чудовища, а просто другие люди. Я видела, что вы хорошие и мне ужасно захотелось стать одной из вас, и чтобы вы меня тоже полюбили, как я полюбила всех вас, — она помолчала, — даже его, хоть он меня ненавидит.

— Вот увидишь, со временем отец тебя тоже полюбит, — виновато сказала я. — Не

обращай внимания на его рыки, сейчас ему очень тяжело. Он сутками ищет лекарство, надеясь спасти нашу Рени. Понимаешь, как тяжело знать, что от тебя зависит жизнь близкого человека, а ты не в силах ему помочь?

— Думаю, да, — прошептала девочка и опустилась на пол у моих ног.

Обняв меня за колени, Аннабель положила на них голову и я, растроганная её доверием, провела ладонью по её волосам. «Эх ты, глупый мышонок, ты ещё не знаешь, что ждет тебя впереди», — с тревогой уже за неё подумала я.

Стоило закрыть глаза, и в памяти тут же вспыхнула ужасная картина. Унизительная беспомощность и страх. Боль и искажённое похотью лицо мужчины-насильника. Оно исчезло и появилось лицо красивой женщины с горящими ненавистью глазами. В руке у неё плетка. Схватив за волосы, она хлещет меня так, что от тела отлетают куски кожи с мясом. Как затравленный зверёныш, я захожусь в животном визге. Но снисхождения нет. В какое-то мгновение боль переполняет меня до отказа, становясь непереносимой, и я теряю сознание... Твари!

Потом возникло другое воспоминание. Я бегу, бегу долго, от усталости сердце колотится уже где-то в горле, пересохший рот переполнен горечью. Сдирая руки в кровь, я лихорадочно карабкаюсь по крутым скалам... И всё напрасно. Вновь чувство безнадежности, которое перебивает даже чувство голода, хотя они оба — мои постоянные спутники в ужасных воспоминаниях. Я привязана к дереву так высоко, что ноги не достают земли. С улыбкой на красивом лице ко мне подходит высокий гибкий мужчина. Достав кинжал, он слегка подрезает мне сухожилия у щиколоток и достает плетку. От боли хлестких ударов я захожусь в безумном крике. Правда, он избивает меня не так жестоко, как женщина...

Ещё одна картинка в череде ужасов. Я стою над трупом женщины, которая столь безжалостно меня била. Она мертва, и я знаю почему — потому что у этой твари нет сердца. В кровавой мешанине на её разодранной груди кое-где белеют кости. Я перевожу взгляд на свои руки и вижу, что они по локоть в крови и в них трепещущий кусок свежего мяса. На приличном расстоянии вокруг меня столпились несколько человек... или вампиров? В их яростных криках звучит животный ужас и плещется жуткая ненависть в глазах, но никто не решается подойти. С безумным смехом я подношу вырванное сердце к губам и вгрызаюсь в него зубами, а затем раздаётся выстрел. Я ощущаю горячий удар в плечо, и по нему расплывается кровавое пятно. Поднимаю голову — напротив горящие всепоглощающей ненавистью глаза на перекошенном по-вампириски красивом лице... Вот тут кто-то резко хватает меня за руку и тащит за собой. «Не стой столбом! Беги, дура! Они же разорвут тебя на мелкие кусочки!..»

— Не-е-т!!! Не хочу думать об этом! Забыть! Приказываю забыть! — закричала я.

Меня трясло как в лихорадке, сердце бухало как паровой молот. Господи, какая мерзость!

— Мари, ты чего? — встревожено вскинулась девочка.

— Все нормально, малыш, — хватая ртом воздух, не сразу выдавила я из себя.

— Ничего, ничего! Всё нормально! Просто одолели тяжёлые воспоминания, — пробормотала я и постаралась улыбнуться. — Говорят, что во время кровавого бешенства у фениксов иногда появляются очень яркие галлюцинации. Вот и мне привиделось кое-что из этого разряда.

Да, что-то в последнее время совсем замучили жестокие видения. Иногда мне кажется, что они — это просто бред воспалённого мозга во время кровавого бешенства, слишком уж

необычно выглядят мои мучители. Я не могу поверить, что надо мной так издевались сородичи-вампиры. Впрочем, иногда мне кажется, что все случившееся происходило на самом деле. В этом случае меня посещают мрачные мысли, и мучает жуткое беспокойство. Я мечтаю разузнать, где живут эти подонки и тогда им мало не покажется.

Я найду их и вырву каждому мерзкое сердце из груди!

О нет! Быстрая смерть не для этих мерзавцев!.. Я медленно выгрызу их сердца зубами. Хочу видеть страх в их глазах, хочу чувствовать боль их тел! Хочу, чтобы они доставили мне несказанную радость и наслаждение своими муками. Око за око! Ведь они столько лет наслаждались моими муками!.. Лет? Не может быть! Инициация длится не более года. Пат.

Смущает ещё одно обстоятельство. В жизни я никогда не видела таких высоких вампиров и это утешает. Значит, мои видения просто галлюцинация. Ведь я далеко не карлица.

«Слава богу! Все равно лучше не думать об этом, а то опять напугаю ребёнка, — я постаралась взять себя в руки. — Господи! Неужели нечто подобное ждёт и Аннабель — такую маленькую и хрупкую? Ну, нет! Клянусь, я не потеряю вас обеих! Похоже, Рени уже не спасти, иначе отец не опустил бы руки и не ходил за ней как привязанный, бросаясь исполнять любое её желание. В общем, если с мамой от меня никакого толку, то уж с тобой, мышонок, я ничего не пушу на самотёк. Я присмотрю за тобой, чего бы мне это ни стоило. И пусть все Штейны катятся к чертям, если им это придётся не по вкусу», — твёрдо решила я.

— Эй, малявка! Ты уснула? Пойдём, что ли взбодримся, посмотрим очередную порцию Слайерс? И вообще, у нас целая куча аниме, хоть всю жизнь из них не вылазь.

Мари. Кажется, предстоит сватовство, ой, что-то будет!.. Интересно, что?

Время шло, а я всё ещё не сказала Мике о предстоящем визите Реази. Поначалу я откладывала разговор под тем предлогом, что впереди ещё полно времени и не стоит портить себе выходные. Затем настал понедельник, по определению тяжёлый день, а вот во вторник у меня начались ломки. Откладывать разговор было больше нельзя. Если отец согласится, меня убьёт Рени за то, что я оставила ей слишком мало времени на подготовку. Даже ужины в узком семейном кругу у неё это полноценные приёмы. «Положение обязывает, — говорит она и, улыбаясь, добавляет: — К тому же для женщин нашей семьи это повод блеснуть красотой и драгоценностями». Для меня приёмы — сплошной кошмар и, когда есть такая возможность, я линяю, правда, не всегда удаётся отвертеться и тогда начинается тягомотина со сборами. Но Рени любит гостей, правда, она очень привередлива в их выборе, потому они бывают у нас не часто, за что я ей жутко благодарна.

В общем, ближе к вечеру, ожидая прихода Мики, я уже вся извелась. Потому даже обрадовалась, когда услышала, что хлопнула входная дверь.

Гадая, в каком настроении отец, я вышла навстречу. Интересно, он с ходу пошлёт меня с идеей пятничного ужина, попутно живописав, какая я бессердечная поганка, или только одарит мрачным взглядом, а об остальном предоставит догадываться самой? Чёрт знает что! И куда только подевался наш сдержанный и спокойный глава семейства?

«Ну, нельзя же, чтобы у тебя так шпормило настроение. Совесть надо иметь, не один ведь живёшь», — отчётливо подумала я, завидев отца, а вслух сказала:

— Привет, *papa!* Есть будешь?

Он не ответил, а я не удивилась. В последнее время такое часто происходит. Эдакий новый стиль общения детей и родителей, кажется, он называется «разговор со стенкой».

Отец сел на диван и нахохлился как больной сокол. Правда, спустя некоторое время он всё же заговорил со мной.

— Где Рени? — спросил он невыразительным голосом.

— Сказала, что хочет отдохнуть, и даже не стала ужинать, — наябедничала я, воспользовавшись случаем.

Он нахмурился, но ничего не сказал.

— Что, совсем всё плохо? — не выдержала я, впрочем, не ожидая ответа.

— После инициации феникса, лечение уже бесполезно, — вдруг произнёс Мика и печально глянул на меня. Глаза у него были под стать голосу, тоскливые и неживые, будто ледышки или зелёное бутылочное стекло. — Процесс разрушения пошёл просто вскачь, ничем не могу его остановить, — пожаловался он.

Присев рядышком я обняла его и чмокнула в щеку.

— Понимаю, каково тебе сейчас, и мне тоже очень больно, причём вдвойне. Пойми, у меня душа болит за вас обоих, я очень вас люблю, родители. Вот потому хочу сказать, давай-ка ты прекращай киснуть. Хочешь выставить её из дома раньше времени?

— А ты откуда знаешь о поиске? — встревожился отец. — Это она тебе сказала?

— Нет, конечно, — вздохнула я. — Как будто вы мне что-нибудь говорите.

— Опять подслушивала?

— Ага! — созналась я. — Всю информацию приходится добывать самой. Живу как партизанка в родном доме.

Удивительное дело, но отец впервые улыбнулся и потрепал меня по щеке. Терпеть ненавижу, когда он так делает! Сразу ощущаю себя комнатной собачонкой. Ладно, ввиду чрезвычайного положения в доме, так и быть, кусаться не буду.

Мика покосился на меня — вот зараза! — и усмехнулся. Zut![1] Терпеть не могу фокусы старших! Всё время такое чувство, что у меня прозрачная голова, и они видят мои мысли насквозь.

— Спасибо, детка, думаю, ты права. Что-то я совсем захандрил, а это не дело хоронить нашу Рени раньше времени, — он пристально посмотрел на меня. — Так о чём ты хочешь со мной поговорить?

Я помедлила, собираясь с духом. Конечно, сейчас не до для дурацких визитов, вот только есть такое гадкое чувство, что Ник не даст мне отвертеться от задуманного им ужина.

— Даже не знаю, как сказать... в общем, один знакомый парень напросился к нам в гости, типа он хочет семейный ужин, и я сдуру пообещала.

— Звучит интригующе. Собираешься представить нам своего жениха? — слабо улыбнулся Мика.

— Нет-нет! Боже упаси, только не это! Честное слово, он сам напросился! Я его почти не знаю, но Реази, фигурально выражаясь, вывернул мне руки, требуя этот семейный ужин, — я глянула на отца не зная говорить ему или нет, но затем решила. — Знаешь, *rara*, он очень странный парень. Говорит, что учился вместе с нами, но я не помню, чтобы встречала его в Академии. При этом Соня с Иваном утверждают, что они с ним знакомы. Не понимаю, как такое возможно, ведь я знаю всех их знакомых, — выпалила я и воодушевилась, заметив, что на лице Мики появился интерес.

— Говори!

— Думаю, Реази не тот, за кого себя выдаёт. И вообще, есть в нём что-то такое... — я замямлась, подбирая слова. — Даже не знаю, как это объяснить... я же своих сверстников

знаю, а он какой-то не адекватный, ведёт себя так, будто все обязаны падать перед ним ниц. Короче, эдакий китайский мандарин.

— И что, его слушаются? — быстро спросил Мика.

— Да, — ответила я и сама этому удивилась. — Ещё как слушаются! В штабе парень бросил бумажку мимо урны, так он велел ему поднять и тот даже ничего не вякнул в ответ, а сходил и поднял, хотя был старше Ника званием.

— Очень интересно! Что ещё ты знаешь об этом парне?

Я пересказала всё, что знала и заодно про свои подозрения, что Реази может читать мысли и мне сразу же полегчало. Пусть теперь Мика разбирается с ним, а я пас.

— Что скажешь насчёт ужина? — поинтересовалась я в заключение.

— Когда он собирался прийти? — спросил Мика, о чём-то усиленно размышляя.

— Просился в эту пятницу на девять вечера, точнее приказал.

— А сегодня у нас вторник, значит, время ещё есть. Хорошо, мы организуем ужин твоему парню.

— Никакой он мне не парень! — запротестовала я.

— Да? — удивился Мика. — Милая, а как же драка в автобусе? Говорят, она была из-за тебя.

«Ah, mince! Даже отцу уже донесли! Зуб даю, что это Штейн! У этого Ледяного тигра язык как помело!» — возмутилась я про себя.

— Оперативно у тебя службы работают, — заметила я кислым тоном.

— Если у кого язык, как помело, так это у тебя, милая. Меньше изводила бы парней, тогда и драк между ними было бы меньше. Тебе их что, в Академии не хватило?

Я возвела очи горе.

— Ты и там следил за мной?

— Нет, только присматривал.

— Ладно-ладно, всё ясно, можешь не оправдываться. Э, нет! Куда это ты собрался? Мой руки, и садись за стол! Я с тебя с живого не слезу, пока ты у меня как следует не поешь, — сердито сказала я и, отловив отца почти на выходе из кухни, где в последнее время тусовалась наша семейка, потащила его к мойке. — Никуда ты не пойдёшь! Мой руки здесь, чтобы я тебя видела. После вчерашнего бегства ты вышел из доверия. Да-да, уже дрожу от страха! Но ужинать ты у меня будешь.

Диалог высоким стилем, где Бог — это любовь

В спальне, где поживает прекрасная женщина, царят вечерние сумерки и тишина. В открытое настежь окно врывается порывистый ветер, он скручивает лёгкие светлые шторы в причудливые фигуры-призраки. Лунный свет, пробиваясь сквозь тёмные тучи, придаёт им некое подобие жизни. В полумраке комнаты они пляшут и кривляются в своём безумном танце. И тут на их фоне возникает силуэт мужчины. Он бесшумно скользит к кровати и... тишину спальни нарушает слабый шорох одежды.

***

— Я не сплю, можешь не красться, как загулявший кот, — с улыбкой в голосе сказала Рени. Она подвинулась и похлопала по кровати. — Ложись тут, я согрела тебе местечко.

— Как загулявший кот? Не имею такой привычки, милая. Это ты у меня своевольная Кошка, которая гуляет сама по себе. Надеюсь, без загулов на сторону? Не смей лукаво смотреть на меня, а то я не посмотрю, что ты на грани и устрою тебе хорошую трёпку. Вовек не забудешь!

— Как ты мог такое подумать? Фи, кто бы ещё рвался в загулы!

— Правильно, девочка! Даже не мечтай об этом...

— Бедный мой ангел! Зря ты ревнуешь. Ведь ты же для меня — Ми-Ка-Эль[2]. Для меня есть только ты, любимый. Я никогда не покину тебя.

— Лживая Кошка, думаешь успокоить меня сладкой ложью?

— Так прими мою любовь и сладкую ложь в придачу. Зачем тебе, моё сердце, горькая правда?

— Из твоих рук, милая, я приму хоть яд. Только прикажи! Зачем мне жить без тебя?

— Глупости говоришь, мой ангел! Я знаю, ты хочешь жить и это правильно. Я тоже хочу, но не могу.

— Неправда! Я готов уйти вслед за тобой!

— Дурачок, ты ничего не перепутал? Мы же не ацтеки, и даже не индусы, чтобы приносить себя в жертву умершим, и насколько я припоминаю, даже мужчины-индусы не совершают самосожжения, чтобы уйти вслед за умершей женой. Обряд сати предусмотрен только для женщин. К тому же, мой милый, у тебя полно обязательств перед другими людьми и обществом в целом, и сбежать от них за грань — это уже граничит с трусостью. Мика, дай мне слово, что не натворишь глупостей!

— Хорошо, милая, не нужно беспокоиться. Хотя на самом деле мне нужна только ты, моя любимая Кошка.

— Я знаю, мой ангел, и до последнего мгновения моё сердце будет с тобой.

— Кошка, поклянись всем святым, что ты не бросишь меня, поклянись девочками!

— Клянусь! Верь мне, Мика, я никуда не уйду. Я буду с тобой до последнего мгновения, до последнего дыхания!

— И почему я не верю твоим словам?

— Наверно потому, что ты старый зловредный вампир, в духе тех мрачных голливудских персонажей, никому не веришь, даже себе, но я клянусь прародительницей Бастет, любимый! Где бы я ни была за гранью, однажды в вечности я найду тебя. Устав от одиночества и усмирив гордость, я встану на колени у врат рая, на страже которых ты стоишь. Я буду просить тебя, как нищие, умирая от голода, просят кусок хлеба на паперти. Нет! Я буду униженно умолять о величайшей милости. Я возоплю, падая ниц: «Подари мне крупицу своей любви! О, Михаэль, Страж Бога у ворот рая! Пусти меня к себе в душу, эти ворота и моего рая! Без тебя, душа моя, я буду вечно скитаться неприкаянной тенью в мире теней! О, Михаэль, Страж Бога у ворот рая!»

— Рени, Кошка моя любимая! Плохой из меня архангел... По Ветхому завету, я должен быть всесильным целителем, а на деле...

— Всесилен только Господь, любимый! А нас пусть хранит любовь, она никогда не померкнет в моём сердце... Милый ангел! Не надо плакать, а то я сейчас заплачу вместе с тобой... Не нужно слёз, боль от потери со временем утихнет...

— Не хочу скрывать своих слёз, родная! Я хочу, чтобы ты знала, как я тебя люблю!

— Спасибо, любимый! Слёзы твои сияют алмазами в сердце моём! Они дороже всех сокровищ мира!

В спальне, после яростной вспышки жизни, опять воцарились тьма и тишина.

Огонь истинной любви, так долго тлевший в их душах, в преддверии вечности, вспыхнул ярким всепоглощающим огнем. Взметнувшись до небес, он сжёг в своём яростном пламени всё мелкое и ничтожное, что так долго разъединяло их души: недоверие с непониманием,

недомолвки с боязнью неприятия. Преграды пали и больше ничто не мешало полному слиянию сердец.

Аллилуйя! Возрадуйтесь, боги! Вам опять удалась ваша непростая работа. Мир, созданный вами, в этот миг стал лучше. Ведь Бог — это любовь!

Я бесценного подарка, слизываю соль,

Твои слёзы на губах, что уносят боль.

Я не знаю, что оставляю в этом мире,

Сделав в вечность шаг.

Знаю только, что с собою унесу я

В беспросветный мрак.

Из груди я вырву сердце,

Если что не так,

Вспыхнет свет его кровавый на моих руках

И в душе твоей печальной,

Он рассеет мрак.

Я бесценного подарка, слизываю соль,

Твои слёзы на губах, что уносят боль.

Мари. Полиция моды, или ужасы женского шопинга

Хотя Рени периодически покупает мне дизайнерские шмотки, у меня они не задерживаются. Ведь их ещё нужно уметь носить. К тому же все эти дизайнерские навороты моментально выходят из моды. И поскольку дважды в одном и том же платье на приёме не появишься, а то засмеют, я быстро избавлялась от своих шикарных нарядов. Обычно сдавала их обратно в салон, а если по каким-то причинам не брали, просто раздаривала. Поэтому в моём гардеробе оседали лишь любимые вещи: свитера и пальто на Гулливера, безразмерные топики и джинсы, растоптанные и оттого жутко удобные кроссовки и тряпичные туфли. Ну и прочее в том же духе. Вот только все эти вещи отчего-то не нравились моим близким.

Вообще-то я не настолько бесталанная в области вкуса и могу заценить стиль в одежде, но только видя её на других, а что касается себя любимой, то тут полный швах и куриная слепота. Что ни куплю, Соня как увидит, так сразу же хватается за голову. После примерки дома, как правило, до меня доходит, что это жуть. Да и Сонька тоже хороша, только и слышишь от неё: «Зай, не сердись, но *в этом* у тебя вид как у попугая в период линьки», или ещё лучше: «Палевская, ты и так оглобля, а в платье с вертикальной полоской и вовсе смотришься Эйфелевой башней». Такие комментарии, естественно, отбивают всякое желание покупать себе обновки. А нет практики, значит, нет умения.

В общем, поскольку предстоял торжественный ужин, и требованием наглого гостя было наличие вечернего платья, придётся сдать на милость Сони, чтобы не беспокоить Рени. Впрочем, до сих пор не понимаю, чем вечернее платье отличается от платьев на другое время суток, но тут уж я железно полагаюсь на любимую подругу. Представляю, как обрадуется Беккер! Она уже давно точит на меня зуб и мечтает вытащить в поход по магазинам, но я стояла насмерть. Мне за глаза и за уши хватило одной прогулки с ней в Париже. Уж на что мы, вампиры, крепкий народ, но я легла трупом после нашего совместного шопинга, а главное, у меня потом неделю рябило перед глазами от кучи тряпок и сопутствующих им аксессуаров, а в ушах звенели голоса продавцов. Брр! Но делать нечего. Нужно держать марку семейства Палевских.

Соню я нашла в обществе Ладожского. По-моему, они теперь днём и ночью вместе. Ох,

не дело это! Совсем не дело! Не понимают соколики, что так они быстро надоедят друг другу. Ну так, а верные друзья на что? Я выдернула подругу из объятий её рыцаря, в котором наконец-то проснулась совесть, и потащила в магазин, покупать мне вечернее платье.

Ха! Скорей уж это Беккер поволокла меня по многочисленным торговым центрам! Несмотря на моё нытье и зверские взгляды, мы долго болтались от одного бутика к другому пока не остановились на одном, который чем-то приглянулся Соне.

И тут я увидела *его* — пышное платье из чёрного переливающегося шёлка! О, такое божественное великолепие я не могла пропустить! Не слушая возражений Сони, несущихся мне вслед, я тут же схватила платье и побежала с ним в примерочную кабину. Но оказалось не так-то всё просто: шёлковое чудо ни в какую не хотело меня признавать. Несколько минут я сражалась с ним, а оно так и не оставило попыток уползти от меня. Дело в том, что приглянувшийся мне наряд с пышным подолом и лифом без бретелек оказался чрезмерно скользким. На месте его мог удержать только очень солидный бюст, а я всё же не Памела Андерсон, хоть плоскогрудой меня тоже не назовёшь и, вообще-то, мой 70 В меня вполне устраивает.

Беккер посмотрела на мои мучения, а затем вздохнула и, подойдя, расстегнула молнию на спине. Платье тут же воспользовалось случаем и шёлковой лужицей растеклось у моих ног.

— Эй, ты что делаешь? Оставь, оно мне нравится! — запротестовала я и пояснила: — В нём я выгляжу, как королева Мэг, такая же загадочная и величественная.

Но подруга не прониклась моим фэнтезийным настроением.

— Горе моё! Ты выглядишь, как огородное чучело, обряженное в бабушкин наряд, только ворон и соломенной шляпы для полноты картины не хватает.

— Может, его можно как-то подправить, и оно не будет сваливаться? Грудь-то мне точно не успеть отрастить, даже силиконовую.

— Нет, ты этот ужас не купишь, только через мой труп, — Соня посмотрела на лейбл платья и презрительно фыркнула. — Надо же, на этом барахле значится, что оно от известного кутюр. Зай, посиди здесь, я сейчас, — с этими словами она исчезла из кабинки, унося с собой мою мечту выступить в роли прекрасной королевы Мэг.

Расстроенная (платье прям-таки прикипело мне к сердцу) я села на бархатную зелёную скамью. Правда, вазочка, заполненная конфетами, несколько утешила меня. Ждать пришлось довольно долго, и когда Беккер наконец-то появилась, от конфет осталась только горка пёстрых фантиков.

Довольная как удав, Соня влетела в кабинку, держа перед собой целый ворох разноцветного тряпья. Шопинг был ей к лицу, щёки разругались, будто с мороза, синие глаза оживлённо сияли. По виду вылитая Снегурочка, которая сумела-таки заполучить своего Леля.

— Вот, пока только это! Понимаю здесь немного, но сейчас примерим и определимся с твоим стилем. По-моему, тут есть вполне приличные вещи, — деловито сказала она и нетерпеливо воззрилась на меня. — Зай, подъём! И прекрати строить козы рожи! Как ты любишь говорить: раньше сядем, раньше выйдем.

— Что верно, то верно! — вздохнула я и потянула за хвост нечто розовое в серую полоску. — Это что? Где у этого сооружения зад и где перед?

— Одно напротив другого!

— Ясно. Может, заодно подскажешь, где тут верх, а где низ?

— Живо одевай!

— Так точно, мэ! — я нехотя свинтилась со скамьи и, глядя в зеркало, приложила к себе уголовный наряд кукольной Барби. — По-моему, не очень, а? Сильно смахивает на пижаму.

— Не выдумывай! Одевай.

— Ладно, ладно! Только не нервничай.

И тут, заинтересованная нашей перепалкой, а может, просто по долгу службы в кабинку зашла продавщица. Вопреки стандартам выпендрёжных бутиков это была невысокая полненькая девушка. Магази́нная униформа ей не шла, макияж был неумелым и слишком ярким для дневного времени, туфли на высоченном каблуке явно жали, отчего на ступнях образовались отечные валики. Короче, я сразу поняла, что это родственная душа.

— Вам помочь? — спросила девушка, участливо глядя на меня.

Голос у неё был приятный и вообще, чувствовалось, что она из интеллигенции.

— О да! — радостно воскликнула я, но тут вмешалась Беккер.

Обернувшись, она смерила несчастную продавщицу таким надменным взглядом, что та покраснела как сеньор Помидор и, пробормотав что-то невнятное, ретировалась из примерочной кабины.

Не выдержав, я хрюкнула. В этом была вся Сонька. Она у нас, конечно, вся из себя либералка, но обслуживающему персоналу лучше помнить своё место и не переступать черту.

— Ну и что тебя так рассмешило? — высокомерным тоном спросила любимая подруга, но у меня не забалуешь.

— Беккер, а по башке хочешь? — осведомилась я и состроила ей в ответ ледяную мину, позаимствованную у Мики.

Сонька аж поперхнулась и замахала руками.

— Ой-ой! Зай, сейчас же прекрати! Вы точно не кровники с Михаилом Яновичем?

— То-то же! — довольно сказала я и пожала плечами. — Нет, насколько я знаю.

— А такое чувство, что ты ему родная дочь, — заметила Соня и сунула мне в руки следующее платье. — Ну-ка, примерь это.

— Слушай, а чего ты окрысилась на девчонку? — поинтересовалась я и не преминула добавить: — Тебе не стыдно? Ведь ты же у нас защитница угнетённого человечества.

— Причём здесь человечество и эта неряха? — раздражённо спросила Соня, которой пришлось не по вкусу моё напоминание о происшествии в парке и её пацифистском выступлении. — Терпеть не могу, когда домашние курицы выползают на люди чуть ли ни в халате и тапочках на босу ногу, — сказала она с презрением в голосе.

В негодовании она даже не вспомнила, что платье ещё не меряно и выдала мне нечто зелёное и трубчатое. Я попыталась в это втиснуться. По-моему, Сонька чего-то перепутала, и это все-таки было не платье, а чулок большого размера, точнее гетры, в количестве одной штуки.

— Послушай, Беккер, помнишь, как нас гоняли по пещерам? Так вот... была там парочка лазов... протиснуться в них было проще, чем в это платье... Фу! Победа! — облегчённо выдохнула я, всё же каким-то чудом ввернувшись в матерчатую трубу.

— Да нет проблем! — спокойно отозвалась эта поганка. — Снимай, если оно тебе не нравится, у нас есть масса других. Вот посмотри, просто замечательный синий костюмчик. Думаю, он тебе подойдёт.

— Садистка! Ты специально подождала, когда я нацеплю этот мерзкий чулок? — завопила я и, извиваясь всем телом, начала выкручиваться из зелёного ужаса, который, в отличие от платья королевы Мэг, не желал расставаться со мной.

После полутора часов непрерывных издевательств надо мной Беккер наконец-то сжалилась и я, страшно обрадованная, побежала расплачиваться за покупки.

— Слава богу! Едем домой? — спросила я, вернувшись.

— Что? Мари, ты в своём уме? А туфли, а бижутерия, а косметика? Да и белье не мешало бы посмотреть, — заявила моя любимая, но очень и очень упёртая подруга.

После чего я издала стон, которому, наверно, позавидовали бы все подкроватные страшили на свете и в придачу знаменитые бурлаки на Волге.

— На все сто уверена, что у тебя по генетической линии одни садисты в родственниках числятся! Один твой папочка Макс Беккер чего стоит!

— А у тебя в роду, если судить по тебе, одни ленивцы, — не осталась в долгу Соня. — Поясняю для тех, кто забыл зоологию, ленивцы — это такие мохнатые звери, у которых от лени зелёная ряска на шкуре произрастает. Давай не мешкай! Нам на третий этаж. Вперёд и с песнями! В кои-то веки ты попалась мне со своим гардеробом, поэтому даже не надейся, не вырвешься!

---

[1] Zut! (фр. яз.) — Чёрт!

[2] Ми-Ка-Эль — кто как бог.

ГЛАВА 26. Стильный наряд подружки ничем не хуже жилетки, если нужно поплакаться

Воспользовавшись отсутствием Сони, Иван, сидя за компьютером, увлечённо гонял новую версию игрушки «Counter Strike»[1]. Вот уже после падения вертолёт, на следующем уровне пройдено без потерь мимо нескольких террористов. Да примет Аллах их души! Он под завязку «затарился» минами и патронами, и вышел на randevу с членом своей команды. Мелодичное чириканье входного звонка отвлекло его буквально на мгновение, и он тут же получил пулю от снайпера.

Досадливо чертыхнувшись, Иван направился к двери.

— Здравствуй, Ник, ты чего так рано? — удивился он, глянув на часы. До дежурства оставалось ещё два часа с хвостиком.

— Я тебе помешал? Тогда я пойду...

— Заходи, всё нормально! Что-то случилось?

— Нет, просто решил заглянуть в гости.

— Даже не знаю, что на это сказать, — усмехнулся Иван, пожимая руку гостю. — Разве что поблагодарить за оказанную честь.

— Да не стоит, — отозвался Ник с таким видом, будто его визит — это действительно милость и, не дожидаясь приглашения, пошёл вперёд.

— Проходи и будь как у себя дома, — пробормотал Иван, глядя ему вслед.

— Чем это ты занят? — склонившись, Ник с любопытством посмотрел на экран компьютера.

— Играю. В компьютерную игрушку.

— Отвратительная графика, — пальцы Ника с сумасшедшей скоростью забегали по клавиатуре. — Дерьмовая симуляция. Простенький алгоритм, отсюда абсолютно предсказуемые ходы персонажей. Интерес есть, если только сыграть вдвоём.

— Тогда давай сыграем, — предложил Иван, задетый презрением гостя к его игрушке.

— Давай! — согласился Ник. — Только я изменю функционал. Не возражаешь? А то будет слишком скучно.

— Хорошо, — согласился Иван с сомнением на лице. — А что это за флешка у тебя? Я таких никогда не видел.

— Дали на испытание новую разработку, — рассеяно ответил Ник и поднял голову. — Ну, сразимся или сразу признаешь поражение?

— Да ни фиги! Мы ещё посмотрим, кто проиграет. Ну-ка, подвинься, а то расселся, как у себя дома, — Иван глянул на экран, обретший 3D-эффект, и протяжно свистнул. — Это что за хрень?

— Конечно, сеттинг слабенький, но хоть какая-то видимость правдоподобия.

— Ого! Околоземные спутники, ракетные установки, биологическое оружие, куча спецслужб! А правила?

— Узнаешь по ходу дела. В принципе всё, как в реальном мире.

— ОК! Тогда начнём... О, ставки увеличены! Не банды, а правительства. Чур, я за красных! — воскликнул Иван, потирая руки.

— Священный предок тебе в помощь, — пожелал ему Ник и по его губам скользнула хищная улыбка.

— Думаю, не стоит отступать от традиционного сценария, — деловито сказал он и с подводной лодки в небо рванулась межконтинентальная баллистическая ракета с ядерной боеголовкой — Упс! Извини, авария на борту. Это был случайный запуск.

— Ври больше!.. Да что б тебя! Слава богу, ПРО не подвела!

— Молодец! Тогда лови следующий подарок.

— Так нечестно! Почему ты всё время нападаешь, а я защищаюсь?

— Киплинга читал? Это закон джунглей: сильнейший нападает, слабейший обороняется. Если можешь, переломи ситуацию.

***

После похода по магазинам девушки вернулись домой и, забросив покупки к Палевским, спустились на этаж Ладожских. Времени до дежурства оставалось всего ничего, а им ещё нужно было добраться до Казанского собора, где они по сложившейся уже традиции встречались со старшим группы Ником Реази, который жил в центре города.

Пока Соня рылась в сумке, разыскивая запропастившиеся ключи, Мари нажала на звонок, но никто не спешил открыть им дверь.

— Уснул он там что ли, сколько можно барабанить? Беккер, ты уверена, что Ладожский дома? Вдруг он решил, что мы уже не придём и ушёл один? — спросила она и в нетерпении закатила глаза. — Mince! Вам то что! А я, если снова опоздаю, то Реази заколотит меня в землю по самую маковку.

— Нет, Иван дома, — последовал уверенный ответ. — Я это чувствую, — добавила Соня, методично перебирая содержимое сумки.

Мари бросила скептический взгляд на склонённую голову подруги.

— Эмпат-растеряха! — буркнула она и, поскольку мобильник Ивана не отвечал, она снова нажала на звонок. — Похоже, Ванька действительно дрыхнет, отходя от ночных подвигов. Ну, ничего! Сейчас он у меня проснётся! Беккер, вот почему ты такая растеряха при всём твоём аккуратизме? Впрочем, можешь не отвечать, я и так знаю. Если бы у меня было бы столько барахла в сумочке, я бы тоже ничего не могла найти.

— Кто бы говорил! — фыркнула Соня. — В моей сумочке барахло хотя бы по делу, а у тебя там просто мусор, который ты никак не можешь выбросить.

— Неправда! Перед отъездом домой я перетряхивала содержимое сумки.

— Ну да, я помню. Ты не могла найти свой подарок Тьену.

— Зануда! Как только Ладожский тебя терпит? — перешла Мари на личности, и Соня весело глянула на неё.

— Любя, он терпит меня, любя! Понятно?

— Понятно! Как там ключи?

— В поиске.

— Ну всё, точняк, мы опоздаем.

— Не беспокойся, зай, я возьму вину на себя.

— Ха, так он тебе и поверил! И вообще, в очереди на раздачу оплеушных презентов я у Ника всегда самая первая. Особенно после того, как ты уже несколько раз пыталась меня отмазать. Чёрт, не знаю, как это получается, но вечно я опаздываю, — простонала Мари. — Наверно, в преддверии неприятного randevu и ожидания неминуемой взбучки моё подсознание упорно сопротивляется нашим встречам и ноги сами движутся в другом направлении. Потому по дороге на дежурство я и норовлю куда-нибудь свернуть, например, на выставку, в магазинчик или в кафешку.

— Фу, нашла! — радостно воскликнула Соня, держа в руках ключи.

— Dieu merci![2] — обрадовалась Мари и тут дверь открылась сама. — Ладожский, ты чем там занимался? Онанировал что ли? — напустилась девушка на приятеля.

— Всё-то тебе расскажи! — усмехнулся Иван. — Не понимаю, чего вы вообще торчали под дверью, когда она открыта.

Мари хлопнула себя по лбу.

— Merde! Из-за этого гада Реази у меня вылетело из головы, что вы частенько устраиваете день открытых дверей.

— В нашем доме, кроме вас и Беккеров, почти у всех двери не запираются, — заметил Иван.

— Ладожский, хватит болтать! — нетерпеливо воскликнула Мари и попыталась пихнуть его в сторону. — Пусти же нас, наконец! Мы в туалет, а ты пока собери нам поесть. Сонь, перестань меня щипать и смотреть зверским взглядом! У нас нет времени на твои политесы. Лично я не собираюсь шляться по городу с раздутым мочевым пузырьём и ссохшимся от голода желудком.

— Что ж, тогда у меня есть для вас приятная новость. Эй, Ник! Хватит прятаться! Тут девчонки так спешат к тебе на randevu, что чуть не затоптали меня в дверях!

Изумлённые девушки переглянулись. «Слава богу, хоть на этот раз ты не опоздаешь», — шепнула Соня, повернувшись к подруге, на лице которой застыло недоверчивое выражение. «Спорим, что он всё равно найдёт к чему придраться? — вздохнула Мари и уныло добавила: — Вот чёрт! Даже аппетит пропал». И действительно, при всём её оптимизме у девушки при мысли о встрече с Ником Реази настроение резко поехало вниз, — совсем как платье королевы Мэг, подумалось ей.

— Бедняжка! — пожалела Соня подругу и, ожидая появления запаздывающего Ника, достала из сумочки зеркальце и помаду.

— Что он там делает? — буркнула Мари и глянула вглубь квартиры. — Вы там на пару онанизмом занимались что ли? — она ухмыльнулась. — Или вам было что предложить друг другу... Ой, больно!

— Палевская, я тебя предупреждал, поменьше распускай язык, — раздался голос Ника и, возникнув рядом с Иваном, он озабоченно посмотрел на часы. — Нам пора. Нужно ещё добраться до центра...

— Тогда я скоренько! — сказала Мари и попыталась протиснуться между парней.

— Никаких скоренько! Вперёд! — приказал Ник и развернул её к двери.

Но не тут-то было. В знак протеста девушка уселась на пороге.

— Объявляю забастовку! Без захода в туалет и в кухню я никуда не пойду, — заявила она.

Для верности она легла на пол и сложила руки на животе.

— Между прочим, некоторые наглые морды могли бы пойти нам навстречу. Ведь это по их милости мы с Беккер остались без горшка и еды, — заявила она, глядя на старшего группы.

— Зай, замолчи наконец! — рассердилась Соня и виновато посмотрела на парней. — Вы не обращайтесь на неё внимания. После похода по магазинам она всегда такая.

— Пр-равильно, Беккер, говоришь, пр-равильно! — промурлыкала Мари. — Голодная и уставшая я всегда такая, — и резко повернувшись на бок, она злобно щёлкнула зубами. — А ещё я кусаюсь в таком состоянии! Реази, ты ноги мыл?

— А ты проверь, если рискнёшь, — ответил Ник и, усмехнувшись, отступил в сторону. — У вас ровно... — он посмотрел на часы, — восемь минут.

В следующее мгновение Мари уже была на ногах и тащила подругу за собой.

— Давай ты в ближайший туалет, а я в тот, что по пути в кухню, — распорядилась она и Соня с обречённым видом оглянулась на своего рыцаря, который прилагал невероятные усилия к тому, чтобы не рассмеяться.

— Она всегда такая дура? — резко спросил Ник, когда девушки исчезли в глубине квартиры.

Иван перестал улыбаться и смерил его изучающим взглядом.

— Реази, я не пойму, чего ты пристал к девчонке и постоянно измываешься над ней?.. Что ж, твоё дело, но мне это не нравится. Мари ничем не заслужила такое к себе отношение.

— Много ты о ней знаешь! — по лицу Ника скользнула мрачная тень.

— Не знаю, что ты там знаешь о ней, и знать не хочу. Мари — хорошая девчонка, и точка! Может, несколько взбалмошная и бестолковая, но на то она и девчонка. Так что будь мужиком и больше не доставай её! — видя, что хватил через край, Иван сбавил тон: — Извини, что резко, но я говорю, что думаю.

— Извинения приняты, — холодно отозвался Ник. — Но заруби себе на носу, тебя не касается то, что происходит между мной и Палевской.

— Если это касается Мари, значит, это касается меня! — запальчиво воскликнул Иван. — Как бы то ни было, прошлое есть прошлое и не дело тащить старые обиды в настоящее. Ни к чему хорошему это не приведёт.

— Ладожский, давай ты не будешь лезть туда, куда не просят и, вообще, твоё счастье, что я у тебя в гостях, — ровным тоном сказал Ник, но в его голосе прозвучала угроза.

Иван глянул на его лицо и понял, что лучше остановиться и больше не спорить.

— Чёрт с тобой! И всё равно ты зря доводишь девчонку, — буркнул он, злясь на себя.

Что-то такое было в его госте, что не давало ему с ним свободно общаться, не говоря уж о том, чтобы фамиллярничать.

Ник глянул на часы.

— Чего-то девушки слишком долго не идут, — сказал он нейтральным тоном.

— У них в запасе ещё восемь минут, — отозвался всё ещё сердитый Иван. — Девчонки все копуши и готовы торчать в туалете целую вечность. К тому же им нужно обмыть нам косточки, особенно тебе, — добавил он, видя, что гость ищет путь к примирению.

— Да? Палевская что-то рассказывала про меня?

— Ну да! Ведь ты сделал всё для того, чтобы она только о тебе и говорила, — злорадно ухмыльнулся Иван и поднял палец, к чему-то прислушиваясь. — Вот! — одобрительно кивнул он, когда из недр квартиры раздался разочарованный вопль.

— Беккер! Я тебя придушу! Почему у Ладожского нет жратвы? В холодильнике одна лишь ботва и вода!.. Проклятье! В буфете тоже хоть шаром покати! Ну, всё! Я не я буду если не нажалуюсь на тебя Вере Дмитриевне! Думаешь, она разрешит вам пожениться, зная, что ты моришь голодом её любимого сыночка?

— Зай, прекрати орать! — оттуда же донёсся недовольный голос Сони. — Некоторые продукты оказались просрочены. Я велела всё выбросить и продезинфицировать перед тем как делать новый запас...

— Боже! А я-то думаю, что это за вонь из буфета! — прогнусавила Мари.

— Ну всё! Хватит трепать мне нервы, у Ника они крепче, чем у меня. Идём, идём! Не

упирайся, или снова хочешь схлопотать выговор?

— Не пойду и не уговаривай! Реази снова будет пулять в меня зверскими взглядами. Вот посмотри на меня. Видишь, видишь? Нет, ты посмотри!

— Господи, зай, прекрати кривляться!.. Ладно, что именно я должна увидеть?

— Дырки, Беккер, дырки! Множество дырок в моей бедной шкурке. Это всё он, этот гад Реази. Вот видишь, из меня уже сыплется песок? Шур-шур! Шур-шур!

— Это крошки печенья. Ума не приложу, где ты его нашла.

— Уметь надо! — Мари захрустела найденным печеньем. — Ты отвлекла меня! — воскликнула она обвиняющим тоном.

— Твои причитания закончились на том, что из тебя сыплется песок...

— Yes, твоя правда! Из меня сыплется песок: медленно, но верно. Если дальше так пойдёт, то скоро я буду дырявая, как решето. Песочек весь просыплется и от меня останется одна лишь пустыньская шкурка, — с надрывом в голосе проговорила девушка и, играя на закулисную публику, громко всхлипнула. — Ладно, так уж и быть, подарите её царевне-лягушке. В качестве сменного платица. Может, оно ей пригодится. Вдруг Иван-царевич её бросит и ей придётся вернуться на болото.

— И зачем ей твоя дырявая шкурка?

— Как зачем? Будет в ней милостыньку просить: больше-то она уже ни на что другое не годится. Вот что ты ржёшь, Беккер? Совсем меня не жаль, да?

— Жаль, но ничем не могу помочь.

— Вот вечно ты так! К другим добренькая, а как родной подруге, так сразу ничем не могу помочь.

— Хватит ныть! Идём, а то ребята нас заждались.

— Ой да ладно! Заждались они! Наверняка уже спустились в гараж... ан нет, — вздохнула Мари, увидев, что их терпеливо ждут. Она ткнула пальцем в направлении Ника. — Что я говорила, а? Видишь, видишь! Уже прицелился, сейчас в моей бедной шкурке появится новая дырка.

— Не слушайте её болтовню. На этот раз у неё отравление заплесневелым печеньем, — пояснила Соня со смешком и взвизгнула, когда Мари, возмущённая её репликой, начала её щекотать.

— Палевская, прекращай свой балаган, — сказал Ник и снова глянул на часы. — Как вы смотрите на то, чтобы поесть в городе? — поинтересовался он.

— Ура! — завопила Мари и сделала вид, что лишь зверский взгляд старшего группы не дал ей повиснуть у него на шее.

Засмеявшись, она подхватила Соню под руку, и они направились к лифту.

Ник смерил её взглядом и привычно поморщился. Несмотря на то, что Палевский значительно увеличил дочери сумму карманных денег, в её облике ничего не переменялось: это по-прежнему была Пеппи Длинныйчулок.

— После дежурства доиграем? — спросил его Иван, когда они спустились в подземный гараж и отстали от девушек.

— Если хочешь, — ответил Ник и добавил: — Флешку можешь оставить себе.

— Вот спасибо! — воскликнул обрадованный Иван и, помедлив, добавил: — Ник, не парься! Может, у Мари плохо со вкусом, но тебя это не касается. Она тебе не лгала, у неё есть парень и она его любит.

Ник смерил его раздражённым взглядом, но ничего не ответил.

— Палевская, — окликнул он девушку, когда они уже сидели в машине, — у тебя два часа штрафных работ.

Мари возмущённо посмотрела на него.

— За что?

— За внешний вид. Он позорит наш народ, — пояснил Ник и его губы тронула улыбка, когда девушка отвернулась от него к окну. — Ещё час, — прозвучал его голос и в машине раздался дружный вздох.

— На этот раз за что? — спросила Мари, кипя от злости.

— За непочтительное обращение.

— И в чём оно выразалось?

— Ты не ответила, как положено по уставу.

— Понятно... так точно, сэр.

«Ну что? Пропало настроение разыгрывать из себя шутиху или ещё добавить штрафных часов?» — раздался мысленный голос, и девушка с независимым видом тряхнула головой. «Что там, продолжай развлекаться!» — ответила она и Ник усмехнулся. «Видела бы ты себя со стороны, поняла бы, какое жалкое зрелище ты из себя представляешь. И вообще, незачем так открыто демонстрировать, как сильно ты меня ненавидишь». Мари с изумлением посмотрела на старшего группы. «Ненавижу? С чего бы мне тебя ненавидеть? Конечно, я не слишком тебя люблю — что правда, то правда, но тут ты сам виноват...» — «Замолчи! — приказал Ник. — Своим гримасничаньем ты привлекаешь внимание Ладожского». — «Не я начала этот разговор, так что нечего затыкать мне рот!» — «Ты смеешь мне дерзить?» — «А что, за мысли ты тоже меня оштрафуешь?» — поинтересовалась Мари. «Почему бы нет?» — отозвался Ник и лениво проговорил вслух:

— Палевская, ты в курсе, что в штабе Объединенных кланов принято чистить туалеты силами особо провинившихся стажёров? Поскольку ты уже числишься в рядах злостных нарушителей дисциплины, могу и туда поспособствовать твоему трудоустройству уборщицей. Причём на длительный срок.

— Большое спасибо, но чего-то не жажду, — Мари тяжело вздохнула, борясь с обидой. — Твоими стараниями в штабе клана Волка меня уже и так принимают за штатную уборщицу. Слушай, какого чёрта ты ко мне привязался? У тебя что, свербит в одном месте, если ты не влепишь мне замечание? — вспыхнула она.

— Час, за оскорбление старшего по званию. Итого четыре. Ещё четыре и будет новое замечание в личном деле, — с садистским удовольствием заключил Ник.

— Вот говнюк! — буркнула Мари, и Соня поспешно зажала ей рот ладонью.

— Извините, Ник! Давайте сначала покормим её, хорошо? А то она сейчас не совсем адекватная.

— Хорошо, но только ради вас, Софи, — смягчился Ник, одобрительно глядя на порозовевшую девушку, что не укрылось от внимания её ревнивого рыцаря.

— Но-но, Реази! Поумерь свои аппетиты! — воскликнул Иван и выжал педаль газа.

— Оба вы гады: что ты, что Реази! — задушено просипела Мари, отброшенная на спинку сиденья. — Ладожский, с ума сошёл? Куда ты так несёшься? Беккер, отцепись от меня! Честное слово, я больше ничего не скажу!

— Конечно! Ещё слово и я придушу тебя, — пообещала Соня и дёрнула беспокойную подругу за ухо. — Ну-ка, отвечай! Будешь ещё нести всякую чушь?

— Ой, больно!.. Вот так да? Стоило Реази отсыпать тебе сомнительный комплимент, и

ты сразу же растаяла. Предательница!

Получив ментальную оплеуху, Мари возмущённо вскрикнула и уставилась на своего обидчика. «Ну-ка, прекращай распускать руки! Ты мне не наставник. Ещё раз ударишь и я всем расскажу, кто ты такой!» Ник ответил ей насмешливым взглядом. «Я и пальцем тебе на тронул...» — «Не прикидывайся!» — «Хорошо, рассказывай! Мне тоже интересно будет послушать... Ну, чего примолкла?» — «Пусть отец с тобой разбирается!» — резко ответила Мари и отвернулась к окну. Нику всё же удалось испортить ей настроение, и она промолчала всю дорогу. При этом она не увидела, что своей последней фразой основательно подпортила настроение и ему.

Но хуже всех пришлось бедной Соне, которая с самого начала взяла на себя неблагоприятную роль буфера и умышленно села между ними. В результате беспокойная пара так давила её своим раздражением, что к концу поездки у неё основательно разболелась голова.

— Слушай, если парень злится на девушку из-за внешнего вида, это что-нибудь да значит? — спросил её Иван, бережно поддерживая под руку при выходе из машины.

Соня глянула на ушедших вперёд Ника и Мари, которые шли рядом, но держались на приличном расстоянии друг от друга.

— Это означает, что он к ней не равнодушен, — от проявленного к ней участия головная боль резко пошла на убыль и девушка, прижавшись к плечу своего рыцаря, лукаво улыбнулась. — Вот если бы тебе было всё равно, разве ты заметил бы моё новое бельё?

— Да не вопрос! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнул Иван и пустил в ход свои немалые аналитические способности, вспоминая, что именно было надето на Соне: перед тем, как он её раздел. — Не знаю, как именно называется это полупрозрачное порно с кучей завязок по бокам, но оно тебе определённо к лицу. Жаль, что его хватило только на один раз.

— Да не вопрос! — передразнила его сияющая Соня. — На всякий случай я заказала несколько комплектов.

— Умница! — одобрил Иван беличью запасливость своей возлюбленной и с нежностью поцеловал её в лоб.

— Спокойно, Беккер! Это была всего лишь ностальгия по игре! — воскликнул он при виде кислого выражения на личике девушки. — Ну, я искупил свою вину? — спросил он, когда она отдышалась от следующего поцелуя.

— Полностью! — подтвердила Соня и, спешно подкрасив губы, потянула его за собой. — Идём скорей! А то нам влетит от Реази. Лично мне достаточно того, что ждёт меня в институтском штрафном изоляторе.

Обняв девушку за плечи, Иван бросил на неё заинтересованный взгляд.

— Что там такого? Может, расскажешь наконец?

— Ни за что! Не хочу, чтобы я у тебя ассоциировалась с этим кошмаром.

— Выходит, ты у меня мисс Синяя Борода, — задумчиво протянул Иван.

— Вот именно! А ты не знал? — поддразнила его Соня и он снова подивился тому, что когда-то считал её глупой и скучной.

— Пожалуй, ты права, мне не стоит совать нос в ваши медицинские дела, — сказал он и его взгляд упал на оживлённо жестикулирующую Мари. — О чёрт! Кажется, Машка отжила и снова собачится с Реази. Давай-ка догоним их, пока они не поубивали друг друга.

К счастью, старший патруля и девушка всего лишь выясняли, где именно им обедать.

Поскольку времени было в обрез, то победил Ник, и молодые вампиры направились к ближайшему кафе, которое показалось им приличным.

Возмущённая Мари ещё немного поворчала и успокоилась. При этом она невольно отметила, что кроме неё никто и никогда не оспаривает мнение Ника, даже Иван. С самых первых дней его авторитет был неоспорим. Если бы он не цеплялся к ней по поводу и без повода, то и она беспрекословно слушалась бы его указаний. Вот только Ник при каждой встрече с каким-то садистским удовольствием изводил её и штрафовал за малейшее нарушение дисциплины. Поначалу Мари жутко возмущалась, но за пару недель совместных дежурств он так её уел, что она уже почти не спорила, получая очередное незаслуженное наказание. Правда, временами она взбрыкивала, но больше из духа противоречия, и вопреки собственному здравому смыслу. Например, как сейчас, она настаивала на том, чтобы пойти в ресторан, который был довольно далеко от места автомобильной стоянки и до начала дежурства там им было бы не успеть поехать.

— Палевская, займи столик и закажи еду, пока мы моем руки, — распорядился Ник.

Мари вздохнула.

— Может, мы сначала сядем, и уж потом помоем руки?

— Отпущенная тебе льгота кончилась. Час штрафных работ, за пререкание.

— Да, сэр! — сдалась Мари и, уйдя вперёд, проворчала: — Вот паразит! Что б тебя черти взяли!

— Палевская, тик-так! Уже шесть часов на твоём счету! — догнал её возглас Ника и она, обернувшись, обиженно посмотрела на него.

— За что? Ведь я пожелала тебе долгой и счастливой жизни!

— За наглое враньё ещё час.

— Да пропади ты пропадом!

— Восемь часов штрафных работ и замечание в личное дело.

— Вот и замечательно! Можешь хоть сто часов нарисовать, мне плевать!

Соня вздохнула и состроила просящую мину.

— Ник, можно я пойду с ней?

— Хорошо, идите, Софи! Боюсь, ваша безмозглая подружка вряд ли сможет заказать что-либо стоящее и не стоящее тоже...

— Не беспокойтесь, Ник, я сама сделаю заказ, — пообещала Соня и улыбнулась Ивану, который украдкой ей подмигнул.

Дождавшись подругу, Мари сердито посмотрела на неё.

— Ну, предательница! Где тридцать сребреников, что заплатили тебе?

— Опять забыла карточки? — осведомилась Соня.

— Ну да, — призналась Мари. — Когда закидывали покупки, я по запарке выложила портмоне.

— Тогда почему сразу не сказала, что у тебя нет денег?

— Думаешь, приятно просить деньги, когда на тебе смотрят как на последнюю дуру?

— Тогда хорошо, что Ник разрешил мне пойти с тобой.

— Ну да! Он же такой догадливый, что просто жуть.

— Ты это о чём? — заинтересовалась Соня, почувствовав, что подруга чего-то не договаривает.

— Да так, ничего, — уклонилась Мари от ответа.

Конечно же, ей очень хотелось рассказать всё, что она знает о Нике Реази. И хотя тот

сразу же предупредил, чтобы она держала язык за зубами — иначе, мол, ей не поздоровится, но её сдерживали не его угрозы. Она хотела, чтобы сначала Палевский разобрался со странностями Ника Реази, прежде чем предавать их огласке.

Время было обеденное и в ресторане, отделанном в африканском стиле, оказалась масса посетителей, причём это всё была состоятельная публика. «Место здесь не проходное, да и крупных офисов поблизости не видно. Странно, что здесь такое скопление богатого народа», — заметила Мари. «Видимо, это завсегдатаи, которым нравится местная кухня», — предположила Соня. «Ну да, причём именно мужчинам, судя по их преобладающему количеству».

Девушки сели за столик, стоящий в самом центре зала, который, к их удивлению, оказался свободным. Правда, официантки в ярких нарядах, имитирующих африканский стиль одежды, не спешили принять у них заказ. Но с появлением Ника и Ивана к их столику сразу же подскочила худенькая улыбающаяся девушка и, извинившись за промедление, выдала им меню с логотипом ресторана на коричневой кожаной обложке, с тиснённым ярким узором. Когда она снова подошла к их столику и записала количество заказанных блюд, от удивления у неё поползли брови вверх. Но она быстро взяла себя в руки, повторила заказ и убежала в кухню.

Во время подачи блюд официантка была крайне любезна, то есть практически не отходила от стола, за которым сидели молодые вампиры. Во-первых, её радовала перспектива щедрых чаевых, во-вторых, уж очень красивы были её клиенты, даже девушки вызывали у неё неподдельное восхищение. Она исподтишка рассматривала блондинку, тихо завидуя её красоте и дорогому наряду. И всё же брюнетка нравилась ей больше, несмотря на неухоженный вид и непрезентабельную одежду. Может, потому что она была ей ближе по духу. Свобода и раскованность явно безбашенной девушки вызывали у неё чисто детское восхищение.

Мари тоже частенько посматривала на официантку, в которой ей чудилось что-то знакомое. Когда девушка убежала за очередными блюдами, она тронула Соню за руку.

— Слушай, она никого тебе не напоминает?

— Если бы у Рени среди людей осталась родная сестра-близнец, я бы сказал, что это она, — опередил Иван свою даму сердца.

— Близнец это преувеличение, но да, действительно похожа, — задумчиво проговорила Мари.

— Среди людей не так уж редко встречаются двойники, — Соня посмотрела на приближающуюся официантку и пожала плечами. — Конечно, что-то есть, но до твоей матери ей как до звезды. В Рени есть стиль, порода, а это обыкновенная дворняжка.

Ник тоже обратил внимание на официантку и на его лице промелькнуло удивление.

— Нет, это не дворняжка, — сказал он, но не стал пояснять свою мысль, и снова взялся за столовые приборы.

Пока молодые вампиры ели, в зале поднялся сдержанный гул. Поскольку дежурство уже началось, они были вынуждены опустить щиты и терпеть всеобщее внимание, хотя и до этого многие из посетителей поглядывали на них — кто с завистью, кто с восхищением. Не отставал от остальной публики и обслуживающий персонал ресторана. Как-то вдруг выяснилось, что здесь его довольно много. Мимо их столика зачастили официантки, которые, пробегая мимо, не отводили глаз от Ивана с Ником и по-идиотски улыбались.

Мари, которая с началом дежурства чувствовала себя не в своей тарелке, заметила, что

Иван периодически встряхивает головой, будто отгоняет от себя надоедливую муху. При этом Соня и Ник ели совершенно спокойно, не обращая внимания на людские эмоции.

Видя, что на них всё больше обращают внимание, Мари склонилась к подруге:

— Судя по ажиотажу в зале, мы сегодня слишком сильно фоним в ментале. Смотри, мимо нашего стола уже забегали не только официантки, но и посетительницы. Не нравится мне всё это. Если бы не мы, дамочки уже гроздьями висели бы на Ладожском с Реази.

— Приподними немного щит, — посоветовала Соня.

— Я уже пробовал, — вмешался Иван, — ничего не выходит. Если поднять барьер повыше, полностью перекрывается ментальное излучение.

— Mince, ты прав! Эмоции толпы будто корова языком слизнула, — Мари поморщилась. — А если вернуть щит на прежнее место, то аж звенит в ушах.

— В общем-то, мне тоже не слишком комфортно, — Соня прислушалась к себе. — Да, определённно! При том же перекрытии уровень человеческих эмоций явно выше нормы. Видимо, в ноосфере буря.

— Так недолго заработать себе головную боль. Когда так сильно фонит, между прочим, рекомендуют разделяться, во избежание эксцессов, — Мари выразительно посмотрела на старшего патруля, но тот даже ухом не повёл, — но, похоже, это только наша забота, — проворчала она и потянулась к принесённому официанткой десерту.

— Между прочим, если бы не мы, то вас бы тоже атаковали любвеобильные самцы, — заметил Иван и ехидно улыбнулся. — Машка, да ты сила! Посмотри, вон та парочка официанток явно к тебе вожделеет.

— Где?.. Иди нафиг со своими идиотскими выдумками.

— Не туда смотришь. Левей!

Мари глянула в указанную сторону и поспешно отвернулась.

— Ужас какой! Вот ведь извращенки. Ладожский, прекрати ржать!

— Брось! Очень даже симпатичные девушки. Смотри, а то упустишь своё счастье.

— Ага, уже бегу и падаю! — Мари насмешливо посмотрела на приятеля. — Ладожский, что за разговоры? Беккер, ты разберись со своим рыцарем, а то он стал мне подозрителен в плане сексуальной ориентации. Кстати, моду спать со своими оруженосцами ввели именно они, странствующие рыцари. С дамой сердца честь не позволяет, сельские девки нороят удрать, а вот мальчишки всегда под боком.

— Не болтай ерунду! Весь этот гейский выплеск сплошная пропаганда. Шумихи вокруг них куда больше, чем склонных к этому делу товарищей, — снисходительно проговорил Иван.

— Неужели? Ну-ка, посмотри в тот угол. Видишь, вон тот симпатичный яойный мальчик не сводит с тебя глаз?.. Ой, умора! Сонь, ты только посмотри! Парочка старых козлов тоже вожделеет к Ладожскому!

Смеющаяся девушка открыто ткнула пальцем в сторону представительных мужчин интеллигентного вида и те, побагровев, поспешно отвернулись.

— Палевская, молчать! — неожиданно рявкнул Ник. — Всё, обед закончен. Встали и на выход.

Реази шёл последним. У двери он обернулся и поискал глазами официантку, что обслуживала их столик, но девушки не оказалось в зале.

---

[1] Учитываем, что роман был написан в 2008 году.

[2] Dieu merci! (фр. яз.) — слава богу!

***

Лиза в это время находилась в кухне, ожидая распоряжений старшей смены, суровой дамы, чем-то похожей на Маргарет Тэчер. Девушка была на замене, поэтому у неё не было постоянных столиков, которые она должна была обслуживать. Как она и надеялась, посетители оставили ей более чем щедрые чаевые и... тоску на сердце. Молодые люди напомнили ей того мужчину, которого она встретила, когда торговала мороженым и в которого без памяти влюбилась. Особенно на него был похож серьёзный темноволосый парень, во всяком случае, ей так показалось.

Девушка держалась в стороне от остальных официанток, которые оживлённо болтали. Судя по доносящимся до неё репликам, они обсуждали её недавних клиентов, и ей было противно слушать их скабрёзные замечания.

— Эй, новенькая! — к ней подошла менеджер, возглавляющая смену, и с требовательным видом протянула руку. — Мою долю! Я видела, что дом моделей расщедрился тебе на чаевые.

— Да-да! Я сейчас! — засуетилась девушка и запустила руку в карман фартука.

— Молодец, хорошо работаешь, — одобрительно сказала менеджер, забрав себе львиную долю чаевых. — Как тебя зовут? Лиза, кажется. Если Карпинская снова приболеет, ты приходи. Со временем мы можем взять тебя даже на постоянную работу.

— Спасибо, Вивьен Владимировна, — неизвестно за что поблагодарила Лиза. Видим за то, что её ограбили.

Когда менеджер ушла, к ней подошла смуглая девушка с шапкой мелких кудряшек на голове. Она была единственной из всех, в ком чувствовалась примесь африканской крови.

— Ты не слишком губу раскатывай, — предупредила мулатка, облокотившись на прилавок. — Учти, если займёшь Катькино место, то она тебе такую кузькину мать пропишет, что мало не покажется.

— Что вы, я не мечу на её место! — воскликнула Лиза, чувствуя, как запылали щёки.

Мулатка бросила на неё недоверчивый взгляд.

— Тогда зачем ты отстегнула старшей такую большую сумму?

— Ну... — смутилась Лиза. — Просто я не знаю, сколько нужно.

— Понятно, — девушка сразу же потеряла к ней интерес. — Тогда тебе лучше к нам не устраиваться. Конечно, если не хочешь работать задаром.

— Спасибо.

— Вот дура! Заладила «спасибо», как попугай, — фыркнула одна из официанток, и Лиза мучительно покраснела, ей было стыдно не столько за себя, сколько за хамоватых девиц.

— Девочки, вы видели в какую они сели тачку? Класс! Жаль, что такие парни достались этой мямле. Уж я бы постаралась хоть одного из них раскрутить на свидание.

— А лучше сразу двоих, — мечтательно заметила высокая блондинка и официантки дружно засмеялись.

— Уж кто дуры, так это вы! — сказала неслышно подошедшая менеджер-распорядитель. — С ними были такие девчонки, что они на вас и глядеть бы не стали. Ну-ка, марш по местам, и чтобы я вас не видела и не слышала, а то вмиг оштрафую.

— Хорошо, Вивьен Владимировна, — льстиво пропели официантки.

— Новенькая! — окликнула старшая Лизу. — Видишь мужчин, что сели за столик у входа? Это твои.

— Вивьен Владимировна! Сейчас моя очередь, а не её! — возмутилась блондинка.

— На панели будешь качать права, а здесь я решаю, чья очередь, — отрезала менеджер и выразительно посмотрела на Лизу.

— Ты ещё здесь?

— Ой, нет, меня уже нет! — воскликнула обрадованная девушка и бросилась к указанному столику.

Менеджер глянула вслед Лизе и, прикрыв двери, дала мулатке пощёчину.

— Сука черномазая, ты что творишь? У меня уже заказы на девчонку. Если она что-то заподозрит и сбежит, я тебе самой такую кузькину мать пропишу, что мало не покажется.

— Не надо, Вивьен Владимировна! Я буду хорошо работать, честное слово!

— Удивила! У меня все хорошо работают, а те что имеют наглость не работать, отправляются к Гере.

— Нет, только не к Гере! — испуганная девушка попятилась. — Я не хочу стать наркоманкой.

— Тогда в зал. Видишь женщину в жёлтом платье? Она твой клиент. Постарайся показать ей себя с лучшей стороны. Поняла? Если она не возьмёт цветок, вылетишь отсюда как миленькая.

— Да, поняла, — обречённо сказала мулатка и, взяв меню, вложила в него розу.

— Мадам, это вам от нашего ресторана, — улыбнулась мулатка женщине и та, окинув её придирчивым взглядом, распорядилась поставить розу в вазу.

На счастье Лизы, Ник всё же передумал и на полдороге к машине повернул назад, к ресторану. Подойдя к девушке, он с властным видом взял её за руку и потянул за собой.

— Куда вы меня тащите? — испугалась Лиза и беспомощно огляделась по сторонам, но сидящие либо отводили взгляды, либо продолжали с любопытством смотреть на них.

— В полицию.

— За что? — всхлипнула Лиза. — Я в жизни ни у кого копейки не взяла!

— Разве я сказал, что ты воровка?

— Нет?.. Тогда я вообще ничего не понимаю, — пробормотала девушка, но воспрянула духом.

— Я хочу, чтобы тебе вернули украденное, — пояснил Ник и кивнул в сторону спешащей к ним Вивьен Владимировны. — А вот и наш вор.

— Молодой человек, в чём дело? — требовательно воскликнула менеджер.

— Дмитрий Генрихович, — лаконично сказал Ник, и женщина дёрнулась как от удара тока.

Отступив, она с почтительным полупоклоном указала на неприметную дверь.

— Пожалуйста, пройдите в мой кабинет. Давайте решим вопрос с девушкой в приватной обстановке.

— Давайте, — не стал спорить Ник и, хотя он её отпустил, Лиза, как привязанная, пошла следом за ним.

— Я прошу прощения... — менеджер с досадой посмотрела на надменного юношу, который уселся за её стол как за собственный, и заколебалась, — и всё же это несколько неожиданно. Обычно Дмитрий Генрихович сообщает мне о своём намерении, — она покосилась на Лизу, которая чувствовала, что вокруг неё что-то происходит, но не понимала,

что именно. — Да и девушка нуждается в шрифровке. В таком виде она вряд ли придётся ему по вкусу.

— Можете об этом не беспокоиться, мадам. У нас есть кому привести её в порядок, — процедил Ник. — А теперь отдайте Лизе её честно заработанные деньги.

— Да-да, конечно! — с фальшивой улыбкой Вивьен Владимировна протянула девушке три тёмно-зелёные бумажки. — Вот держи, малышка! Здесь триста долларов, это даже больше, чем ты мне дала. Надеюсь, ты на меня не в претензии? Просто таков порядок. Девушки всегда отдают распорядителю часть своих чаевых.

— Может, не нужно, если таков порядок?.. — слабым голосом проговорила Лиза.

Ища поддержки, она оглянулась на своего защитника и озадаченно хлопнула глазами, когда выяснилось, что он уже не сидит за столом, а стоит рядом с ней.

— Идём! — Ник выдернул доллары из пальцев Вивьен Владимировны, которая рассталась с ними крайне неохотно, и сунул их Лизе. — Держи.

На улице он вызвал девушке такси и перед тем, как ей уехать, предупредил, чтобы она больше никогда не появлялась в этом ресторане: конечно, если не хочет начать карьеру проститутки. «Почему вы мне помогли?» — не удержалась Лиза от вопроса, и юноша пожал плечами. «Сам не знаю. Думаю, из-за того, что мы с ним действительно похожи», — ответил он и её сердце бешено забилося. «Я же никому про него не говорила! — воскликнула Лиза, не сомневаясь, кого он имеет в виду. — Откуда вы, вообще, всё знаете?» — выкрикнула она уже из такси, но юноша повернулся к ней спиной и пошёл в сторону другой улицы. Тут она спохватилась, что даже не спросила его имя. И хотя он остался для неё незнакомцем, ей показалось, что ему известно о ней всё. Она вспомнила с какой скоростью он переместился к ней в кабинете Вивьен Владимировны и затрясла головой. «Нет, и даже не думай! Их не существует в природе... И всё же всё как у них: немислимая красота, скорость, чтение мыслей, хотя насчёт последнего нельзя сказать наверняка... Успокойся, это всё сказки!»

Таксист смерил пассажирку взглядом и озадаченно хмыкнул: «Повезло вам, девушка! Как выражается молодежь, вы подцепили классного парня», — не удержался он от комментария. «Нет-нет! Это просто знакомый... друг!» — запротестовала Лиза и дядька понимающе кивнул. «Тогда понятно, а я уж было удивился. Хотя говорят, что любовь зла». — «Я не козёл!» Лиза засмеялась, и таксист внимательней к ней пригляделся. «Это точно! Если вас приодеть и причесать, то будете ничем ни хуже тех размалёванных кукол, что строят из себя невесты что», — сказал он. «Спасибо!» — от души поблагодарила Лиза и с радостью коснулась хрустких купюр. «Слава богу! Хоть в ближайший месяц не нужно будет думать о деньгах, — мелькнула у неё радостная мысль. — Триста долларов это сколько?.. Господи! Неужели восемнадцать тысяч? И это чаевые с одного лишь столика!» Изумлённая девушка даже зажмурилась, представив, сколько официантки зарабатывают за смену. Тем не менее у неё даже не возникло мысли вернуться в злачное место, прячущееся за личиной приличного ресторана.

При виде Ника Иван повернул ключ зажигания. «Интересно, куда он ходил и почему расплатился наличными, а не карточкой? Неужели из-за чаевых девчонки-официантки? Она простушка и, похоже, новенькая. При такой распорядительнице по-иному ей не получить чаевых». Он с любопытством посмотрел на замкнутое лицо старшего патруля и спросил, куда они едут.

— Мы с тобой проедем по районам, а Беккер и Палевская прогуляются по Невскому проспекту и близлежащим улицам. Софи, смотрите подробный маршрут у себя на жетонах.

— Хорошо, — кивнула девушка и, чмокнув Ивана в щёку, удивлённо посмотрела на подругу. — Мари! Ты чего сидишь?

— Не верю своему счастью. Ура, свобода! Беккер, побежали скорей, пока он не передумал, — Мари схватилась за ручку машины, но её остановил резкий возглас.

— Не так быстро, Палевская! — Ник уставился на проблемную подопечную тяжёлым взглядом. — Хочу предупредить, я обязательно проверю маршрут, по которому вы прошли. Детально, по минутам. Если не хочешь подвести подругу, то не подговаривай её на глупости. Твои авантюры выйдут боком не только тебе, поняла?

Мари сразу же поскуцнела.

— Так точно, сэр! — отозвалась она без бывшего энтузиазма и выбралась из машины. — Вот почему я сразу же во всём виновата? Между прочим, даже в мыслях не было уклоняться от маршрута, — проворчала она, глядя вслед отъезжающему чёрному ягуару, который принадлежал старшему группы.

— Нужно было это говорить Нику, а не мне, — ехидно сказала Соня, беря Мари под руку.

— Что толку? Как будто он мне поверит, — усмехнулась девушка, принаравливаясь к шагу более низкорослой подруги. — Кстати, Беккер! А ты заметила, что разговариваешь теперь, как Ладожский?

— Ну так, с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Счастливая в любви Соня будто засветилась изнутри и Мари по-хорошему ей позавидовала.

— Вид у тебя совершенно дурацкий! — тем не менее не преминула она её поддеть.

— Давай ты будешь завидовать молча, хорошо? — сказала Соня с ангельским терпением на лице.

— Хорошо, хоть это не просто, — вздохнула Мари.

— От Моррисона по-прежнему ни весточки? — участливо спросила Соня и она отрицательно покачала головой.

— Ничего. Совсем ничего. Знала бы ты, как я уже достала всех в штабе клана Волка! — с досадой воскликнула Мари. — Опросила всех наших общих знакомых, но никто ничего не знает о Тъене. Какой-то заговор молчания. Merde! Не знаю даже, что и думать.

— Не расстраивайся, зай. В принципе не так уж много времени прошло.

— Утешительница! Хорошо тебе говорить, когда Иван под боком.

— Если дело только в этом, в чём проблема? Думаю, найдётся масса желающих.

— Беккер, хочешь по башке? Я ей о любви, а она о сексе.

— Одно другому не мешает, — заметила Соня и Мари с удивлением покосилась на подругу, не понимая шутит она или говорит серьёзно.

— Да, ну? А Ладожский знает о твоих прогрессивных взглядах? — поинтересовалась она прохладным тоном.

— Только брякни ему о моих словах, и сама схлопочешь по голове, да так, что мало не покажется.

— Тогда я не понимаю, к чему ты ведёшь.

Прежде чем ответить, Соня немного помедлила.

— Видишь ли, зай, мы тут с Ладожским поговорили о вас... — она виновато посмотрела на Мари. — Не сердись, хорошо?

— Понятно, вы тоже перемывали мне косточки. Ладно. И к чему вы пришли?

— Иван считает, и я с ним согласна, что ваши с Мориссоном отношения из тех, что зовутся первой любовью. Тебя пьянит само чувство...

— Достаточно, можешь не продолжать.

— Мари! Я не хотела тебя обидеть! — расстроилась Соня.

— Я и не обижаюсь. Просто вы знаете не всё. Любовь, что связывает нас с Тьеном, родилась ещё до нас, — вырвалось у Мари и она вдруг поняла, что это правда. Вот только не могла объяснить, на чём зиждется её уверенность. — Не спрашивай ни о чём, просто поверь! — быстро добавила она, видя сомнение на лице подруги.

— Постараюсь, хотя я не любительница мистики. И всё же, я бы на твоём месте не отметала другие варианты.

— Беккер, если ты снова начнёшь мне втюхивать Реази, то я закричу, — предупредила Мари.

— Ну и зря! — фыркнула Соня. — Большинство девиц на твоём месте кричали бы от счастья.

— Вот и пусть себе вопят, а мне он без надобности.

— Зай, я тебя как врач предупреждаю! Здоровая молодая женщина должна давать себе сексуальную разрядку.

После слов подруги на лице Мари появилось жёсткое выражение.

— Поверь, математика вполне её заменяет, и я не шучу. Так что давай закроем эту тему, раз и навсегда.

Ругнув Давида Левантовского, психолога Мари, упустившего её явный комплекс по отношению к мужчинам, Соня прикусила губу, не зная стоит ли ей вмешиваться, не имея специальной подготовки.

— Хорошо, давай забудем. И всё же ты зря отвергаешь Ника. Поверь, он замечательный парень, хоть и с непростым характером. Конечно, он выбрал неправильную линию поведения, но, думаю, ты ему нравишься. Кстати, Иван тоже так считает.

— О боже! — простонала Мари. — Не знай я, что ты как кошка влюблена в Ладожского, то решила бы, что ты ему изменяешь с Реази, а меня пристраиваешь к нему для прикрытия.

Соня улыбнулась и, оглянувшись по сторонам, понизила голос до шёпота:

— Будь это возможно, я сама была бы не прочь проверить, что он представляет собой в постели.

— Вот оно что! — Мари понимающе кивнула. — Хочешь, чтобы я с ним переспала и поделилась с тобой впечатлениями? — деловито спросила она.

— Да ну тебя, поганка! — Соня шлёпнула её по руке. — А что если хочу? — закинула она удочку.

— Фиг тебе! Тебе нужно, ты и спи с Реази. И вообще, Беккер, прекращай свои подкопы! Он и я — никогда в жизни! — Мари насмешливо посмотрела на подругу. — Я одного до сих пор не пойму, с чего вы с Ладожским взяли, что этот гад испытывает ко мне какие-то нежные чувства? Сонь, разуй глаза! Реази меня если не ненавидит, то уж точно терпеть не может. Присмотрись! Да его всего корёжит при виде меня. Неужели вы этого не замечаете?

— Зай, ты преувеличиваешь. Просто Ник ещё мальчишка, потому он так себя ведёт...

— Мальчишка? — удивлённая Мари даже остановилась после слов подруги.

— Ну да, он младше нас. Иван видел его досье, по человеческому летоисчислению Нику ещё нет двадцать одного. Он у нас из молодых, да ранних.

— Тогда я вообще ничего не понимаю.

— Не знаю, чего ты там не понимаешь. Одно могу сказать, он к тебе неровно дышит, иначе не донимал бы с такой настойчивостью.

— Чур, меня, сказка из породы ужасиков! Сонь, кончай фантазировать, давай посмотрим, куда нас заслал этот засранец. Если мы отклонились от маршрута, то он опять развоняется.

— Мари!

— Да ладно тебе! Всё равно он нас не слышит... а может, и слышит. Короче, мне пофиг. Плевать на маршрут. Идём, куда шли.

— Нет уж! Лично я не согласна на штрафные часы... Yes! Как говорил великий вождь, в правильном направлении идёте, товарищи.

— Вот и замечательно.

В соответствии с прописанным маршрутом девушки вышли на оживлённые улицы. Школярские каникулы ещё не закончились и вокруг них забурлила плотная людская масса. На Садовой улице тротуары были забиты так плотно, что двигаться против движения было также сложно, как идти через колонну трудящихся на праздничной демонстрации, которая, вдобавок, пришлась на хороший майский день. На дорогах было ничем не лучше. По ним, нетерпеливо сигналив, нескончаемым потоком ползли машины. В общем, на узких улочках с трехсотлетними постройками царствовал современный Вавилон, поклоняющийся мамоне.

Плывя в людском потоке, подруги поначалу ещё обменивались репликами, но вскоре Мари замолчала и на её лицо легла тень печали. Заметив это, Соня не на шутку встревожилась. В последнее время такое с ней случалось все чаще и чаще, что было совершенно несвойственно её жизнелюбивой и весёлой подруге. К тому же Мари любила старые города и раньше обязательно обратила бы её внимание на необычный старинный дом или на запущенный, но уютный дворик, а то и просто на красивую лепнину на фасаде, который подвергся влиянию времени, но, как престарелая кокетка, сохранил черты былой красоты.

Но так было раньше, а сейчас девушка шла, не замечая, что временами попадает во встречный поток. Раздражённые невероятной толкучкой пешеходы бросали на неё сердитые взгляды и некоторые нарочно её толкали, но она ни на что не обращала внимания.

Видя такое дело, Соня, наконец, не выдержала.

— Зай, давай присядем, — сказала она, и потянула подругу к уличной скамье в небольшом опрятном сквере. — Хватит скрытничать! Скажи, у тебя точно всё в порядке?

— Ну, да, — отозвалась Мари и состроила удивлённую мину. — Полный порядок, а что?

— Лгунья! Нашла кого обманывать! — воскликнула раздосадованная Соня, но быстро взяла себя в руки и мягко добавила: — Зай, в последнее время у меня появилось стойкое ощущение, что дело не только в отсутствии вестей от Моррисона. Какая-то ты стала дёрганая, взвиваешься на дыбы по малейшему поводу.

— Ещё бы! Благодаря твоему любимому Реази я вкалываю сутки напролёт. Так уже утомил своими бесконечными штрафами, что скоро я буду не просто дёрганая, а стану бросаться на всех подряд.

— Палевская, хватит! Скажи, мне правду. Или ты мне не доверяешь?

— Ну что ты!.. Дело в том, что Рени больна, — наконец решилась Мари.

Соня огорчённо вскрикнула.

— Генетический сбой? — полуутвердительно спросила она.

— Он самый, — отвернувшись, Мари всхлипнула. — Il y a déjà de la force de regarder

comment elle s'éteint tout doucement... quid des conversions,[1] — она поспешно смахнула слёзы и её губы тронула слабая улыбка. — Я тут подумала, что ругаю Реази, а на самом деле нужно сказать ему спасибо. Если бы не он, то сидела бы я дома и потихоньку сходила с ума.

— Да, всё это ужасно, особенно для близких.

— Прости! Не хотела грузить тебя своими проблемами, да вот, не смогла удержаться.

— Ах ты, фиглярка несчастная! — воскликнула Соня и порывисто обняла подругу. — Что ж ты раньше не сказала и держала всё в себе?

— Даже не знаю, — всхлипнула Мари. — Не хотела ещё и вас с Иваном огорчать.

— Дурочка! Зачем ещё нужны друзья, если не для того, чтобы поддерживать в трудную минуту? Зай, давай реви! Ревы на полную катушку! Я кому сказала? — велела Соня и Мари, следуя её приказной просьбе, разревелась в полный голос.

— Сонь, мне так плохо!.. Мало того, что Рени умирает, так ещё с Аннабель проблемы... Мама спешила и её инициировали раньше времени, — рассказывала девушка, одновременно выплёскивая горе в слезах. — Сама знаешь, такие малявки редко выживают во время кровавого бешенства... И отцу на неё наплевать... Думаю, моего мышонка вместе со всеми отправят в горячую точку... *Annabelle est tellement petit et faible... Mon dieu! Il y périra!*[2]

Мари с неожиданной яростью стукнула кулаком по скамейке.

— Нет, я не хочу остаться одна! Без Аннабель наша семья окончательно развалится. Отец такой скрытный, не поймёшь, что у него на уме. Уйдёт сам или меня выставит: скажет, что я уже достаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно.

— Это ты ужехватила через край! Мы не люди, наши семьи не разбегаются, — попыталась её утешить Соня.

— Это в нормальных вампирских семьях не разбегаются, а наша к ним не относится, — горько сказала Мари. — Мика лишь терпит меня, а Аннабель и вовсе для него как кость поперёк горла. Думаешь, мы будем ему нужны, когда Рени не станет? Я вообще не уверена, что он считает меня дочерью. Так, приبلудная девица для создания духа настоящей вампирской семьи. Так что я не скрытная, Сонь, просто пытаюсь всё это забыть, и иногда мне этот фокус даже удаётся.

— Зай, хватит себя накручивать. Это всё твои измышления. Хоть Михаил Янович тот ещё гад, я не думаю, что он выгонит тебя из дома, — сказала Соня и, достав белоснежный платочек, заботливо вытерла заплаканное лицо Мари. — И попомни моё слово, ты ошибаешься, думая, что он не считает тебя своей дочерью.

— Ты права, насчёт Мики это был уже перебор. Я знаю, по-своему он меня любит, только редко это показывает. Спасибо за моральную поддержку, — Мари улыбнулась сквозь слёзы. — Господи, что бы я делала без тебя ... Сонь, прекрати терзать мой нос!.. — она завертела головой. — Отстань! Я тебе что, маленький ребёнок?

— Терпи! Должна же я на ком-нибудь тренироваться, — хладнокровно заявила Соня. — Не забыла, что стараниями твоего дорогого папочки у меня теперь имеется малолетний подкидыш? — попутно она попыталась придать причёске Мари приличный вид. — Не вертись, сиди смирно! Архангел! Интересно кто только дал такое прозвище натуральному сатане?

— Но-но, не тронь Мику! Он у меня, почитай, один из всей семьи остался. А за сатану отдельно ответишь! Он у нас красавец, а не какой-то страшный чёрт с рогами.

— Не спорю, твой отец красавец, но что-то от него здорово потягивает серным душком.

— Не выводите его из себя, и он будет благоухать исключительно фиалками.

— Замучаешься опрыскивать его духами! Впрочем, мой отец оказался не лучше. Ты не представляешь, как он разъярился, узнав подробности нашей злосчастной охоты, — Соня завздохала, теребя в руках платочек.

— Ну, не томи душу! Что было-то? — оживилась Мари. — Макс здорово ругался?

— Ха! Если бы только ругался!

— Колись, Беккер! Я тебе выложила всё как на духу, теперь твоя очередь.

Соня смерила её недовольным взглядом, но все же призналась:

— На правах кровника он так исполосовал мне задницу ремнём, что я неделю мучилась. Ни сесть ни лечь. Ты же знаешь, что у меня с регенерацией не особо хорошо, да и отец запретил ею пользоваться. «Чтобы подольше помнила урок», — как выразился он после экзекуции, — обида была ещё слишком свежа и у неё от негодования задрожали губы. — Когда я спросила, за что он так со мной, ведь я права и нельзя ли было объяснить словами, знаешь, что он мне ответил? «Недалёким дурочкам, за неимением собственного ума, приходится вкладывать свой ум и поскольку из-за их упрямства он не лезет в уши, то приходится пихать его через задние ворота».

— Вот это уже в его иезуитском стиле. И всё равно я не могу представить себе хладнокровного Макса, настолько вышедшего из берегов, — Мари сдавленно хрюкнула, а затем не выдержала и засмеялась. — Прости-прости! Я не хотела, но это действительно из ряда вон, чтобы твой отец, который может уесть словами любого, на этот раз взялся за ремень. Здорово же ты его разозлила.

— Нет, ты скажи, что такого особенного я сказала или сделала? — возмутилась было Соня, но тут же поднявшееся чувство вины заставило её замолчать. — Прости! Конечно, я дура. Нужно было просто сказать вам, почему я не хочу принимать участие в охоте, а не разыгрывать дурацкий спектакль. До сих пор коробит при воспоминании как этот подонок заставил Ивана встать на колени, — сказала она и смущённо улыбнулась.

Мари с любопытством посмотрела на подругу.

— Беккер, не молчи! Тебе тоже не мешает выговориться.

— Даже не знаю, стоит ли? — засомневалась Соня, но затем махнула рукой. — Ладно! Чего уж там скрывать! В общем, Ладожский для моральной поддержки пошёл меня провожать домой и всё это видел.

— Хочешь сказать, что Макс выпорол тебя прямо при нём? — изумлённая Мари во все глаза уставилась на подругу.

— Вот именно, — неохотно призналась Соня и снова тяжело завздохала. — Такое позорище, что ни в сказке сказать ни пером описать!

— Понятно. Как положено рыцарю, Иван вступился за тебя и у вас началась порядочная ссора.

— Не было никакой ссоры.

— Что? Ладожский смотрел, как Макс тебя лупцует, и ничего не сделал?.. Не может быть! — Мари недоверчиво посмотрела на молчащую Соню. — Mon dieu! Так это правда?!

— Подожди, не кипятись! Да, Иван сдержался и не полез в драку, хотя бедняга весь побелел и трясся как осиновый лист, слушая мои вопли.

— Трус! — презрительно воскликнула Мари, и Соня с отчаянием посмотрела на неё.

— Вот этого я и боялась! Нет, Иван не трус! Он поступил совершенно правильно!

— Ну если ты так считаешь...

— Нет, Мари! Не смей его осуждать! Пойми, отец был в своём праве, когда задал мне

трёпку. Если бы Иван вмешался, я бы никогда его не простила! Отца не простила!

Мари непонимающе тряхнула головой.

— Что-то я не врубаюсь.

— Зай, ты хоть раз видела Макса Беккера в ярости?

— Merde! Тем более это выглядит трусостью.

— Видимо, ты не представляешь, какая силища наши старейшины! Да при желании они могут убить, причём на расстоянии и Иван, в отличие от тебя, это знает. Так что пропади всё пропадом!

— Выходит, под страхом смерти любимого человека ты изменила своим взглядам и послала человечество к чертям?

— Нет, не настолько радикально. Я осталась при своём мнении, но будь я проклята, если заикнусь о своих взглядах при отце.

— При Мике тоже помалкивай и вообще держи язык за зубами, — предупредила Мари. — Не могу сказать, что у него на уме, но есть ощущение, что его ты тоже разозлила. Поэтому будь осторожна. Не дай бог, если ты в чём-то смешала ему карты, тогда остаётся надеяться лишь на его милосердие, а это последнее на что бы я стала полагаться.

Соня зябко передёрнула плечами.

— Господи! Всё же диктатура — это ужасно.

— Любая диктатура, она же монархия, не подарок, будь она хоть сто раз просвещённая, — сказала Мари и, помолчав, добавила: — Но и демократию мы себе не можем позволить. В нашем положении она непозволительная роскошь. Нам нужно вырваться вперёд, чтобы иметь преимущество перед человечеством, а это возможно только при единстве мнений в нашем обществе, а его может дать только диктатура. Так что, пат. От диктатуры нам пока никуда не уйти.

— Не знала, что ты разбираешься в политике, — с удивлением заметила Соня, для которой её безбашенная подруга неожиданно предстала в новом свете.

— Как ты сказала, с кем поведёшься, от того и наберёшься, — усмехнулась Мари. — Невозможно жить рядом с эпицентром этой самой политики и не набраться определённых взглядов. Кстати, я всё больше склоняюсь к мнению, что Ладожский поступил разумно. Я погорячилась, обозвав его трусом. Думаю, ему было видней, как правильно вести себя в такой непростой ситуации.

— Слава богу! — обрадовалась Соня. — Конечно, я всё равно надулась на Ладожского. Зато нужно было видеть, как он потом со мной носился, кидался исполнять малейшую прихоть. Такое стоило полученной порки.

— Думаешь? — засомневалась Мари.

— Да! — Соня с заговорщицким видом приложила палец к губам. — Только, чур, Ладожскому ни слова, а то я знаю твой длинный язык. Зай, не смей изводить моего рыцаря насмешками!

— Была нужда, болело брюхо, — фыркнула Мари, но подруга не спускала с неё умоляющего взгляда, и она сдалась. — Ну что ты в самом деле? Будто не знаешь, что я ходячая могила для дружеских секретов. Не бойсь, я буду нема как рыба.

Взаимные откровения вместе со слезами заняли у девушек восемнадцать минут после чего они снова вышли на предписанный маршрут. Они смеялись и болтали, но при этом зорко поглядывали по сторонам. Когда патрулю попался подходящий экземпляр, обычно это был кто-нибудь из подростков, они мимоходом касались открытых участков кожи

мальчишки или девчонки и те уносили на себе невидимую вампирскую метку, которую отслеживали мониторы службы наблюдения в штабе Объединённых кланов. Никто из подростков и не подозревал, какая необычная судьба им уготована. Впрочем, отсеб был велик и избранных оставалось очень мало. Правда, у патруля была ещё разрядка на менталистов, но этих подопытных кроликов для генетического института набирали из публики постарше. Мари и Соне повезло, они сумели выудить одного феникса и двух сильных металлистов.

Стоило девушкам сесть на скамью у Казанского собора, как на набережной канала Грибоедова остановился знакомый чёрный ягуар и вслед за ним припарковался ауди.

— Mon dieu! Явился не запылится! — простонала Мари при виде Ника, выбирающегося из машины.

— Успокойся, зай! Дежурство уже закончилось.

— Это у тебя оно закончилось, а мне ещё нужно в штаб, к моему ведру и швабре.

— Сочувствую, но ничем не могу помочь, — рассеяно сказала Соня и поднялась навстречу спешащему к ней Ивану.

Она повисла на шее своего рыцаря, и парочка слилась в страстном поцелуе.

«Фу! — скривилась Мари. — Так завидно, что даже противно смотреть на это».

— Палевская, ты своим ходом доберёшься до штаба или поедешь со мной? — спросил незаметно подошедший Ник и девушка, увлечённая наблюдением за воркующими Иваном и Соней, вздрогнула от неожиданности.

— Едем, — согласилась она и, помахав друзьям, направилась к ягуару, который своими обводами очень походил на хищника, давшего ему своё название.

Угнездившись на мягком сиденье, Мари расслабилась и закрыла глаза.

— Реази, давай никаких разговоров, если у тебя было такое намерение. Я так устала, что просто засыпаю на ходу, — пробормотала она и когда машина тронулась, она уже спала.

Ник не стал её будить, хотя действительно хотел поговорить. Временами он поглядывал на девушку и, увидев, что она мёрзнет, бросил ей свою куртку. Она что-то пробормотала и, натянув её на себя, снова уснула. «Мариэль, ты помнишь свою мать?» — мысленно спросил он. «Maman! — всхлипнула девушка. — Рени, пожалуйста, не умирай!» Ник не стал её больше тревожить и включил полицейскую мигалку.

---

[1] Il y a déjà de la force de regarder comment elle s'éteint tout doucement... quid des conversions (фр. яз.) — Нет уже сил смотреть, как она потихоньку гаснет... сердце кровью обливается.

[2] Annabelle est tellement petit et faible... Mon dieu! Il y périra! (фр. яз.) — Аннабель такая маленькая и слабенькая... Боже! Она там погибнет!

Политические сложности укоренения в России. Кто вы, мистер Х?

Двери офиса автоматически распахнулись, но никто не вышел навстречу стремительно вошедшему посетителю. Правда, где-то в глубине огромного здания, на дисплее дежурного в службе охраны, засветился сигнальный огонек и, опознав своего, мирно помигал зеленым светом и погас. Дежурный оператор тоже подтвердил в журнале дежурств номер жетона и время прибытия посетителя, а затем вновь замер, сонно глядя на экраны перед собой.

В штаб-квартире СС ОК, который многие до сих пор по привычке называли штабом клана Волка, в такое позднее время оказалось довольно темно. В фойе, сквозь высокий купол стеклянного потолка светил молодой месяц, сияющий на непривычно ясном небосводе, усыпанном мелкой россыпью звёзд, да кое-где горели слабые светильники, которые почти не разгоняли тьму, но добавляли загадочных колеблющихся теней. Огромный зал выглядел таинственным и непривычно тихим без деловой суеты, царящей здесь днём. Палевский, скользящий бесшумным призраком по его просторам, в сопровождении негромких вскриков спящих птиц и монотонно шумящих струй неумолчного фонтана, не нарушал очарования его готически-мрачной обстановки. Достигнув лифтов, он спустился на этаж F и, безошибочно сориентировавшись в лабиринте коридоров, нашел кабинет Штейна. Он постучал и сразу же вошёл, не дожидаясь разрешения.

Хозяин кабинета поднял голову и улыбнулся позднему гостю, а затем поднялся ему навстречу. Палевский махнул, мол, седи, и быстро пересёк разделяющее их пространство. Сев напротив, он сдержанно поздоровался и с сочувствием посмотрел на покрасневшие глаза друга.

— Прости, Том, что задержал, — счел нужным он извиниться. — К сожалению, времени в обрез, а ты мне срочно нужен. Завтра я улетаю на региональный сбор в клане Тигра, а оттуда с инспекцией в Юго-Восточную Азию, так что не обессудь за поздний визит.

— Teufel! Так или иначе, но я все равно торчал бы здесь, поэтому зря извиняешься.

— Смотрю, ты не терял времени даром, — добавил Палевский, с лёгким изумлением взирая на горы документов, лежащие на столе.

Штейн досадливо поморщился.

— Ежедневная рутина. К тому же на новом месте всегда появляется масса дополнительной работы. И по закону подлости, чем больше делаешь, тем больше её валится.

— Давай добавим штат.

— Не стоит. Дело не в количестве рук, а в опыте. Сотрудников со знанием русского языка и специфики страны просто катастрофически не хватает, потому и дела идут тяжело. Даже местных аборигенов приходится привлекать, а это немалый риск. Хотя на настоящий момент в стране вполне подходящая расхлябанная политическая обстановка, но зоркие глазки бывших сотрудников госбезопасности СССР никуда не делись. Они примечают всё, что вокруг творится, даже если это никому не нужно. Ты же знаешь, это синдром старой цирковой лошади. Руководящая верхушка, с головой ушедшая в бизнес, пока легкомысленно игнорирует их опыт, но со временем обстановка может резко измениться. Но я очень надеюсь, что к тому времени будет слишком поздно, и мы успеем взять под контроль нужные службы, внедрив в их ряды подконтрольных ментальников.

— В целом как обстоят дела? Какой процент руководства страны находится под

контролем?

— Около двадцати. Понимаю, немного, но большинство этих людей находятся на важных руководящих постах, так сказать сливки общества.

Палевский нахмурился и сомнением произнёс:

— Все равно не густо. Надеюсь, в ближайшее время ничего экстраординарного не произойдет. Иначе туго придётся.

— Я тоже надеюсь. Жаль, что мы дёрнулись внезапно. Скажи ты заранее, и я давно подготовил бы здесь комфортабельный аэродром для высадки. Конечно, моя служба пришла сюда не с пустыми руками. Кое-какие наработки у нас имелись изначально. Думаю, обстановка стабилизируется, когда подключатся наши ребята с Запада. Они придут через их секьюрити. Заодно возьмём под контроль информационные каналы западных служб, лишние глаза в России нам совершенно ни к чему, — на столе вспыхнул информационный куб. — Посмотри, вот здесь запланированы основные центры внедрения. Надеюсь, ты поддержишь мои разработки ментальным давлением вот в этих точках...

Мужчины с головой ушли в стратегические проекты по взятию под контроль и последующему захвату страны, ставшей новой резиденцией для молодой и могущественной расы. Спустя некоторое время, когда от усталости уже не помогали ни кофе, ни табак, Палевский резюмировал:

— В основном, я согласен с твоими выкладками. Ты прав, развивая именно эти направления в разведке. А уж то, что попутно твои орлы внедряются в сферу бизнеса и политики, совсем замечательно. Только не забудь со временем взять под контроль и науку. Конечно, она отстала от Запада, но это дело поправимое. Через ментал мы уже подталкиваем их учёных на нужный нам путь, — Палевский потянулся за сигаретами. — Радуется, что я не ошибся с местом дислокации. Честно говоря, были кое-какие сомнения, но и при ближайшем рассмотрении Россия полностью оправдала мои ожидания. Если не углубляться в хитросплетения мировой политики, то она идеальна по всем параметрам: территория огромна, народу мало, управление страной в зачаточном состоянии, реального контроля у местной власти практически никакого. Ещё один плюс в будущем. При таких сумасшедших темпах выработки природные ресурсы вскоре будут исчерпаны, и страна полностью потеряет интерес в глазах Запада. В общем, как я и говорил, условия идеальны. В 2006 году расе вампиров самое время здесь закрепиться.

— Да, и все-таки ситуация в стране чересчур непредсказуема, вследствие её неуправляемости. К тому же слабость России очевидна мировому сообществу.

— Ты прав. Потому перед тем, как окончательно опустить новый железный занавес по границам, нужно срочно создать хотя бы видимость сильной власти в России, чтобы внешние агрессоры не сунулись с войной и не демаскировали нас раньше времени. Наш огромный приз будет слишком привлекателен и незащищен без сдерживания с Запада. Срочно нужно сделать так, чтобы страну не стали рвать на части как западные, так и восточные стервятники. Причём, последние более опасны из-за перенаселения. Условия жизни в этих странах, зачастую, на самом низком уровне. Терять им нечего, кроме народа, которого у них и так в переизбытке. Конечно, невзирая на все превентивные меры, территориальные хищники могут в любой момент сорваться в открытую агрессию, и тогда нам придется туго. Проконсультируйся у Токиши из клана Дракона. Выясни, как он оценивает угрозу нашему плацдарму с их территорий. Пусть наша разведка поработает в Юго-Восточном регионе. Нужны как можно более достоверные данные, чтобы предупредить

удар. И про юго-запад не забывай. Что-то мне не нравится, с какой периодичностью там вспыхивают конфликты. Исторически сложилось, что Кавказ — это вечная головная боль России, перешедшая к нам по наследству. Только вампирам совершенно не нужно похмелье в чужом пиру.

Палевский замолчал, и устало помассировал виски. Ожидая продолжения беседы, Штейн вопросительно на него посмотрел, но тот слабо усмехнулся.

— Ладно, завязываем, Томас. На сегодня достаточно о политике, а то наша беседа плавно перетекает в совещание СС. Вообще-то, я ехал к тебе совсем по другому вопросу. Посмотри всё, что у тебя имеется на стажера Ника Реази, прикомандированного к нашему клану по обмену от клана Ягуара.

У Штейна, почувствовавшего новую интригу, загорелись глаза. Он согласно кивнул и, подойдя к стеллажу, уставленному аккуратными рядами папок, извлек из их стройных рядов одну, и с ходу взялся её просматривать.

— Ничего особенного, — сказал он с лёгким разочарованием в голосе. — Данные совершенно стандартные, всё как у остальных стажёров. Николас Ричард Реази, семи вампирских лет от роду, клан Ягуара, Вашингтон, состав семьи: глава Ричард Джозеф Реази, мать Сара Елизавета Реази, двое детей, помимо Николаса. Сестра Нина двенадцати вампирских лет и брат Генрих четырнадцати вампирских лет. Николас находится в семье с конца 1999 года, он инициирован в возрасте 14 человеческих лет в 2001 году. Три месяца в инкубаторе генетического центра, шесть месяцев — отстойник в Колумбии, опять три месяца в генетическом центре на обследовании. Потом год стабилизации и домашнего обучения в местной региональной школе, с 2003 года учеба в Академии, выпуск 2008 года. Распределён к нам по обмену в клан Волка, в спецназ СБ. Характеризуется психологом наблюдателем и преподавателями с положительной стороны: психологически устойчив, честолюбив, тип А, то есть лидер, умен IQ — 150, дисциплинирован. Ментальное поле среднего уровня, генная структура устойчивая, линия 1-МИ Red CA-1999-Gs-3004 — тебе как генетику, эта абракадабра больше говорит, чем мне. Так, посмотрим какие у него дарования. По профилирующим дисциплинам, в основном, средние показатели, ничего выдающегося. Но очень хорош физически, реакция у парня просто замечательная, и интуиция отменная, поэтому его с ходу взяли в спецназ в Академии, там он и прошёл базовую подготовку. В общем-то, и всё. Хочешь, сам посмотри.

Штейн передал дисплейную папку Палевскому. Внимательно просмотрев все данные, тот некоторое время рассматривал фотографию очень красивого темноволосого и темноглазого парня. Внешне он кого-то ему сильно напоминал, но Палевский никак не мог вспомнить кого именно. Единственно, что он уловил, это его сходство с Мари. Причем, не столько цветом глаз и волос, а скорее общей породой. Отдав папку хозяину кабинета, Палевский с задумчивым видом закурил очередную сигарету и сделал несколько затяжек.

— Да, ты прав, ничего существенного в досье нет, но есть кое-что странное в самом парне. Мари сказала, что не помнит его по Академии — это раз. Почему-то ей кажется, что он читает мысли, умение, как ты знаешь, присущее только старейшинам, — это два, а я дочери верю: у неё очень хорошо развита интуиция. А три — это то, что я и сам периодически ловлю в ментале очень близкие отголоски сильных и профессионально-сплетённых мыслетоков. Вызвать такие сильные возмущения и тем более сплести мыслетоки в ноосфере с такой ювелирной точностью даже мне не под силу. Соответственно возникает закономерный вопрос. Кто же это у нас так активно балуется в ноосфере? Завелся

ментальный хакер? Небывалое дело! — Палевский усмехнулся. — Заметь, работает аккуратно, не сбивая наших основных задач, иначе быть бы катастрофе. Пока человеческие изыскания идут в нужных нам направлениях и под полным нашим контролем, но кое-что в них слегка подправлено. Я улавливаю только общую методику изменений, но не понимаю их конечной цели. Что-то связанное с высокотехнологическими источниками энергии и, как ни странно, с космосом и это не только разработка новых ИСЗ. Догадываешься, кто за всем этим стоит? Интересно, зачем ему нужны космические исследования?

— Ты думаешь, это он?

— Не уверен, но мне так кажется. Я встречался со Старейшим, но фотография не очень-то похожа. Хотя во время нашей примечательной встречи он мог запросто применить ко мне какой-нибудь ментальный фокус, ведь я был моложе, ослаблен ноосферой и внутренними переживаниями. Но я не верю, что сильные дарования возникают на пустом месте. Такая ментальная мощь — это только результат роста и постоянного развития в течение длительного времени; минимум — несколько десятилетий при прочих выдающихся природных данных. Не может быть, чтобы мы не засекали такой мощный талант за столь длительный период времени. Поэтому остается только один вариант. Думаю, тебя заинтересует, что Николас Реази сам напросился к нам в дом и, по словам Мари, был очень и очень настойчив. В общем, в эту пятницу у нас состоится семейный ужин с его участием. Томас, приглашаю тебя в гости, подходи к девяти вечера. Думаю, у нас состоится небезынтесная встреча с этим молодым человеком.

— Спасибо за приглашение. Естественно, я ни за что не пропущу такое интригующее событие.

Оставшись один, Штейн не сразу отправился домой. Сидя в кресле, он напряжённо размышлял.

«Ладно, пока не стоит спешить с выводами, — решил глава СБ. — Допрошу молодяк и тщательней проверю парня. Что гадать на кофейной гуще, не имея данных? Любопытно, а сам Мика обратил внимание, что внешне они очень похожи с этим Реази? Интересно почему? — он довольно потёр руки. — Такое сходство вдвойне интересно, если мальчишка является тем, на кого мы подумали».

ГЛАВА 27. О пользе запретов. Мужской шопинг

На следующий день патруль снова разделился, женская половина отправилась по вчерашнему маршруту, а мужская — взяла на себя высшие учебные заведения, штурмуемые абитуриентами. За пять часов патрулирования Ник и Иван отловили двух довольно сильных менталистов, но фениксов им не попалось ни одного. Время было вечернее и они зашли в пивной бар.

— Как думаешь, только у нас так глухо с «птенчиками», или такая же картина у всех поисковиков? — спросил Иван и с удовольствием отхлебнул из кружки пиво.

— У всех, — отозвался Ник.

Он поморщился, но тоже заказал себе литровую кружку.

Иван усмехнулся, припомнив, как у него дома он поперхнулся пивом и сказал, что это гадость. Правда, своё отвращение он мотивировал тем, что жил в США и придерживался законов этой страны[1].

— Ладожский, у меня к тебе просьба, — Ник посмотрел на товарища несколько смущённым и одновременно высокомерным взглядом. — Поможешь мне выбрать костюм? Терпеть не могу современную моду, потому не ориентируюсь, что сейчас носят, — неохотно

пояснил он.

«Ну да! Завтра у него ужин у Палевских», — вспомнил Иван и с озадаченным видом потянулся к затылку.

— Даже не знаю, ведь я тоже не великий знаток моды. Мой гардероб обычно пополняется без моего участия. Раньше вещи мне покупала мама, а теперь эстафета перешла к Соне. Женщинам это нравится, так что я им не мешаю, — сказал он с усмешкой и добавил: — Но если хочешь, я могу пойти с тобой, так сказать, для моральной поддержки. По себе знаю, как это давит на психику, когда набегают продавщицы и начинают пялиться на тебя.

— Тогда едем в центр города. Сначала где-нибудь нормально поужинаем, а после зайдём в этот... — Ник наморщил лоб. — Boutique de tailleur?[2] A General store?[3]

— Fashion boutique, — подсказал Иван, за что удостоился недовольного взгляда старшего патруля, но затем тот всё же кивнул, признавая его правоту. — Тогда у меня к тебе встречная просьба. После дежурства подкинь нас с Соней до дома, а то я сегодня без машины, — воспользовался он ситуацией.

— Договорились, — Ник поднялся и бросил сто евро на барную стойку.

— Избалуеть ты халдеев в Питере, — заметил Иван.

— Слишком много? — остановился Ник.

— Вообще-то, да. Половины этой суммы будет за глаза и за уши.

— О'кей! — Ник перехватил купюру в сто евро до того, как бармен успел её взять. — Sorry, я ошибся, — сказал он и положил на стойку пятьдесят евро. — Идём, не будем терять время, — сказал он Ивану и тот подмигнул огорчённому парню, который по его милости лишился приличных чаевых.

Бармен оказался незлобивым парнем и подмигнул ему в ответ — мол, порядок, браток, я не в обиде! Иван усмехнулся и положил на стойку двадцать долларов, за что удостоился признательного поклона и шутовского расшаркивания.

Ник приподнял бровь, глядя на него.

— Сам же сказал, что хватит пятидесяти евро.

— Хорошему человеку не жаль приплатить. Всё равно он отдал эти деньги девчонке, что крутилась рядом с барной стойкой, — ответил Иван. — Судя по виду, она порядочно оголодала, но не нищенка и не попрошайка. Видимо, убежала из дома.

— Всех не благодетельствуешь, — равнодушно сказал Ник и направился к машине, около которой уже болтались несколько парней, которые заглядывали в окна ягуара и похозяйски стучали по его колёсам.

— Гляди-ка, а вот и наши кошельки подгребли! — ощерился тощий сутулый парень, явно бывший зэк.

Это было последнее, что он успел сказать. В следующее мгновение в воздухе мелькнул тончайший росчерк белой молнии и его голова, отделившись от тела, покатила под ноги подельников. Несколько мгновений шпана тупо смотрела на неё, а когда обезглавленный труп их главаря смачно шлёпнулся на асфальт, они, как тараканы, прыснули в разные стороны.

На этот раз Ник сам сел за руль, и ягуар без участия хозяина с тихим урчанием тронулся с места.

— Зверь, а не машина! — одобрительно сказал Иван, устроившись на задних сиденьях. — Кстати, ты знаешь, что твоего липового ягуара демаскирует отсутствие запаха бензина и сопутствующего ему выхлопа?

— Да, недоработка, — согласился Ник и перешёл на ручное управление.

Иван, которому не давало покоя увиденное, всё же не утерпел:

— Чем ты его? Я такого ещё не видел.

— Молекулярная струна, — Ник глянул через салонное зеркало. — Это экспериментальная разработка.

— Мономолекулярная нить, как в фантастике?

— Нет, именно молекулярная струна. Это молекулярное полотно, сотканное определённым образом. В общем, объяснять не имеет смысла, всё равно не поймёшь.

— Можно посмотреть? — попросил Иван.

Ник протянул ему золотую трубку, похожую на тюбик губной помады. Видя, что напарник держит её с осторожностью, он добавил:

— Не бойся, у тебя в руках она не сработает. Всё наше оружие скоро будет иметь индивидуальную настройку, чтобы им не могли воспользоваться посторонние.

— Понятно. И на какое расстояние она действует?

— Пока до десяти метров, но со стопроцентной гарантией только в пределах пяти-шести метров.

— Режет всё или только органику?

— Всё, кроме специально обработанных материалов и алмаза.

— Выходит, есть оружие и есть защита от него? — уточнил Иван.

— Да, — подтвердил Ник. — Только идиоты создают оружие и не думают о защите от него.

С уважением глядя на товарища, Иван вернул ему опасный тюбик.

— Интересно, что за гений всё это создаёт? — спросил он, выразительно глядя на затылок товарища.

Ник промолчал, и он улыбнулся, сочтя, что его молчание уже само по себе является ответом на его вопрос.

Костюм они купили в первом же попавшемся бутике. Правда, им повезло, и они пришли туда, куда нужно, а именно в один из самых модных и дорогих магазинов мужской одежды.

В помещении с не очень ярким освещением, царила атмосфера солидности и финансового процветания. Стойки с костюмами соседствовали с дорогой итальянской обувью и не менее дорогими рубашками. Здесь же высились полки с пестрым разноцветьем мужских галстуков и лежали прочие аксессуары, без которых уже немыслима жизнь современного российского буржуа.

Слегка замешкавшийся седовласый продавец провёл своеобразный фейсконтроль, чтобы выяснить толщину кошелька юных посетителей. Что-то ему подсказало, что с ними стоит иметь дело, и он с услужливой улыбкой поинтересовался, чего бы хотели приобрести господа.

— Хороший костюм для делового ужина.

Тон у Ника был ледяной, но его высокомерие не смутило продавца, такое поведение покупателей было ему не в новинку.

— Какую марку вы предпочитаете? Из немецких у нас есть «Bugatti», «Stones», «Baumler»...

— Марка меня не интересует. Подберите на своё усмотрение, только это должна быть действительно хорошая вещь.

— Хорошо, сэр.

Продавец окинул фигуру Ника профессиональным взглядом, и направился к стойкам с костюмами. Попутно он удивился тому, что такие высококлассные парни из модельного бизнеса приобретают готовую одежду, а не шьют её на заказ.

Сияя улыбкой, к ним устремилась красивая девушка в тёмно-красной униформе магазина.

— Прошу вас, проходите в примерочную кабину, — сказала она и повела их в нужном направлении.

Поскольку её задачей было расположить к себе покупателей, то она сразу же завела ни к чему не обязывающий лёгкий разговор.

Девушка была весела и остроумна. И хотя чувствовалось, что она не прочь продолжить деловое знакомство, тем не менее она не выходила из рамок приличий и это пришлось молодым вампирам по душе. Поскольку у их собеседницы был нужный им дар, Иван вопросительно посмотрел на Ника, но тот отрицательно качнул головой, и он порадовался этому. По возрасту девушка уже не годилась в фениксы, а участи менталистов он ей не желал.

Вернувшийся продавец повесил принесённые костюмы на вешалку.

— Сэр, я взял на себя смелость предложить вам несколько рубашек и аксессуары к ним. Когда вы определитесь с костюмом, я помогу вам подобрать соответствующую рубашку и галстук.

Ник согласно кивнул и сразу потянулся к тёмно-синему костюму, сшитому из шерсти с шелковистым отливом. Получив тонкого полотна рубашку с изящной бледно-голубой вышивкой по планке и воротнику-стойке с парой подходящих запонок, он скрылся в примерочной. Когда старший патруля оттуда вышел, Иван с одобрением присвистнул.

— Очень хорошо, и галстук не нужен, если только ты не любитель всяких экзотических штук на шее.

— Точно нормально сидит? — Ник с сомнением посмотрел в зеркало.

— На все сто! — подтвердил Иван, уже не удивляющийся его странностям.

Продавец, получивший карточку на оплату покупок, умчался к кассе, но вскоре вернулся, держа ворох чеков. Он подождал, пока Ник переоденется в свою одежду, и спустя несколько минут вручил ему тщательно запакованные покупки. На выходе расторопный продавец напутствовал их обоих пожеланием удачи и выразил надежду, что прекрасные молодые люди и в следующий раз посетят их салон. Девушка тоже проводила их до двери и, одарив ещё одной ослепительной улыбкой, помахала им на прощание.

— Спасибо, что сходил со мной, — с церемонным видом поблагодарил Ник, когда они снова сели в машину.

Иван благодушно отмахнулся.

— Продавец — опытный мужик и вкус у него есть. Если что, ты и без меня бы обошёлся.

— Возможно, но помощь никогда не мешает, — Ник глянул на него через зеркало и усмехнулся. — Тем более, ты знаешь обо мне больше остальных и уже не слишком удивляешься несуразностям в моём поведении. Ведь так?

— В общем-то, да, — сразу же подобрался Иван. — Ник... — он заколебался, — понимаю, тебе это не по вкусу, но всё равно хочу спросить. Скажи, что тебе нужно от Мари?

— А сам как думаешь?

— Поначалу мне казалось, что она тебе нравится и ты достаёшь девчонку за тем, чтобы

привлечь её внимание, но теперь я в этом сомневаюсь. Есть ощущение, что Мари не ошибается и ты её действительно ненавидишь... точнее, ненавидел в самом начале.

На лице Ника промелькнуло любопытство.

— Что заставляет тебя думать, что я изменил к ней своё отношение?

— Ведь кровь не водица, — негромко сказал Иван и замер в ожидании ответа.

— Ты ошибаешься, она для меня никто.

— А Палевский?

Ник снова посмотрел на него в зеркало.

— Хочешь услышать ответ? — поинтересовался он с прохладцей в голосе.

— Пожалуй, нет, — отозвался Иван и криво улыбнулся. — И вообще, Реази, будь другом, прекрати создавать мне ложные воспоминания.

— Что ж, тогда я тоже попрошу тебя об одолжении: не лезь не в своё дело. Своим вмешательством ты ничего не изменишь, только себе сделаешь хуже.

— Н-да, какая-то у нас односторонняя дружба.

— Ладожский, ты не ценишь того, что имеешь. Если бы я не относился к тебе по-дружески, мы с тобой сейчас бы не разговаривали.

— Понятно, — вздохнул Иван. — Только не нужно отрезать мне голову. О'кей?

— О'кей! — согласился Ник и по его губам скользнула улыбка.

В последнее время он улыбался всё чаще, хотя сердился, когда ловил себя на этом. Но ему действительно нравилось общаться с умницей Ладожским и его очаровательной подружкой. Да и с Мари ему тоже нравилось общаться, хотя он не признался бы в этом даже самому себе.

— Слушай, Ник, и всё же я тебя прошу, пожалуйста, отцепись от Мари! Девчонка и так не от мира сего. Одно её увлечение математикой, по-моему, уже на грани психоза, а тут ещё ты со своим неадекватным отношением.

В голосе Ивана, верного дружбе, отчётливо прозвучали просящие нотки, и Ник смерил его предупреждающим взглядом.

— Ладожский, я был лучшего мнения о твоём уме. Ты сам замолчишь или я должен тебе приказать?

— Ладно, я сам заткнусь, но...

— Молчать!

«Средневековый самодур!» — буркнул Иван себе под нос, но Ник сделал вид, что не услышал.

Академия. Примечательная встреча Золотого Тигра и Солнечной Львицы

— Послушай, щенок, зря ты за мной увязался! Я найду выход из купола, невзирая на все твои усилия! — выкрикнул Тьен и насмешливо добавил: — Что, теперь служба безопасности уже детей вербует в свои ряды?

— Стой, дурак, там обрыв! Сорвёшься, костей не соберёшь! — раздался встревоженный мальчишеский голос.

Тьен проигнорировал предостережение преследователя и шагнул на узкий карниз. Высокая галечная насыпь опасно шевельнулась под его ногами. Он понял, что совершил ошибку, и мгновенно вспотел от напряжения, но пути назад уже не было и он, стиснув зубы, сделал несколько шагов. Поскольку в полной темноте пещеры вампирское зрение ничем не могло ему помочь, то это были шаги в неизвестность.

Тем не менее ничего страшного не произошло, и Тьен почувствовал себя увереннее. К

его радости, вскоре тьму сменили серые сумерки. Но главный подарок ждал его впереди, за скалистым выступом. Он обогнул его и увидел, что на расстоянии десяти метров находится ровная площадка, на которую вместе со снегом падает яркий солнечный свет. Юноша радостно вскрикнул и рванулся вперёд, но тут предательская галька зашумела и целым пластом поехала вниз. Спасения не было, обледенелый карниз был слишком узок и он, закрыв глаза, рухнул в пустоту.

В сознание его привёл яркий свет. Тьен попробовал приподняться и, не сдержавшись, застонал от невыносимой боли.

— Ну что, Рыжий, добегался? — с яростью прошипел юный преследователь, свесившись с края обрыва.

— Иди к чёрту!.. Убери свой дурацкий фонарь, — зажмурил глаза, с трудом ответил Тьен.

— Это ты, придурок, скоро отправишься к чёрту, а не я, — раздражённо произнёс мальчишка со странно взрослыми интонациями в голосе и ворчливо добавил: — Бросить бы тебя здесь, чтобы знал, как шляться, где тебя не просят, но служебный долг превыше всего.

— Ну и вали отсюда.

— С удовольствием, да совесть не позволяет. Если спущу верёвку, сам поднимешься? — донёсся деловитый голос мальчишки. — Если совсем дело плохо, то хотя бы обвяжись, я вытяну тебя наверх.

— Не сможешь, силёнок не хватит... возвращайся и зови на помощь.

Луч фонарика метнулся по галечной насыпи, на которой лежал Тьен.

— Что-то ты мне не нравишься. Судя по позе, у тебя сломан позвоночник.

— Думаю, да... Иди и будь осторожен, иначе мы оба здесь умрём.

— Что мне в тебе нравится, Рыжий, так это твой неиссякаемый оптимизм.

«Вот упрямый дурак! Если он попытается вытащить меня самостоятельно, то я точно загнусь, — сердито подумал Тьен. Он не представлял, как хрупкий пятнадцатилетний подросток дотащит его до спасительного купола. — Остаётся только надеяться, что он успеет привести спасателей, прежде чем я отдам концы в этой пещере». Он снова смежил глаза, борясь с нарастающим приступом боли.

— Va! Le diable t'emporte![4]

— Заткнись, Рыжий! Больше делай, меньше болтай. Учти, ты сделаешь мне великое одолжение, если не потеряешь сознание и будешь хоть как-то держаться на ногах.

В мёртвой тишине пещеры сначала раздался грохот молотка, бьющего по чему-то металлическому, а затем его сменил тихий шорох, и по руке Тьена скользнула обещанная верёвка. Он попробовал сесть, чтобы обвязать её вокруг пояса, но от резкой боли в потревоженном позвоночнике не сумел удержаться в сознании.

Видя, что его подопечный свесил голову и повалился на бок, юный преследователь взялся за верёвку, привязанную к вбитому в скалу крюку, и с уверенностью опытного альпиниста заскользил вниз.

Оказавшись в расселине, мальчишка склонился над Тьеном, по-прежнему находящемся без сознания, и проверил его пульс.

— Чёрт! Рыжий, мы так не договаривались! — с досадой воскликнул он и, присев на корточки, озабоченно посмотрел на распластанного юношу. — Да, Злата Тигра, похоже, ты надолго вошёл в роль бревна. Видимо, придётся тащить тебя на собственном хребте. Что ж пора Хамелеону сменить шкурку на ту, что сейчас сподручнее. Слава богу, что народ

додумался до эластичных одёжек.

Фигура мальчишки на мгновение затуманилась, и вместо него возник рослый парень. Судя по виду, ему было двадцать с небольшим.

— Ну-с, дружок моей не состоявшейся подружки, давай вернёмся к цивилизации, где тебе окажут посильную помощь, а то лапуся страшно огорчится, узнав, что ты нечаянно загнулся к ней по дороге, — произнёс он вполне взрослым голосом.

Обвязав Тьена верёвкой, Анжей вытянул его наверх и с ловкостью гимнаста пронёс по узкому карнизу. Правда, оказавшись в безопасном месте, он всё же не выдержал. С осторожностью положив полуживого подопечного, он прислонился к каменной стене, холодной как лёд, и закрыл глаза, приходя в себя после неимоверного напряжения. Им очень повезло, что узкий карниз с предательской галькой, маскирующей провалы, всё же выдержал их сдвоенный вес и они благополучно добрались до широкого каменного уступа. Почувствовав, что адреналин уходит и у него затряслись колени, Анжей принял стимулятор и поднял Тьена. Боясь опоздать, он со всех ног бросился к студенческому городку.

***

Первое, что услышал очнувшийся Тьен, это счастливый женский смех и на какое-то мгновение ему показалось, что это Мари. Сердце юноши радостно забилось, но звук поцелуя разрушил возникшую иллюзию.

— Эй, Моррисон, хватит прикидываться спящей красавицей. Технику не обманешь, я же вижу, ты очнулся, — раздался требовательный мужской голос и Тьен, открыв глаза, встретился взглядом с холодными голубыми глазами. Коротко стриженный светловолосый парень внимательно вглядывался в его лицо. Он с недоумением посмотрел на него, и тот понимающе усмехнулся.

— Не напрягайся, Рыжий, хоть мы и знакомы, думаю, самостоятельно ты меня не признаешь, — сказал он и снисходительно добавил: — Кстати, выглядишь довольно сносно. Во всяком случае, уже не напоминаешь отбивную. Чувствуется, что у Моррисонов истинно кошачья порода, с девятью жизнями про запас.

— Надеюсь, вы врач? — спросил Тьен. — Тогда я не понимаю, почему вы мне тыкаете и вообще так грубо себя ведёте.

— Врач? Тупишь, Рыжий, видать тебя неслабо приложило головой.

Тьен досадливо поморщился, поняв свою промашку. Незнакомец был одет в студенческий комбинезон клана Дракона и врачом, естественно, быть не мог.

— Милый, перестань нервировать пациента, а то я выставлю тебя из палаты, — вмешался в их диалог грубый женский голос.

Грубиян повернулся к женщине во врачебной униформе и неожиданно для Тьена ласково улыбнулся, а затем хозяйским жестом притянул её к себе, собираясь поцеловать.

— Анжей, прекрати! Что ты себе позволяешь, да ещё в присутствии пациента? — активно запротестовала она и упёрлась ему руками в грудь. — Я кому сказала? Здесь госпиталь, а не казарма.

— Дуришь, мисс Алис? — процедил парень и покосился на Тьена. — Нашла кого стесняться. Рыжий не ребёнок, можешь не переживать за его нравственные устои. К тому же я хочу тебя поцеловать, а не разложить на соседней койке.

Тем не менее он опустил руки, и смущённая женщина-врач отскочила от него. Она подошла к Тьену и он признал в ней новую знакомую; она жила в коттедже, который раньше занимали Мари с подругой. Нервными движениями она поправила растрепавшуюся

прическу и присела у его кровати.

— Как чувствуешь себя, Тьен Моррисон?.. О, сколько удивления на лице! — с легким смешком сказала она. — Что странного ты находишь в моём присутствии?

— Простите мое ротозейство, мадам Алиса, я не сразу вспомнил, что вы врач, — нашёлся Тьен.

Алиса Миллиган виновато улыбнулась.

— Извини за неподобающую сцену, но что поделать, для самоутверждения некоторые мальчишки любят распускать язык и руки.

— Всё в порядке, мадам Алиса. Ничего страшного, я всё понимаю, — поспешно откликнулся Тьен и покосился на посетителя, на лице которого промелькнула недовольная гримаса.

— Тьен, насколько помнится, мы были с тобой на «ты», — напомнила врач.

— О, простите, мадам Алиса, я исправлюсь! Ты и только ты.

Несмотря на плачевное состояние юноша был галантен как истинный француз и Алиса невольно улыбнулась, когда он попытался сесть, чтобы поцеловать её руку. Правда, он был слишком слаб и сумел лишь слегка приподняться, что очень её обрадовало. Это говорило о том, что паралич ему не грозит.

— Замечательно! Очень быстро идёшь на поправку. Значит, будешь жить долго и счастливо...

— Если в следующий раз я успею вытащить этого дурака с того света, — бесцеремонно перебил её Анжей. Развалившись в кресле, которое ординатура использовала для сна около тяжёлых пациентов, он с насмешливой миной наблюдал за врачебной суетой Алисы. — Хотя должен признать, на этот раз я тоже виноват в создавшейся ситуации. Мне стало интересно, есть ли выход из купола на поверхность через систему пещер, — замолчав, он с любопытством посмотрел на Тьена. — А ещё я хотел увидеть, как далеко ты способен зайти в своём упрямстве.

Приметные голубые глаза и общее сходство с преследующим его мальчишкой, а также услышанные краем уха разговоры Кати и её подружек о парне, способном менять возраст, наконец подсказали ему, с кем он имеет дело.

— Хамелеон! — воскликнул поражённый Тьен. — Вот уж не думал, что это правда и ты действительно умеешь превращаться в подростка!

— Уже наслышан? — усмехнулся Анжей. — Ну да, в нашем мирке все секреты рано или поздно становятся секретами Полишинеля. Вообще-то меня зовут Анжей Сапковский, и я твой личный ангел-телохранитель. Ну и тюремщик по совместительству. Думаю, ты догадываешься, кто меня нанял.

Вместо ответа Тьен вздохнул. Он любил и уважал Симона Моррисона, своего вампирского отца, с которым вдобавок был связан кровными узами, но временами его диктаторская забота вставала ему поперёк горла.

— В общем, тебе велено сидеть и не рыпаться. Дочка Палевского — это не просто юбка, это политика. Лезть к ней вопреки желанию вышестоящих чревато убийственными неприятностями, — серьёзно предупредил Анжей и, повернув голову, выразительно глянул на Алису.

— Лапуся, выйди. Не вредничай! Мы быстро, ещё успеешь вставить ему клизму.

— Какую клизму? — растерялся Тьен.

— Лечебную, — фыркнул Анжей. — Прямая кишка должна работать, иначе отравишься.

Тьен запылился так жарко, что Алиса сжалась над парнем и вышла.

— Давай так, — продолжил Анжей прерванный разговор, — я не лезу в твои дела, а ты не лезешь в мои, но слушаешь, что я тебе говорю и не лезешь на рожон. Я тебе не Супермен, чтобы каждый раз вытаскивать тебя из переделок типа последней. Рухни я с карниза и мы оба не собрали бы костей.

— Извини, я не думал, что так получится, — буркнул Тьен, чувствуя себя виноватым.

— Извиняю. А теперь послушай, что я тебе скажу. Рисковать не имеет смысла. Купол Гефеста — это не только Академия, это оборонительный комплекс. Конечно, изнутри он защищён не так хорошо, как снаружи, но тоже не каждая мышь прощмыгнёт, без риска хорошо прожариться. Кстати, тебе привет от Боба Раскина и сердечная благодарность за обнаруженный ход через пещеры. Теперь их перекроют и поставят сигнализацию.

Анжей смерил подопечного испытующим взглядом.

— Моррисон, вообще-то ты мне должен. Ведь я тоже нацелился на Палевскую, но ты меня опередил, свалившись ей на голову. Конечно, меня бы это не остановило, но я видел, что она сразу же запала на тебя и потому не перешёл тебе дорожку. Вот и цени моё доброе отношение, а будешь рыпаться, пожалеешь. Я могу устроить тебе такую жизнь, что мало не покажется, — ровно сказал он.

И что-то такое было в его голосе, что Тьена передёрнуло, тем не менее он не собирался сдаваться. Анжей это понял и весело скривился.

— Ладно, но потом не ной, если тебя засунут в клетку и из всех собеседников у тебя опять же останусь только я.

— Merde! — обречённо уронил Тьен и Анжей, склонившись к нему, чуть слышно выдохнул:

— А ты попробуй подружиться со мной. Не пожалеешь. Ничего обещать не могу, но другу я всегда готов помочь.

Тьен со вспыхнувшей надеждой посмотрел на него и спецназовский выкормыш с трудом подавил торжествующую улыбку. Тем не менее между ними пролегла связующая нить. Тьену были нужны спецназовские навыки Анжея, а тому знакомства среди власть предержащих, чтобы продвинуться по службе. Как бы то ни было, а начало дружбе было положено, причём она продлилась куда дольше, чем оба рассчитывали.

---

[1] В США пиво разрешено продавать только тем, кому исполнился 21 год.

[2] Boutique de tailleur (фр. яз.) — лавка портного.

[3] A General store (англ. яз.) — универсальный магазин.

[4] Va! Le diable t'emporte!(фр. яз.) — Иди! Чёрт тебя побери!

Мари. Чудеса в решете. Бойтесь данайцев, дары приносящих

Как-то всё не задалось с утра знаменательной пятницы. Неизвестно почему, но я беспричинно нервничала, томимая какими-то дурацкими предчувствиями. Впрочем, они не имели какого-либо оформленного вида — так одно беспокойство и больше ничего, с ощущением что сегодня должно произойти нечто из ряда вон. Короче, дело кончилось тем, что я разбила любимую чашку Мика. Чертыхнувшись, я быстренько собрала черепки и скинула их в мусоропровод. Заметя следы преступления, я слиняла из кухни, а прочую невымытую посуду оставила на Аннабель. Правда, меня удивило, что её до сих пор здесь нет: обычно мышонок встаёт раньше всех.

В другой день я сразу же поднялась бы в комнату Аннабель, но сегодня мои мысли занимал лишь предстоящий визит Ника. Всё бы ничего, если бы вокруг него не поднялся такой сыр-бор. Ну да, наш старший патруля парень необычный, но я не думала, что настолько, чтобы им заинтересовалась служба СБ, причём не кто-нибудь, а сам Ледяной Тигр.

Визит Штейна не доставил мне никакого удовольствия, в отличие от Рени, которая обрадовалась ему, как родному. Видимо, наше достопамятное общение при приёме на работу не прошло для меня даром. Стоило мне увидеть шефа СБ, особенно его ледяную мину на лице, и меня стало колотить от волнения. Сама не ожидала, что Штейн произвёл на меня такое неизгладимое впечатление.

В общем, шеф СБ собрал нас всех вместе: меня, Соню и Ивана, и устроил нам допрос с пристрастием. Мы выложили о Нике, всё что знали, во всяком случае, я всё рассказала. Что говорили Иван и Соня я не знаю, поскольку допрашивали нас по отдельности. После ухода Штейна мы обменялись впечатлениями. Правда, в основном обменивались мы с Соней, а Ладожский всё больше помалкивал. Чего-то он темнит, видимо, что-то знает о Реази, но не хочет нам говорить. Ну и пусть молчит! А то своим вопросом, отчего меня так волнует его судьба, он загнал меня в тупик. Самое противное, что это действительно так. Ник, значит, терпеть меня не может, а я за него переживаю. Нормально, да?!

Вот помяни чёрта, и он лёгок на помине! В дверь моей комнаты легонько стукнули и на пороге появился Реази, в сопровождении сияющей Аннабель. Бедный ребёнок! Как ей может нравиться такой засранец, ума не приложу! Хотя признаю, что по большому счёту я не права. На самом деле Ник очень красив и теперь мне понятно, почему в своё время Соня тоже им бредила. Это он только при виде меня морщится и мрачнеет. Никак не пойму, чем и когда я этому гаду настолько досадила, что до сих пор активно ему не нравлюсь. Правда, в последнее время в его взгляде появилась странная задумчивость. Такое чувство, что временами он сам забывает, из-за чего злится на меня. Ну и слава богу!

— Доброе утро, Мари! — чирикнула Аннабель и убежала к себе.

— Salut! — сказал Ник и после моего кивка прошёл на середину комнаты. — Скорей келья отшельника, чем жилище женщины, — сказал он, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Я попыталась увидеть свою комнату его глазами. Пожалуй, он прав. Обстановка действительно аскетичная: стол, стул, диван и множество шкафов с книгами по математике. Скорее офис, чем жилое помещение. Разве что пышно наряженная кровать в нише и

витражная дверь в гардеробную выбиваются из общего стиля. Но это заслуга Рени, я бы ни за что себе такое не заказала. Правда, была ещё витрина со стеклянными игрушками. Это уже чисто моё. Люблю стеклянных зверушек, особенно драконов, у меня их целая коллекция.

— Что тебе? — спросила я не слишком любезно.

— Да вот, был у Ладожского и по пути решил заглянуть к тебе. Хочу узнать не изменилось ли чего в планах на вечер.

Я фыркнула. Совсем не обязательно было припираться лично, мог бы обойтись звонком по мобильнику.

— Ничего не изменилось. Как и договаривались, мы ждём тебя в двадцать один ноль-ноль.

— Bien![1]Первый семейный ужин это важно, — последовал задумчивый ответ, но гость и не подумал уходить.

Слова Ника о первом семейном ужине зацепили меня, но я не придавала им значения. Тем более, что я всё больше злилась, глядя на то, как он по-хозяйски расхаживает по комнате и лапает мои вещи. Совершенно бесцеремонный тип! Когда Ник открыл двери витрины, где стоял мой стеклянный зверинец, я забеспокоилась. Проклятье! Так я из знала! Будто бы случайно он взмахнул рукой и мой любимый дракончик, коснувшись пола, разлетелся разноцветными осколками.

В ответ на мой огорчённый взглас, этот гад обернулся и удивлённо приподнял бровь.

— Что случилось, золотце?

— Как что? Реази, ты разбил моего дракончика, — сказала я сквозь зубы, но вежливо, как и полагается воспитанной барышне, ведь гостям нужно прощать промахи. — В общем, ничего страшного, но это была моя любимая статуэтка, — добавила я, с намёком на извинения.

Да прям! Ник насмешливо улыбнулся и подошёл к шкапам с книгами. Ну да, скорей дождёшься манны небесной, чем извинений от этого гада. «Язык бы у тебя не отвалился, а мне было бы не так обидно!» — сердито подумала я и кивнула Аннабель, которая принесла мне совок и щётку. Моя школа! Девчонка явно подслушивает под дверью.

Подбирая осколки, я расстроилась чуть ли не до слёз. У дракошки, которого я звала Леголасом, была такая милая мордочка. Когда я с ним разговаривала, то мне всегда казалось, что он очень сочувственно слушает, а теперь вот даже не с кем поделиться переживаниями.

Короче, убийство стеклянного друга переполнило чашу моего терпения. Кипя жаждой мщения, я плюнула на приличия. Была нужда любезничать с типом, который хамит мне на каждом шагу! Как никогда до этого я пожалела, что смалодушничала и сразу не послала его с идеей ужина. Какой смысл знакомить парня с родителями, если в дальнейшем не собираешься поддерживать с ним отношения? Тем более что дежурства скоро закончатся, и я забуду о Реази как о страшном сне.

Видимо, в ответ на мои мысли этот гад оторвался от просмотра книг и, подняв голову, посмотрел на меня с выражением типа: «Ну-ну, попробуй!», после чего я уже закипела на полную катушку. В самом деле, сколько можно терпеть пренебрежительное отношение? Я ему что, девочка для битья?.. Нет, нужно успокоиться! Несмотря на злость, почему-то меня не тянуло выяснять отношения с Реази. Есть в нём нечто такое, что... взывает к моей осторожности. Даже странно, что на первых порах я чувствовала себя с ним свободно и могла послать куда угодно. Тем не менее меня так и подмывало швырнуть в него чем-нибудь тяжёлым.

«Давай заканчивай рыться в моих вещах и вали отсюда! Ответ на свой вопрос ты уже получил!» — мысленно сказала я, не желая, чтобы нас слышала Аннабель. В последнее время она повадилась наушничать Рени, а мне не хочется её волновать.

«Можешь не стараться, мысленно проговаривая слова. Я и так прекрасно тебя понимаю».

Вот тебе и очередное подтверждение, что этот гад читает мои мысли.

— Mon dieu! — я вздохнула и Ник снисходительно усмехнулся.

— А ты до сих пор сомневалась? Странно.

— Не столько сомневалась, сколько до последнего пыталась сохранить свои иллюзии, — сердито сказала я и попыталась отобрать у него записи с моими математическими набросками.

Ага, сейчас! Ник приспустил щит и его ментальное поле ударило меня с такой силой, что в моей голове взорвался целый фейерверк. Вот скотина! «Что, уже не считаем нужным скрываться и играем в открытую? — простонала я, покрывшись липким потом. — Хватит! Меня сейчас стошнит!»

«Слабачка!» — прорвался ко мне презрительный голос Ника, но, к моему великому облегчению, он снова поднял ментальный щит.

«Имею на это право! — мысленно рявкнула я, после того как немного пришла в себя. — А вот ты кто такой? Если один из старейшин, а судя по мощи, ты один из них, тогда почему Мика и Штейн тебя не знают? Чего ты молчишь?»

Ник недовольно дёрнул плечом. «Если ты ведёшь к тому, что я террорист, то это не так», — мысленно сказал он, а вслух добавил:

— Ну, что ещё ты желаешь узнать обо мне? Смелей, я сегодня добрый.

— Иди к чёрту! Как будто мне есть до тебя дело. Ничего не знаю и знать не хочу. Это Штейн горит желанием выяснить всю твою подноготную, — заложила я шефа СБ, хотя уверена, что мой наглый гость уже знает, что он тоже придёт к нам на ужин.

— Золотце, ты непоследовательна в своих желаниях...

— Не зови меня золотцем! — прорычала я.

— А что, у тебя это слово вызывает какие-то неприятные ассоциации? — лениво поинтересовался Ник и открыл мой ноут.

Озадачившись скоростью, с которой он прочитывал мои рабочие файлы, я даже позабыла о своём раздражении. Из всех, кого я знаю, лишь один человек способен с такой быстротой поглощать информацию, и этот человек мой вампирский отец. Да, всё страньше и страньше! Итак, кто же такой Ник Реази? И что его связывает с Микой...

— Слушай, золотце, у тебя здесь куча ошибок в выкладках, — прервал Ник мои размышления.

Кстати, с чего я решила, что он читает, а не просто прокручивает файлы?

— Да неужели? — процедила я, уязвлённая в профессиональном плане. — Сначала докажи, что ты разбираешься в этом.

И Реази доказал. И не просто доказал, а размазал меня, как говорится, по плитусу, причём размазал очень тонким слоем. Он в два счёта доказал мне, что я дура, которая ничего не смыслит в математике и делает элементарные ошибки. Самое обидное, что он оказался прав. Когда меня ткнули носом в эти самые ошибки и показали, как должно быть, я тоже осознала, насколько они элементарные.

Удар был силён. Ведь я гордилась своими знаниями по математике и до этого момента

пребывала в уверенности, что гордость моя вполне обоснована. В общем, пришлось в очередной раз умыться дерьмом.

Правда, на этот раз Реази с чего-то вдруг раздобрился и вручил мне подарок: видимо, решил подсластить пилюлю, слишком уж она оказалась горька — настолько горька, что аж до слёз.

Ничего не говоря, он положил передо мной тоненькую книжечку — с унылой серой обложкой, на которой красовалась непонятная надпись. По виду книжонка походила на дешёвую брошюру в твёрдом переплёте. Короче, подарок был такой, что люди сразу же выбрасывают на помойку, чтобы не захламлять дом всякой ерундой. Самое смешное, что я даже растрогалась. Это было впервые, когда Реази что-либо мне дарил — конечно, если не брать в расчёт штрафные часы и замечания в личное дело.

Первой моей мыслью было: «Нафиг мне это нужно?», второй — «Чего это вдруг он раздобрился?». Тем не менее я поблагодарила и без особой охоты взяла подарок в руки. Хотя бы ради вежливости нужно заглянуть внутрь и что-нибудь сказать, например, ах как мило! Ночей не спала, мечтая заполучить эту дрянь на полки своей библиотеки. Ну а когда до меня дошло, что именно я держу, то я полностью отключила внешнюю коммуникацию и с головой ушла в содержание бесценной книги. Это был совершенно новый математический аппарат, описывающий пространство — время. Я такого никогда не видела. Просто море новых математических выкладок... и ведь как всё изящно и понятно преподнесено! Просто чудо! Не зря говорят, что внешность обманчива. Под невзрачной обложкой скрывалось настоящее сокровище. Никто из математиков не променял бы этого гадкого утёнка на роскошного лебедя, будь он размером хоть с Монблан и сделан из чистого золота, и в довершение соблазна сплошняком выложен бриллиантами размером с кулак. За такой подарок я прощаю Реази все его издевательства: прошлые, настоящие и даже будущие.

Когда меня вынесло в реальный мир, гостя уже не было. Ник ушёл по-английски, а может и нет, не имею ни малейшего понятия. Попытка снова углубиться в чтение привела к тому, что по мозгам шарахнуло жуткой болью, и я со стонами схватилась за голову. Так бывает, когда перезанимаешься.

Стеная, как стадо голодных вурдалаков, я на автомате направилась к кухне. Господи, полцарства за чашку кофе! Да что там жмотиться, отдам всё царство целиком!

И тут до меня дошло, что материала в тощей брошюре было как в солидном томе, весом эдак в пару килограммов.

Я замерла. Математика отошла на второй план, и мои мысли закрутились вокруг очевидной несуразицы. Merde! Так и знала, что с подарком Реази что-то нечисто! Испугавшись, я понеслась обратно в свою комнату.

Gloire à dieu![2] Книжка была на месте. На всякий случай я заглянула внутрь и у меня упало сердце. Вот дура! Нужно было сразу переснять текст к себе на компьютер, а не сходить с ума от счастья. Моё математическое сокровище исчезло и страницы брошюры пестрели какими-то странными символами, больше похожими на гигантские химические формулы. Я прижала гадкого утёнка к груди и зажмурилась. «Dieu tout-puissant, ayez pitié! S'il vous plaît, rends-le, tout comme il était![3]» — взмолилась я в надежде на чудо.

Верьте и обрящете! Затаив дыхание, я открыла обложку и взвизгнула от счастья. Моя молитва была услышана. «Спасибо тебе, Господи, кем бы ты ни был! Отныне и навсегда я твоя верная поклонница!» Всё! Больше никакого риска! Я поцеловала гадкого утёнка, и бросилась переснимать его содержимое к себе на компьютер.

На это у меня ушёл чуть ли не целый час. Затем я плюхнулась на пол и взяла в руки злополучную брошюру. В общем-то, имелось несколько версий, объясняющих происходящее. Первое, что приходило на ум, что у некоторых — не будем показывать пальцем в зеркало — поехала крыша.

Да, неважнецкий вариант.

Кстати, вот снова началось! Стоило моргнуть, и на страницах книжицы вновь появилась абракадабра. Я приуныла. «Ну, всё! Кажется, приехали! Здравствуй, страна беспробудных грёз! Отныне я твой постоянный житель... — перед глазами промелькнула злорадная смуглая физиономия, и я пришла в себя. — А вот фиг тебе! Я ещё не настолько сошла с ума, чтобы не отличать явь от глюков».

Ну-ка, что тут у нас в области новых разработок? Сейчас исследуем.

Увы! Тщательный осмотр выявил, что книжица действительно именно то, что кажется. Во всяком случае по виду, запаху и вкусу это обычная бумага, причём самого плохого качества. И всё же я уверена, что мой гадкий утёнок только прикидывается книжкой. Вот и листы показали мне слишком толстыми. По фактуре они больше напоминали плотную обёрточную бумагу. Даже мелькнула мысль, не надорвать ли один из них, но я не решилась, боясь что-нибудь испортить. И то верно, лучше ничего не трогать и оставить всё как есть. В принципе, какое мне дело до того, на каком носителе записана информация?

Смущало другое. Я положила подарок Ника на письменный стол и рассеяно отметила, насколько убого он смотрится в окружении дорогой канцелярии, и уже без истерик задумалась. Ну ладно, мой стержневой дружок! Новое слово в компьютерных разработках... не исключено. Но телепатическое управление? Что-то я ничего о таком не слышала, а я ведь совсем недавно из Академии. Если бы намечались такие разработки, я была бы в курсе. Но самое главное — это содержимое убогой на вид книжонки. Зуб даю, что нигде в мире нет таких математических выкладок. Н-да... не знаю, что именно может последовать из новой теории, но уже смутно прорисовывается кое-какая прикладная концепция к данному математическому аппарату... Оля-ля! Похоже, господин Эйнштейн скоро уйдёт в прошлое со своей теорией относительности! «Нет, нет! Всё, хватит на сегодня!» — приказала я себе, чувствуя, что меня снова понесло в математические дебри.

Опрометчивый кивок заставил меня горько пожалеть об этом неосторожном движении и, вообще, о наличии головы у Homo sapiens. «Кофе! Скорей дайте мне кофе!» — мысленно возопила я, но вместо того, чтобы идти в кухню, ноги сами привели меня к столу. Я прижала своё сокровище к груди и направилась к сейфу. Так надёжней. Не дай бог, если загадочная книжонка куда-нибудь смоеется за время моего отсутствия.

Интересно, какова будет расплата за столь щедрый подарок, подумалось мне. В том, что она последует, я несколько не сомневалась. Но на сегодняшний день это был вопрос без ответа.

Придерживая свою бедную голову так, чтобы она не шевелилась, я спустилась вниз. На моё счастье, Аннабель оказалась на своём рабочем посту. Напевая песенку, она что-то увлечённо помешивала в кастрюльке. В мыслях промелькнуло, что нужно спросить, где она пропадала с самого утра, но тут же улетучилось.

— Мышонок!.. Кофе! Умоляю! Если не хочешь, чтобы я погибла во цвете лет, — простонала я и с умирающим видом рухнула на ближайший стул.

Аннабель, добрая душа, тут же сунула мне в руки бадейку с кофе, а затем убежала к плите и вернулась с огромной тарелкой, доверху заполненной говядиной в соусе и молодым

картофелем на гарнир.

— О! Кофе! Еда! Аннабель, да ты настоящая спасительница!

Когда кофе кончилось, я подвинула к себе тарелку и вооружилась вилок. Она опустела в мгновение ока, и я тут же попросила добавки.

— Мышонок, ты мой ангел-хранитель с поварёшкой, — расчувствовалась я.

Господи, какое это счастье, когда организм, получивший положенное ему топливо, наконец-то прекращает издеваться над больной головой.

Довольная похвалой Аннабель что-то тараторила об увиденных по телевизору передачах, но я не прислушивалась к её болтовне. Как только очередная кружка с кофе показала дно, я поблагодарила её и поднялась в свою комнату. Нужно хоть немного поспать перед дежурством, чтобы снять умственную и физическую усталость.

Естественно, я не удержалась и заглянула внутрь сейфа. Опаньки! Вот так сюрприз! Вместо гадкого утёнка там сидел красавец лебедь, а именно, толстенный том в переплёте из красного сафьяна и с золотым обрезаем по краям. На его обложке внятно значилось: «Новое в математическом анализе многомерных пространств. Теория и решение прикладных задач». Изумительно! Мои глюки тучнеют и хорошеют прямо на глазах! Меня пробил истерический смех и подарочек Ника тут же отреагировал. Книжка начала худеть и сереть прямо у меня на глазах. Выглядело это так, будто она живая и обиделась на моё ржание.

— О нет, моя прелесть! У тебя обалденный новый прикид! Он мне очень понравился. Честное слово! — воскликнула я.

Чего уж там! Если поехала по фазе, то незачем стесняться и прикидываться нормальной. Yes! Моя просьба подействовала! Трансформация прекратилась и книга, смилостивившись, приняла прежний роскошный вид. Я вытащила её из сейфа и открыла первую страницу. К счастью, всё оказалось в полном порядке, и тогда я решила поэкспериментировать. Кое-что осталось мне непонятным, и я мысленно запросила развёрнутую информацию. Как говорится, всегда пожалуйста! Я с жадностью пробежала несколько строчек, но опомнилась и стала просто листать книгу, любясь её оформлением. Теперь загадочное издание было напечатано на лощёной белоснежной бумаге, какая бывает только в самых дорогих иллюстрированных альбомах. Поначалу пояснительные рисунки и красочные иллюстрации были обычными, но когда я стала присматриваться к ним, они приобрели объёмную структуру. Причём в некоторых случаях у меня возникло подозрение, что они имеют больше, чем три измерения. Я провела пальцем по такому рисунку и тут меня посетил полномасштабный мистер Глюк. Вдруг показалось, что кто-то хихикнул и тонким хрустальным голоском нежно пропел: «Подари мне частицу своей души, Лоти!»

Ошарашенная, я захлопнула книгу. «Ладно. На сегодня хватит чудес. Иначе, придётся признать, что я на самом деле свихнулась. Нужно хоть немного поспать перед дежурством».

Стянуть с себя футболку и джинсы было делом одной минуты, а вот найти пижаму оказалось не так-то легко. Плюнув на спальный комплект, я свернулась калачиком, но сон не шёл. Оно и понятно — полнейший перегруз нервной системы. Ну, ничего сейчас отключусь. «Бараны, кыш в овчарню! И никаких возмущённых «бэ-э», обойдетесь без подсчёта, на вас уже нет сил. Всё. Спать...»

ГЛАВА 28. Чудеса научной фантастики. Чудеса чудесами, а за стриптиз нужно платить!

Пока Мари разбиралась с его подарком, Ник тем временем вернулся домой, переоделся и улёгся в прозрачную продолговатую капсулу. Необычное устройство слегка светилось зелёным светом и по нему ритмичными волнами пробежали разноцветные всполохи. Одетый

в специальный костюм, снабжённый датчиками, он с холодным вниманием всматривался в лицо девушки на экране *тиарана*. Искусственный разум передавал изображение в режиме реального времени, на которое то и дело накладывались разноцветные таблицы и графики. Их показатели непрерывно менялись, отражая информацию, поступающую от исследуемого объекта.

Спустя какое-то время терпеливое ожидание на лице юноши сменилось выражением досады.

— Тиаран! Неужели так сложно оценить способности девчонки?

— Извините за задержку, мой райделин! В периферийных системах возник сбой. Данные обработки начали поступать только сейчас... Готово! — сообщил искин и на экране застыло изображение Мари. — Согласно данным проведённого исследования, способности исследуемого объекта оцениваются выше среднего уровня. Показатели по ряду основных коммуникаторов из серии MLITY...

— Какой у неё уровень в области математики? Коротко!

— Мой райделин, в математике она гений. Прошу прощения, но здесь она превосходит даже вас. Вывести точные показатели?

— Не нужно. Я уже её протестировал и ждал лишь твоего подтверждения.

— Рад служить, мой райделин! — заискивающе отозвался тиаран.

— Любопытно! Выходит, дочь этой твари унаследовала талант наших предков, — на лице Ника появилось задумчивое выражение. — Что ж, это несколько меняет дело. *Кхат аро чир, ал каер окос*. [4] Тиаран, скармливай ей как можно больше информации о пространстве — времени. Я хочу, чтобы она как можно быстрее освоила нашу математику и могла приступить к расчётам в наикратчайшие сроки.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой райделин.

Изображение девушки снова ожило и Ник посмотрел на экран. Когда озадаченная Мари поднесла периферийный блок тиарана к носу и тщательно его обнюхала, а затем даже лизнула, он фыркнул.

— Вот ведь глупая криа! Тиаран, ты уверен, что её общий уровень интеллекта дотягивает до нормы?

Искин замешкался с ответом и это насторожило его хозяина.

— В чём дело?

— Мой райделин, девушка умна, не сомневайтесь, но...

— Отвечай! — рявкнул Ник, выведенный из себя странным поведением искина.

— Во время исследований объекта был выявлен психологический дисбаланс...

— Что здесь странного? Она изначально была ненормальной.

— Мой райделин, здесь другое. У девушки искусственная амнезия, вызванная вами...

— Заткнись!

— Слушаюсь и повинуюсь! — отозвался тиаран с лёгкой обидой в голосе.

Ник выбрался из капсулы и, сев за стол, с задумчивым видом посмотрел на экран, где Мари с тем же выражением лица смотрела на его подарок.

— Крейд! Что-то я уже ни в чём не уверен, — буркнул он. — А ведь поначалу казалось, что это хорошая идея — подсунуть девчонку Михаэлю. Действительно, чего пропадать хорошему материалу, когда он может помочь ему в исследованиях? Кто же знал, что он возьмёт под свою опеку дочь змеи, что предала его. Нет, этот дурак ничему не учится! — заключил он со вздохом

Ник встал, тоже собираясь поспать перед дежурством, но при виде обнажённой девушки он остановился и после придирчивого осмотра, презрительно фыркнул. «Ничтожество! Даже на приличную рабыню не тянет. На такую без арие-выучки ещё не каждый дом раскошелится. И то верно, для рабских казарм слишком красива, а для хозяев слишком невежественна и неуклюжа». Тем не менее красота девушки не оставила его равнодушным, и он отключил её изображение.

Растревоженный воспоминаниями о доме, Ник раздумал спать и снова улёгся в капсулу. Как только на его лоб легла лента прибора, он закрыл глаза, и на его лице появилось сосредоточенное выражение.

С появлением мозгового центра снова завертелась бешеная круговерть, не нарушающая мёртвой тишины в комнате. По панелям причудливых приборов забегали цепочки огоньков. По прозрачным экранам поползли цветные линии диаграмм попеременно со сложнейшими формулами и странными образованиями, призванными объяснить необъяснимое.

Эта псевдожизнь прекратилась только тогда, когда на лицо юноши легла печать сильнейшей усталости. Тогда он сел в капсуле и открыл глаза.

Один из экранов продолжал светиться, и взгляд Ника поневоле устремился к нему. Трансляция шла из комнаты Мари. Проснувшись, девушка резко откинула одеяло и села в кровати. Загнанное выражение на её лице и дрожь, пробегающая по телу, заставили его нахмуриться. «Крейд! Неужели блокировка настолько ослабла, что безумие криа снова рвётся наружу?.. Впрочем, не стоит спешить с выводами. Возможно, это обычный кошмар», — понадеялся он.

Это и в самом деле был кошмар. Мари проснулась от собственного сдавленного вопля и, обливаясь потом, уставилась на дрожащие руки. Сжавшись в комок, она обхватила руками колени и уронила на них голову. «Господи! Если это будет продолжаться, то скоро я сойду с ума!.. Может, пора обратиться к Мике за помощью?.. Нет, только не это! — девушка содрогнулась от ужаса. — Даже под угрозой расстрела я не смогу никому рассказать всю эту грязь! — она ударила себя по лбу. — Ну, давай!.. Чёртова память, дай мне хоть какую-нибудь зацепку! Ведь я уже совсем близко. С каждым разом лица негодяев всё ясней. Ещё чуть-чуть и я всё вспомню».

И всё же, сколько Мари ни старалась, она не могла преодолеть барьер в памяти. Но она больше не сомневалась, что видит то, что с ней происходило наяву. С каждым разом сцены насилия и издевательств были всё ярче и реалистичней. Вызывая ярость и отчаяние девушки, всплывали такие подробности, которые никак не могли быть только плодом её фантазии. «Ладно, моё время ещё придёт. Я обязательно вспомню и тогда берегитесь, суки! Я обязательно вас разыщу и вырву вам ваши подлые сердца! Вы мне заплатите за все унижения, которые я вынесла по вашей милости. Заплатите сполна! Я буду рвать вас на кусочки, и наслаждаться вашими муками, как вы наслаждались моими», — подумала она с ожесточением.

При виде улыбки скривившей губы девушки, Ник потемнел как туча. Сейчас она как никогда походила на свою родную мать, которую он ненавидел всей душой. Но Мари не дала ему заикнуться на прошлом. Неожиданно она выпрямилась и взлетела в высоком акробатическом прыжке. С лёгкостью кошки она перевернулась в воздухе и с возгласом: «Оп-па!» приземлилась рядом с кроватью.

— Неплохо, золотце, — похвалил её оттаявший Ник. — Хоть ты и неуклюжа по сравнению с настоящими эрейками, — тут же добавил он.

Когда девушка, к его разочарованию, оделась и вышла из комнаты, он потянулся и, сладко зевнув, пробормотал: «Ну, погоди проклятая криа! Клянусь чреслами Ареса, ты у меня сполна заплатишь за то, что я работал вместо того, чтобы лечь спать».

Мари вернулась с мокрыми волосами и Ник, следуя её примеру, отправился в ванную, а затем пошёл в столовую, обедать. Пока он ел, перед его глазами то и дело возникало лицо девушки после пробуждения. Он гнал от себя чувство вины, но оно было остро как никогда.

Возмущённый не вовремя разгулявшийся совестью, Ник заёрзал на стуле. «Такое ощущение, что это моё появление спровоцировало у девчонки разблокировку воспоминаний... Проклятье! А вдруг она что-нибудь вспомнит во время ужина? Она же сорвёт мне все планы! — на его лице появилось мрачное раздумье. — С другой стороны, нет человека, нет проблемы. Жаль, что Михаэль этого не поймёт. К тому же она может принести пользу. Никто другой не сможет так быстро войти в курс дела и помочь мне с расчётами. Значит, в любом случае придётся повременить с её устранением». Запланированное убийство девушки откладывалось на неопределённый срок и он, стараясь не замечать собственного облегчения по этому поводу, взял чашку с кофе и глянул на устройство, которое выглядело как обычный мобильник.

— Тиран! Ведь я отключал комнату девчонки, так почему камера работает?

— Прошу прощения, райделин, но в старых директивах значится периодическое наблюдение за Мариэль. Прикажете произвести полное отключение?

— Нет. Пусть будет, — ответил Ник и после некоторого молчания добавил нейтральным тоном: — Отправь приглашение Алёне... хотя нет, пусть на этот раз будет Рамона. Закажи что-нибудь у Тиффани. Девчонка обожает блестящие побрякушки.

— Слушаю и повинуюсь, мой райделин, — отозвался тиран.

Если бы при их разговоре присутствовал посторонний, то он услышал бы в голосе искина чисто человеческое облегчение.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

[1] Bien (фр. яз.) — хорошо.

[2] Gloire à dieu!(фр. яз.) — Слава богу!

[3] Dieu tout-puissant, ayez pitié! S'il vous plaît, rends-le, tout comme il était! — Боже всемогущий, будь милостив! Пожалуйста, верни, всё как было!

[4] *Кхат аро чир, ал каер окос (вымышленный эрейский язык)* — Глупо убивать курицу, способную снести золотое яйцо.